

В 2(57)

ВРАТА СИБИРИ

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:
АНО

«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
ИВАНОВ Л.К.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 2 (57)

БЕЛКИН С.В.
ГАРДУБЕЙ М.М.
ЕГОРОВ С.И.
ЕФРЕМОВА Л.Г.
КОЗЛОВ С.С.
ФЕДОСЕЕНКОВ М.А.
ШЕСТАКОВ С.А.
ШИРМАНОВ И.А.
ЯРКОВ А.П.

Тюмень
2021

Содержание

ПОБЕДИТЕЛИ ФИЛОФЕЕВСКОГО КОНКУРСА

Дмитрий МИЗГУЛИН	Ночные поезда. Стихотворения.....	3
Сергей КОЗЛОВ	Крик души.....	8
Александр КЕРДАН	Стихотворения.....	12
Леонид ИВАНОВ	Портрет по памяти.....	17

ПОЭЗИЯ

Ирина ТРОФИМОВА (24), Леонид ТКАЧУК (37),
Людмила ЕФРЕМОВА (40), Егор КОСИН (49)

ПРОЗА

Дмитрий СЕРГЕЕВ	Псовая охота. Рассказ.....	28
Борис КАРТАШОВ	Рассказы.....	44

ПРОЧТИТЕ ВАШИМ ДЕТЯМ

Наталья БОРОДКИНА	Сказки.....	52
-------------------	-------------	----

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Сергей БОРОВСКИЙ	Сказка о русских богатырях и нечистой силе	59
------------------	--	----

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Марк АНТОНОВ	Бесполезные.....	67
Людмила БАКЛАНОВА	Что быть должно, то сбудется всегда, или Ступени роста.....	77
Марина КЛИМОВИЧ	Эссе.....	89
Катя РУБАН (71), Елена ГРИДИНА (86), Ярослав МАЛЬЦЕВ (92)		

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Анатолий ОМЕЛЬЧУК	Вечность времени счастья живописца Райшева.....	96
-------------------	--	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Лола ЗВОНАРЁВА	Литературная вселенная Павла Кренёва....	100
Дмитрий ЕРМАКОВ	Щедрый талант.....	102
Тодор ВОИНСКИЙ	...И ни одной фальшивой ноты На снежной белизне листа.....	105
Владимир КРУПИН	Перо чайки.....	111
Вячеслав ЛЮТЫЙ	Разорванные страницы.....	115
Михаил РЯБИЙ	О новой книге Олега Яненагорского «Отблески жизни на грешной земле...».....	119
Константин КРАВЦОВ	В весельи и тайне.....	128
Станислав ЛОМАКИН	Мыслитель, пророк, гений.....	131
	Великий этимолог, лексикограф XX столетия...	134

КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр ЯРКОВ, Илья ЛОТКИН	«Тюменские таллинцы».....	137
---------------------------------	---------------------------	-----

ТРИУМВИРАТ

Эдуард АНАШКИН	Хранитель живой воды.....	145
Сергей НИКОЛАЕВ	Рассказы.....	152
Владимир МИТЮК	Рассказы.....	165
Изабелла КРОТКОВА	Дар Господень. Рассказ.....	179
Лилия СТАРИКОВА (150), Яков ШАФРАН (161), Николай КОТОМИН (176), Андрей КОЗЫРЕВ (186)		

Литературная хроника		190
Коротко об авторах		193

**ПОБЕДИТЕЛИ ФИЛОФЕЕВСКОГО КОНКУРСА
2020 и 2021 годов**

Дмитрий МИЗГУЛИН

НОЧНЫЕ ПОЕЗДА

* * *

А скорый поезд мчится ночью
По растревоженной земле,
И огоньки, и огонёчки
Летят навстречу мне во мгле.

Гремят раскатистые стуки,
Любовь и ненависть вразброс;
И наши встречи и разлуки
Летят со свистом под откос.

Меняешь всё без сожаленья,
Летишь сквозь звёздную метель,
Осознавая, что движение –
Твоя единственная цель.

* * *

Весна. И запахи, и звуки
Взорвут заснеженный покой.
И вновь любви случайной муки
Овладевают прочно мной.

И всё, что было позабыто,
Впаялось в прошлое, как в лёд,
Под синь небес взметнёт открыто
Неустршимый ледоход.

Чернеет снег, мутнеют дали,
Оттаёт снежная луна,
И надоевшие печали
Наполняют сердце мне сполна.

И станет горько и тоскливо,
Когда подумаешь, что зря
Душа парила горделиво
В морозных высях января...

* * *

Ни имени не помню, ни лица,
А только помню – осень, вечер, дождь.
Я долго ждал у твоего крыльца,
Надеясь, что ты всё-таки придёшь.

Насквозь промокли кепка и пальто,
Как будто слышен чей-то разговор...
А было ли на самом деле то,
О чём я вспоминаю до сих пор?!

Навеки наши разошлись пути,
А я гляжу в немую темноту,
И надо бы очнуться и уйти,
А я всё до сих пор чего-то жду...

* * *

Плохая ли, хорошая примета –
Не объясняй времён привычный ход,
Ведь всё равно наступит скоро лето,
И всё вокруг безумно расцветёт.

Не торопи привычный ход событий,
Развеет ветер утреннюю мглу,
Не совершай сомнительных открытий,
Живи, молись и радуйся теплу.

Доверься неизбежному течению,
Не умножай сомнения ума,
Внимай природы мудрому движенью;
Вернется всё – и осень, и зима.

Душа летит под голубые своды,
Ведь жизнь твоя – а ей же нет конца, –
Частичка торжествующей природы,
Бессмертное создание творца.

* * *

«Не забудь меня», – она сказала.	Пролетела жизнь, а что осталось?
«Не забуду», – он сказал в ответ...	Остывает серая зола.
Задремала лодка у причала,	Ранняя осенняя усталость
На волнах качнулся лунный след;	Инеем сиреневым легла.

И расстались навсегда. Забыли	Чувствуешь, хотя промчались годы,
Эти клятвы, лодку и причал,	Как в руке дрожит её рука...
Разлетелись в снежно-звёздной пыли	И несёт свои седые воды
Все концы, начала всех начал.	Прямо в вечность зимняя река.

* * *

Опалённый печалью разлуки,
Оставляю любовь позади.
И без трепета, боли и муки
Бьётся сердце стальное в груди.

Сколько дней там в запасе осталось?
Наблюдаю движенье реки...
Не хочу даже самую малость
Израсходовать на пустяки.

Не пугает уже постоянство
Одиночества в звёздной глуши...
Созерцаю немое пространство
Бесконечной, как небо, души.

* * *

Когда лютует непогодь,
И неизбежна ночь,
Я верю – лишь один Господь
Сумеет мне помочь.

Отверзи двери в горний рай,
Надеждою согрей,
Не по грехам моим воздай,
По щедрости своей...

Вселенский сумрак впереди,
Метель – всё злей и злей;
Не по делам меня суди,
По милости своей.

А за окном – пурга, пурга,
Тоска погасших звёзд,
И нет ни друга, ни врага,
И город как погост.

Куда б ни вывели пути,
Молюсь на склоне дня,
Прошу – спаси, прошу – прости,
Не покидай меня.

Светлеет мрак полночных туч,
Недолго жить ночи:
Соединится солнца луч
С мерцанием свечи.

* * *

Стояла тёплая погода,
Шумела жёлтая листва,
Но всё своё взяла природа –
Снег выпал после Покрова.

Всему свой срок – поверь приметам.
Определит судьбу Господь!
Ликуй, когда ликует лето,
Душой смирайся в непогодь.

Прими и эту неизбежность,
Чтоб до конца не расплескать
И нерастраченную нежность,
И неземную благодать.

* * *

На стезе демократичной
Как-то сразу сник,
Ко всему уже привычный,
Русский наш мужик.

И не пашем, и не сеем,
Камни да жнивье,
Где теперь она – Рассея?
Нет совсем её!..

Замер в горестном раздумье –
Что теперь да как?
Нынче только телик умный,
Ну а ты – дурак.

Где б испытать живой водицы?
Всюду хмарь да мрак.
Гром гремит!
Пора креститься,
Да забыли как.

* * *

Краси – по-гречески вино,
И мы с тобою пьём красиво.
Здесь не нужна крутая ксива,
И кто ты, грекам всё равно.

Здесь благодать со всех сторон,
И всё вокруг подобно чуду,
И в знойном мареве Афон,
Плывущий – виден отовсюду.

Чарующая даль видна
Береговых и горных линий.
И с белым облаком волна
Слилась в туманной дымке синей.

Здесь до небес – подать рукой.
И приходящие народы
Не потревожили покой
Извечно царственной природы.

Краси – по-гречески вино,
И мы с тобою пьём красиво.
Здесь не нужна крутая ксива,
И кто ты – Богу всё равно,
И с кем ты – Богу всё равно,
Когда ты с Богом заодно...

СНЕГОПАД

Навалило снегу, навалило,
Словно землю саваном укрыло...
Потерялась в сумерках дорога,
Унялась последняя тревога.

Сердце понемногу остывает,
Снег повсюду – без конца и края,
Закружился серебристым роем
С умопомрачительным покоем.

В лунном свете тает и искрится...
Забываю голоса и лица,
Забываю встречи и разлуки,
Твои плечи, волосы и руки.

Забываю то, что было с нами,
Замело снегами нашу память,
Лёгкими становятся утраты,
Только мы ни в чём не виноваты:

Раз случилось – значит, так и надо,
Просто это время снегопада;
Остывают небеса и реки,
Остывают страсти в человеке,

Всё, что нам казалось самым
главным,
Исчезает в снегопаде плавном.

И снега бескрайние покроют
Наши души сумрачным покоем...

Утром выйдешь, а вокруг сугробы;
Отыскать тропинку хорошо бы.
Удивишься – сколько в мире света!
Хорошо б опять дожить до лета...

* * *

А. Смирнову

Сижу у моря, жду погоды...
Погоды не было и нет:
Тускнеют сумрачные своды,
Дрожа, струится лунный свет.

Нет никого на белом свете,
И мир объемлет тишина,
И только звёзды, только ветер,
И только жёлтая луна.

Немая даль в тумане тает,
Шагает чайка по песку...
И где-то рыбка золотая
Плывёт навстречу старику.

* * *

Аркадию Елфимову

Лето на исходе, на излёте,
Чайки пролетают не спеша.
Я плыву на белом теплоходе
По зелёным водам Иртыша,

Чтобы побывать в Тобольском граде,
Что хранит величие страны;
Там, где ждёт меня мой друг

Аркадий –
Собиратель русской старины.

Мы в кремле. И прямо перед нами
Ширь земли – куда ни бросишь

взгляд,
В небе – вперемешку с облаками
Купола ажурные летят.

Вот она, сибирская столица
Воинов, монахов, каторжан,
Я всмотрюсь в задумчивые лица
Нынешних тобольских горожан,

Обопрусь на белый тёплый камень,
Посмотрю в синеющую высь...

Господи, да что же случилось с нами,
Отчего мы быстро так сдались?

Уступили напрочь супостатам
Землю, небо, помыслы и сны,
Позабыли времена и даты
Прошлого величия страны.

Исчезаем буднично и просто
С высоты небесной – в никуда,
Оставляем храмы и погосты,
Покидаем сёла, города...

Что ж теперь? Теперь – сажать
деревья...
Ну и пусть нам больше здесь
не жить –

Будет липа в вымершей деревне
С тополем по-русски говорить.

И глаза усталые закроя,
Буду слышать в жизни неземной,
Как шумит весеннею листвою
Дерево, посаженное мной.

Сергей КОЗЛОВ

КРИК ДУШИ

Полный отчаяния и безнадежности крик разбудил Шубенкова. Кричали где-то над самым ухом. Кричал мужчина. От этого истощного вопля резко свело нервы в брюшной полости: Шубенков сложился, как пружина сжался, обняв колени. Нет, в спальне никого не было, кроме, разумеется, самого Шубенкова. Он сходил на кухню, выпил холодного сока из холодильника, на всякий случай заглянул в две другие комнаты. В квартире он был один.

Крик во сне (тем более собственный) Шубенков исключил сразу же. С детства ему не снились сны, а только «глухонемые» черно-белые заставки, заполненные в лучшем случае хаотично перемещающимися геометрическими фигурами.

Жаловаться на нервы тридцатилетнему коммерсанту не приходилось. Похоже, сердце его вообще не знало адреналина и работало как метроном во всех ситуациях – 62 удара в минуту. Только на тренировках Шубенкову удавалось чуть-чуть «раскочегарить» свой ленивый «мотор», но больше 90 при любой нагрузке он выжать из него не мог. А по утрам сердце могло задремать до сорока.

Целятся в него из пистолета, идет большой куш в руки или ласкает Шубенков очередную женщину – 62, и точка. Вот и сейчас сердце никак не реагировало на этот крик, хладнокровие и чисто механический инстинкт самосохранения! Только дурацких мыслей в голове добавилось. А с утра уйма дел по приему товара, да еще – наехать на должников, опять же придется делать это самому, бригада сачкует в Сочи...

Да и был ли этот крик?

Шубенков купил новую трехкомнатную квартиру в престижном районе месяц назад. В три дня отремонтировал ее (слишком была похожа на берлогу совслужащего), набил ее аппаратурой и мебелью и даже умудрился выкупить гаражик под самыми окнами у инвалида Великой Отечественной. За то, что тот разрешил Шубенкову выбросить на свалку его дряхлый «Запорожец» и обеспечил необходимое прикрытие перед всякими там районными администрациями, «Форд» и личный водитель Шубенкова всегда были в распоряжении старика, плюс ежемесячная добавка к пенсии в двести баксов и сотовый телефон. Шубенков гордился своей заботой и справедливостью, а дед был просто доволен и рассказывал за домино другим старикам, какой у него «партнер». Мол, не все коммерсанты – бессовестные хапуги.

Шубенкову нравилось быть честным, точным, принципиальным и чуть-чуть тщеславным, но если подобных качеств не наблюдалось у тех, с кем ему приходилось работать, он мог становиться неуправляемо жестоким. Он и на дух не принимал форс-мажорных обстоятельств, подстав и прочей чепухи, потому что был уверен: если ты деловой человек, у тебя все должно работать как часы. Как сердце Шубенкова. Во всех обстоятельствах.

Рэкетеры? Какие, на хрен, могут быть рэкетеры, если у тебя есть мозги и деньги. Будь рэкетиром сам, и на тебя никто никогда не наедет, разве что РУОП или в буквальном смысле случайный автомобиль.

Заказные убийства? Тут еще проще: чувствуешь, что с тебя стягивают одеяло, а ты не хочешь делиться – стреляй первым, а чужое одеяло надо за-

бирать по закону, как учил незабвенный Остап Ибрагимович, чтобы не стать первым в длинной очереди обвиняемых по какому-нибудь мокрому делу.

И все же ночной вопль дал о себе знать: первый раз за три года Шубенков рывкнул не по делу на своих менеджеров и продавщиц, а потом совсем не по-шубенковски вдруг помиловал должников, дал отсрочку. Сердце? А что сердце? 62.

На ночь он включил себе голливудскую стряпню с беспрестанной стрельбой, любовными стонами и пошлыми шутками. Отведав на досуге вагон этой хваленой продукции, Шубенков тосковал по старому русскому кино. Советскому, между прочим. Он скрупулезно покупал их прямо на «Мосфильме», но по-джентльменски оставил все семьдесят четыре видеокассеты у Ольги, с коей прожил последние полгода. Да и теперь уже надо было переходить на формат DVD, покупать фильмы заново.

Его холодное, потребительское, даже можно сказать механическое отношение к женщинам компенсировалось шикарной обстановкой их квартир, ежедневными ужинами в ресторанах, дорогими подарками, а главное – подчеркнутой галантностью. Она-то и была решающей в завоевании если не сердца, то сознания и тела выбранной Шубенковым очередной спутницы на какое-то время жизни. И если Шубенков уходил, то уходил в чем уходил и ничего более. Это был принцип № 1. Принцип № 2: никогда не приглашать женщину в свой дом, чтобы не прижилась. Принцип № 3: никогда не возвращаться к тем, с кем уже расстался. Он предпочитал покупать квартиры своим дамам. Накладно? Зато спокойно.

В эту ночь уснул Шубенков, не раздеваясь, в спортивном костюме. На тумбочке – ополовиненная бутылка коньяка, что являлось превышением допустимой ежедневной нормы в два с половиной раза, под головой – недочитанный «Коммерсант».

Крик раздался в то же самое время, что и прошлой ночью. Шубенков имел привычку смотреть на часы всякий раз, когда просыпался. Вот и сейчас он сидел на кровати и тупо смотрел на светящийся в темноте электронный таймер. Включил настольную лампу и машинально налил рюмку коньяка, но пить не стал. Не хватало еще глушить минутную слабость алкоголем. Нет, он ничего не испугался, даже не пошел проверять другие комнаты, но все же чувствовал себя несколько неуютно.

Он твердо решил запустить завтра в квартиру ребят из службы безопасности. Может быть, здесь есть что поискать. По крайней мере бравые бывшие чекисты толк в этом знают. К врачам, а тем более психиатрам, Шубенков относился как к волчьей яме: попал один раз на прием или, не дай Бог, в больницу – станешь постоянным клиентом, не выберешься. А уж к собственным мозгам Шубенков не подпускал никого, даже мать.

Недолго думая он набрал номер начальника охраны и после разговора с ним спал спокойным глубоким сном, не обращая внимания на маячившие перед глазами геометрические фигуры. Утром, уехав в офис, он доверил свою квартиру ребятам из охраны. И был день как день.

– Каждую пылинку проверили, Станислав Анатольевич, – успокоил доложил вечером бывший майор КГБ Кречетов, – пусто. Нет ничего.

Шубенкову показалось, что начальник службы безопасности взглянул на него с каким-то сомнением.

– Это все? – сухо спросил он.

– Есть у меня одна мысль. Хочу проверить завтра.

– Делайте.

Будильник разбудил Шубенкова посреди ночи, за полчаса до отмеченного им времени. Он умылся холодной водой, включил везде свет и уселся

на кровать, раскрыв журнал. Оставаясь абсолютно спокойным, он даже не следил за часами. И все же крик заставил его вздрогнуть всем телом, в испуганной злобе отшвырнуть журнал и грязно выругаться. Кричали в его комнате. Словно кто-то невидимый приходил каждую ночь к его кровати и ровно в два двадцать семь вопил, будто его режут. Шубенкову захотелось перекреститься. Так, на всякий случай. Вместо этого он достал из сейфа пистолет, сунул его под подушку и, выключив свет, улегся спать. Он знал, в эту ночь крик больше не повторится. Перекреститься? Мистика? Бред! «Иже еси на небеси, а мы тут сами по себи», – кощунственно подумал он и преспокойно заснул.

Утром в подъезде он встретил Кречетова, которого не вызывал. Тот о чем-то оживленно разговаривал с соседями по площадке: пенсионеркой союзного масштаба и женой врача кремлевской больницы.

– Работаем, – доложил Кречетов.

Шубенков кивнул и направился к лифту.

И был день как день: счета, болтливые рекламные агенты, презентация нового магазина у партнеров, неурядицы в банке, покупка двух новеньких грузовых «Рено» для вывоза товаров из Европы, быстрая любовь с безотказной секретаршей Юлей, которую именно за эту быстроту и «позиционную» сообразительность Шубенков называл не иначе как Юлой, еще какие-то мелочи, коим в каждом дне и у каждого несть числа.

В своей квартире Шубенков обнаружил Кречетова и сразу понял: слухака накопил какую-то важную информацию. Оба они лишние слов не любили, поэтому Кречетов рванул с места и в карьер:

– Станислав Анатольевич, в вашей квартире полтора месяца назад был убит человек. Между двумя и тремя часами ночи. Ближе к половине третьего. Это был бывший хозяин квартиры и бывший сотрудник аппарата ЦэКа. В последнее время он влачил жалкое существование, поговаривали, что стал запойным алкоголиком, в то же время ударился в мистику, наделал долгов...

– И?

– У кого вы купили эту квартиру?

– Ты же знаешь, у братьев Каюмовых. Документы в порядке. Юристы не раз проверяли, – Шубенков на секунду задумался: – Так ты хочешь сказать, что Каюмовы...

– Я предполагаю. Но главное не в этом. Главное в том, что крик этот слышали ваши соседи, но слышали только один раз... В ночь убийства.

– А теперь на что ты намекаешь?

– Намекать не моя работа. Я же хочу провести эксперимент.

– Следственный? – ухмыльнулся Шубенков.

– Как вам будет угодно, – и Кречетов достал из кармана диктофон. Шубенков сразу уловил его мысль.

– Не надо, – отмахнулся он, – я запрограммирую таймер на своем музыкальном центре, он включится на запись в нужное время. Это все?

– Пока все.

Ночью Шубенков просто перевернулся на другой бок, когда комната его огласилась душераздирающим воплем. Перед погружением в очередную порцию сна он вдруг подумал, что организованный и волевой человек ко всему может привыкнуть. Даже к воплю в самое ухо, если он не затрагивает его достоинства и чести. Хотя с Каюмовыми все же следует разобраться.

Утром, когда позвонил Кречетов, он делал гимнастику.

– Вы уже проверяли запись?

– Нет! – Шубенков был недоволен, что его сбивают с привычного утреннего ритма, и нехотя направился, не выключая мобильный телефон, к музыкальному центру. Почему-то он был уверен, что на магнитной ленте чувствительная аппаратура записала только скрип его дивана, когда он перевернулся с боку на бок, или, может быть, богатырский храп.

Но то, что он услышал, первый раз в жизни сначала остановило его сердце, а потом заставило биться так учащенно, что впору было пожалеть о принципиально отсутствовавшей в этом доме аптечке. Это был голос отца. Голос отца, умершего восемь лет назад.

Голос человека, которому Шубенков был обязан спартанским воспитанием, что казалось ему столь бесценным в этой суетливой, полной ненужных страданий и эмоций жизни. Это был голос человека, у которого Шубенков научился гореть на работе, с той лишь разницей, что отец упорно, отдавая всего себя, строил социализм, пытаясь внести четкость и организованность в агонизирующую эпоху всеобщей безалаберности, а Шубенков-младший стал лучшим представителем рыночной экономики в эпоху всеобщего разбазаривания и хаоса. И тот и другой горели на работе, считая все остальное в жизни второстепенным и маловажным. «Никакой лирики!» – когда-то говорил отец. Он никогда не жаловался на здоровье и расстался с жизнью, не заметив этого. На боевом посту. Сердце остановилось во время очередного из бесконечных производственных совещаний. И мать, воспитанная им как жена «советского спартамца», даже гордилась, что муж умер как бы «при исполнении»...

– Сынок, – услышал Шубенков-младший, – я прожил земную жизнь, но так и не понял главного... Но более всего душа моя тоскует о том, что этого не узнаешь ты... – дальше только сдвоенные рыдания, удаляющиеся всхлипы, словно отец уходит вглубь какого-то невидимого бесконечного коридора.

Выронив телефонную трубку, в которой так же изумленно молчал Кречетов, Шубенков еще долго стоял и слушал шипение чистой магнитной ленты. В жизни его отец никогда не плакал. Шубенков стоял и слышал внутри себя душераздирающий крик. Он гулко отдается в пустых коридорах души, грозovým раскатом ударяет в голову. От этого ли начинают слезиться глаза?

Потом он как попало оделся и вышел на улицу. Сначала пошел к Ольге, но через пару кварталов передумал и пошел к матери, вдруг остановился на полпути, замер, прислушиваясь к себе. У него было новое ощущение сердца: оно билось тревожно и радостно, и главное – больно. Именно больно. Чуть давило, чуть саднило... Шубенков впервые узнал, что оно есть.

И неожиданно для себя он пошел на звон колоколов. В церкви Иоанна Предтечи звонили к заутрене.

И был день как день: редкие облака дремали в теплом сентябрьском небе; в строго установленном Творцом порядке, а для стороннего наблюдателя беспорядочно сыпались под ноги желтые и красные листья; один такой – совсем маленький и единственный лист никак не хотел расставаться с веткой крошечной липы, невеста как пробившейся этим летом сквозь асфальт; молодая мать нежно и задумчиво, как и тысячу лет назад, убаюкивала младенца на скамье у подъезда; голубь слетел на землю, чтобы напиться из прозрачной лужи; шум города сливался с шелестом цветастого платья осени; и мгновение остановилось, вобрав в себя все лики, все звуки и запахи вселенной, а мгновение спустя и само мгновение стало вечностью.

Александр КЕРДАН

* * *

Всяк язык по-своему велик,
Но родной нам от рожденья – ближе,
Милый, словно материнский лик,
Мудрый, как названья лучших книжек.

Стоит слово русское сказать,
И душа мгновенно отзовется,
И её объемлет благодать,
И небесный свет в неё прольется,

Пробуждая доброе в ответ,
Целый мир в одном себе вмещаю,
Чтоб ты слышал тех, кого уж нет,
Жил, потомков голос различая...

2021

РУЧНАЯ РАБОТА

На рынке около вокзала
Носки по сходной есть цене...
Но так, как матушка вязала,
Никто не свяжет больше мне!

Хотя всё – то же: пряжа, спицы
И алгоритм, известный всем...
Но если вяжет мастерица,
Не будет никаких проблем.

Любовь благотворит работу,
Она основа для всего,
Чтобы вязалось для кого-то,
Как для родного, своего.

Чтоб рук тепло передавалось
В работе малой иль большой...
Немного мастериц осталось,
Что дело делают с душой,

Наказ давая нам, поэтам,
Творящим стих из звонких слов:
Трудиться так, чтобы при этом
Никто не находил в сонетах
Ни бугорков, ни узелков...

2020

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕСЕНИНА

Как на свадьбе подгулявшей гостя –
Осень под ноги швырнула медь
Октябрю – такую щедрой горстью,
Что, как ни старайся, не успеть
Все дары собрать, покуда стужа
Сединою выбелит виски
И пока он так любим и нужен,
Будущим морозам вопреки.
А невеста – тёплая погода –
Так очаровательно нежна:
В краткий миг
от свадьбы до развода
Листьев медь ей вовсе не нужна...

2020

* * *

В слове «победа» две трети – «беда»,	Вынужден ты быть суровым и злым,
Что с побеждённым шагает всегда,	Чтобы рассеялась тьма словно дым,
Но с победителем – тоже...	Ночь повернулась к рассвету...
Ведь без неё одолеть никогда	Чтоб, навсегда позабыв про вражду,
Зло ты в сражение не сможешь.	Враг поражение познал как беду
	И над бедою победу.

2020

* * *

На старой фотографии – я с мамой,
И на руках котёнок у меня...
Не фото – настоящая реклама:
Мать и дитя – счастливая семья.

Весь мир вокруг какой-то просветлённый,
А вот котёнка почему-то жаль...
Да я и сам – котёнок несмышлёный,
Раскрыв глаза, смотрю наивно вдаль,

Откуда, и седой, и обожжённый
Утратами шести десятков лет,
Я вглядываюсь нынче напряжённо
В наш «коллективный», с мамой, портрет,

Как будто жизнь хочу переитожить,
Свершённые ошибки зачеркнуть...
Котёнка жаль. И всё живое – тоже.
И каждый день, который не вернуть.

2020

КРЕДО

О, как звенят синицы на рассвете,
Как вторит им гортанно вороньё...
У нас – многоголосая планета,
Где каждой песне место есть своё.

И ты, поэт – певец родной отчизны,
Высоким провидением храним,
Чтоб ни случилось, до скончанья жизни
Пой голосом своим!

2021

* * *

Мой добрый ангел,
Нынче ты сердита,
Меня оберегая и любя...
Но видно таково уж
Свойство быта:
И ангелов выводит из себя.

И мне в родном доме
Грозит сиротство,
Что может запросто с ума свести...
Вмиг позабыв бывшее дон-кихотство,
Готов смиренно я шептать:
– Прости...

Хотя, быть может,
Это я виновен
В том, что мой ангел песен не поёт,
Отводит взгляд
И строго хмурит брови,
И мне руки своей не подаёт.

Лишь только б ты
Мне снова улыбалась,
Забыв обиду малую мою,
Чтоб снова мне – беспечному –
Казалось,
Как будто пребываю я в раю...

2020

ПОЧТИ НЕБОЖИТЕЛИ

Два мастера сошлись. Сидят. Молчат
Так, как молчать умеет равный с равным...
Но, кажется, стихи сейчас звучат
Размеренно, торжественно, державно...

О пустяках, что толку – говорить
Тем, кто давно уже – не здесь, а – выше,
Там, где глагол Божественный царит,
Гармония и вдохновение дышат...

Что толку о житейском толковать,
Когда душе открыта даль иная...
Они сошлись, чтоб просто помолчать,
Бессмертие друг в друге узнавая.

2020

* * *

В. Морозову

На огне верещит можжевельник,
Словно предан костру еретик...
И дымком перехлёстнутый тельник,
И страданьем измученный лик
Возникают виденьем туманным...

А всего-то – горит костерок,
И цветочным узором поляна,
Как ковёр распласталась у ног.

И себя невпопад укоряя,
Что дарованный миг не ценю,
Роль казнимого я примеряю,
Приникая душою к огню.

Это ж надо – такая отвага –
Пасть во имя идеи святой!
И смола закипает, как брага,
У слепого огня под пятой.

2018

* * *

Храпит казарма. Видит сотню снов,
Которые лишь молодым присущи.
Они все про любовь, они – о сущем,
Пока любовь основа всех основ.

Придёт когда-то время снам иным,
Ну а пока – казарме сладко спится...
А за окном салют дают зарницы,
Созвездия клубятся словно дым.

И, кажется, что я – в казарме той –
Среди друзей, как равный среди равных,
«Отбой!» – команду выполнив исправно,
Ловлю свой сон, повенчанный с мечтой.

Созвездия клубятся всё сильнее.
Летят года... Всё позабылось, кроме
Того, как мне спалось в армейском доме
В обнимку с доброй юностью моей.

2020

СМЕХОПАНОРАМА

Трудно жили. Жили весело.
А теперь – наоборот...
Грусть улыбку перевесила,
Искривив гримасой рот.

А шуты – всю старают: в
Хохота – на всю страну...

Над собой ли потешаются,
Надо мной ли? – Не пойму.

В голове – сплошное месиво,
А в унынье впасть – грешно...
Вот и дожил – стало весело.
Весело, но не смешно.

2018

* * *

В жену влюбляюсь снова и навеки,
Как в лучшую из всех на свете жён...
И, правда, мало надо человеку,
Когда он – муж, мужчина и влюблён.

Знать, что верна ему его супруга,
Что и она – взаимно влюблена,
Что им двоим и Вечность – друг без друга –
Ни за какие деньги не нужна!

2018

ГАСТАРБАЙТЕР

Сидел бы дома в чайхане –
Упревший в толстом чапане,
И не торгуясь о цене,
Пил чай зелёный из пиалы,
Не сокрушался бы нимало
О полыхающей войне...

И в каждом – что-то да болит,
А это – миллион обид,
Тогда, когда и нам – не сладко...
Но я, не веруя в ислам,
Всё ж говорю тебе: «Салам!»
И улыбаюсь для порядка.

Но ты – чужой – в чужой стране
Глаза мозолишь нынче мне
Своей обидой затаённой,
Как будто я – твой старший брат –
Приезду твоему не рад...
И вас, таких вот, миллионы!

Ведь мир худой, всё ж – не война.
Она нам вовсе не нужна,
Тебе глядящая в затылок...
Ты отвечаешь мне: «Рахмат»,
Отправить бы тебя назад,
Но это б не по-русски было...

2018

* * *

Моя любовь вернулась вдруг к истоку...
С тобой мы строим замок из песка.
Над головою – небосвод высокий,
И бабочки кружатся у виска.

И ты рукою в золотых песчинках
Неловко поправляешь локон свой
И звонко так смеёшься без причины,
И я смеюсь вдогонку за тобой.

И жизнь опять наивна и прекрасна,
И мы с прекрасной жизнью – заодно.
Любовь – нежна, и страсть – почти бесстрастна,
И счастье – не иначе – вот оно!

2018

Леонид ИВАНОВ

ПОРТРЕТ ПО ПАМЯТИ

Антон поднялся с пола, встал на колени, пробрался к окну. Над лесом лениво поднималась большая почему-то ярко-рыжая круглая луна. Лицо её было немного наклонено вправо, хорошо были видны крупные глаза, нос и язвительная улыбка. Луна будто насмехалась над беспомощным состоянием художника.

От полутора метров проделанного на коленях пути на лбу проступила испарина, подташнивало. Все запой заканчивались у Антона одинаково, потому в этом жалком состоянии не было ничего нового. Надо было просто хотя бы немного выпить, чтобы снова завалиться спать.

Опираясь на подоконник, он встал, нетвёрдыми шагами прошёл к столу. На нём, кроме пустого стакана, ничего не было, зато у стены стояло и валялось несколько пустых бутылок.

Держась за стену, чтобы не упасть, вышел в сени, через распахнутые настежь двери мелкими шагами, едва перешагнув высокий порог, с крыльца спустился на лужайку, открыл машину. В багажнике начал рыться в сумке, нащупал прихваченную ещё дома поллитровку, тут же открутил пробку, прямо из горлышка сделал несколько крупных глотков.

Несколько минут постоял, закрыв глаза, будто прислушиваясь к своему организму. Вытер со лба пот, мутным взглядом посмотрел на луну. Она уже успела подняться над кромкой леса, из рыжей превратилась в обычную бледно-жёлтую, но продолжала так же ехидно улыбаться.

Судя по тому, что в сумке эта бутылка была последней, приехал Антон в родительский дом несколько дней назад. Перед поездкой он снова, в который уже раз за последнее время, крупно повздорил с женой. Началось, как обычно, с какого-то пустяка, какого именно, он и не вспомнит. Потом он заявил, что хочет на месяц съездить на родину, где не был уже два года, навести порядок на кладбище, провести друга детства Пашку, поработать в тишине и покое, где никто не будет отрывать телефонными звонками и визитами в мастерскую, которые непременно заканчивались очередной пьянкой, иногда растягиваясь на несколько дней.

Алиса эти его поездки в деревню почему-то каждый раз встречала в штыки. Она, воспитанная в городской интеллигентной среде, защитив докторскую диссертацию по искусствоведению, прилагала немало усилий, чтобы вытравить из него деревенское происхождение. Он, как мог, этому сопротивлялся и каждый год месяц, а то и два проводил в пустующем родительском доме, где находил покой и умиротворение и писал несколько новых работ.

– Что тебя туда тянет, в эту глушь? – недоумевала Алиса. – Хочешь уединения? Запрись в своей мастерской, отключи телефон, не отзывайся на домофон и работай себе хоть круглые сутки.

Что тянуло в деревню, Антон объяснить не мог. Что-то бормотал про энергетику родных мест, про зов природы, но было это всё очень неубедительно и потому раздражало Алису. Сама она была там только раз вскоре после свадьбы, а потом находила веские причины, чтобы отказаться от поездки. Не поехала и на похороны свекрови, с которой отношения так и не сложились.

В этот раз ссора из упрёков, что он вместо того чтобы вместе поехать на море, опять пойдёт в свой медвежий угол, перешла в обвинение, что он как был деревенщиной, так ею и остался, и потому ему комфортнее быть с тупыми необразованными односельчанами, чем с интеллигентными отдыхающими санатория управделами администрации президента, куда Алиса сумела забронировать два места на самую середину лета.

– Меня тошнит от этих самодовольных чинуш, которые там соберутся, – заявил Антон.

– Ну и общайся со своими безграмотными трактористами и доярками, – вспылила Алиса, – коли тебе тошно быть с представителями правящей элиты. Там, между прочим, можно завести полезные знакомства и получить приличные заказы на портреты.

– Этих чинуш ты называешь элитой? – загорячился Антон. – Ты ещё приплети к ним разных бузовых и толстопузовых. А от портретов в царских одеждах и в дворцовых интерьерах меня давно тошнит. Эти, кого ты называешь элитой, просто самодовольные амбициозные лицемеры. На их фоне те, кто заказывает Никасу свои портреты, на которых они с телами львов, ланей или стеллеровой коровы, просто непревзойдённые эстеты, но меня одинаково воротит от тех и других.

– По крайней мере они ходят в театры, читают книги, не пропускают выставок модных художников. Они живут насыщенной духовной жизнью. И я вообще не понимаю, чем живут эти твои колхозники!

– Трудом, милая, они живут. Непосильным трудом. И нас, между прочим, снабжают продуктами, которые мы в магазине покупаем, хотя колхозов уже давным-давно нет.

– Я не о том, за что они зарплату получают. Я о том, чем они духовно живут.

– Да духовно они в сто раз богаче твоих представителей так называемой элиты. Прежде всего они честны перед собой и друг перед другом. Не хитрят, не изворачиваются, не врут на каждом шагу, а если что обещают, обязательно исполняют. И это куда важнее, чем духовная жизнь твоих подруг, которые строят из себя невесть что, а на деле обычные пустышки, – перешёл грань дозволенного Антон, потому что хаять подруг было категорически нельзя.

– Значит, я тоже пустышка.

– Ты это сама сказала...

– А ты не забыл, кто тебя сделал известным и модным? Кто тебе организовывал персоналки и заказы у влиятельных людей, кто через друзей и подруг всячески тебя пиарил? Животное ты неблагодарное!

И следом за этой фразой в Антона полетела тарелка из какого-то дорогого сервиза, он ловко поймал её, поставил на стол, Алиса же опустилась в кресло и зарыдала.

Антон молча затолкал в сумку несколько пар носков, футболок и трусов, протёртые до дыр джинсы, взял ключи от машины и вышел из квартиры.

Пятьсот с лишним километров он проехал с двумя остановками на заправках – добавить бензина и взять кофе. В одном из магазинов на пути в деревню купил десять бутылок явно палёной водки, кусок какой-то твёрдой колбасы. Хотел заночевать в стоящем на обочине мотеле, но понимал, что если остановится, застрянет до конца запоя, потому собрал всю силу воли и тянул до дома.

Приехал далеко за полночь, ещё не открывая ворота, открыл бутылку, прямо из горлышка выпил половину, потом заехал на заросшую по

пояс лужайку у крыльца, допил остатки, занёс «боезапас» в дом, сел к столу и задумался. Хмель быстро ударил в голову, и больше он ничего не помнил.

* * *

Проснулся уже около обеда, допил остатки. Захотелось снова свалиться спать, но твёрдо решил сначала сходить на погост, потом завернуть в магазин к Татьяне, затовариться, чтобы вечером посидеть с другом детства Пашкой. Из запоя надо было выходить медленно.

Могилы отца и матери кем-то были прибраны, трава выполота, оградка покрашена. Антон немного постоял, держась за металлические прутья, и пошёл обратно в деревню.

В магазине равнодушно скользнул взглядом по худенькой девушке в чёрном платке, подошёл к прилавку напротив спиртного, уставился в скудное разнообразие бутылок и этикеток сельского магазина.

– Может, не надо больше, дядя Тоша?

Повернул голову в сторону девушки.

– Вы меня не помните? Я Лариса, дочь Павла Теканова.

– Извини, не узнал! А как Пашка? Я же к нему, чертяке, собрался.

– А нету больше папы. Вы ничего не знаете? Ну конечно, у меня же не было вашего номера телефона, а папин разбился вдребезги. В сентябре год будет, как они погибли. И папа, и мама, и мой муж, вы его не знали – он не местный, и наш маленький Василёк. В машине из города возвращались и залетели под фуру. Ни от кого живого места не осталось.

И девушка заплакала.

– Извини! Я действительно не знал.

Антон хотел сказать про соболезнования, но засомневался, насколько уместны будут эти слова почти через год после смерти.

– Похоронены здесь?

– Да, с противоположного края от ваших родителей.

– Дай тогда хоть чего-нибудь, схожу помяну друга.

– Дядя Тоша, не пейте больше... Хотя бы в память о папе. У него тоже запой бывали, я знаю, как тяжело выходить... Он ведь и в тот раз не трезвый был, ну когда под фуру залетел... А на кладбище я с вами вместе завтра схожу. И к вашим заодно зайдём. Я там порядок навела, как чувствовала, что вы приедете.

– Так это ты? А я думал, кто это постарался. Пашка что ли?

– Я на Троицу у своих прибиралась, заодно и у ваших...

– Тогда я домой... Не укладывается в голове – как это так, Пашки нет... Дай хоть маленькую... Я чуть-чуть... только помянуть.

– Дядя Тоша, вы сейчас себя обманываете – не получится чуть-чуть. Я по папе знаю. Вы идите домой, я вам поесть принесу и чаю. Вы когда последний раз ели?

– Не знаю... Наверное, в городе.

– Вот, а у меня борщ сварен. И чай из трав сделаю, каким папу отпаивали. Я быстро. Магазин закрою, всё равно вряд ли кто уже придёт, и к вам.

– Да перестань ты выкаты, мы с твоим отцом с детства не разлей вода, а ты выкаты.

– Вы такой известный! Папа всё время гордился, что вы – друзья. Всегда вас вспоминал, особенно когда выпьет. И всё говорил, что вы обещали его портрет нарисовать.

И девушка застенчиво улыбнулась.

– Виноват, не сдержал слово. Кто ж знал, что так случится? Да-а! Ничего нельзя откладывать на потом...

С трудом передвигая ноги, Антон дошёл до дома, хотел убрать с пола пустые бутылки, но сил уже не было. Рухнул на диван и уставился в потолок.

– Эх, Пашка, Пашка! Как же так?!

Звонить другу детства он не мог, потому что в деревне не было мобильной связи, а писать письма и отправлять их почтой в конверте он считал пережитком прошлого. Антону было достаточно знать, что на его родине есть друг, с которым он связан, как пуповиной, что этот друг понимает его даже без слов, и потому, особенно во время пьянок, он мысленно разговаривал с Пашкой, выкладывая в этих диалогах самое сокровенное, что не рассказал бы никому в жизни. Впрочем, он не говорил этого и Пашке в их душевных беседах во время его почти ежегодных наездов в деревню. И вот теперь Пашки больше нет...

Лариса действительно пришла очень скоро и стала распаковывать сумку, в которой была завёрнутая в байковое детское одеяльце кастрюля с борщом и термос с чаем из трав.

– Вот кушайте на здоровье! Я разогрела, сметанки положила. Не знаю, вы со сметаной любите или с майонезом. Подумала, что раз деревенский, значит, лучше со сметаной.

– Спасибо, но я совершенно не хочу есть.

– Надо, дядя Тоша. После борща вам сразу полегчает. Хорошо бы капустного рассола, но где его сейчас взять?

Есть борщ не получилось – руки у Антона дрожали так сильно, что содержимое ложки тут же выплёскивалось обратно в тарелку.

– Давайте я вас покормлю, – Лариса села рядом, отняла у Антона ложку и начала его кормить, как ребёнка.

– Если бы ты знала, как мне стыдно!

– Ничего страшного, с папой точно так было, но завтра всё будет нормально.

Антон послушно открывал рот, жевал и поминутно вытирал обильно потеющий лоб.

– А теперь – чай. Травы ещё мама собирала. Вы же знаете, что бабушка у нас травницей была, вот она маму и научила. Пейте-пейте, настой уже не горячий. Он хорошо успокаивает, будете спать, как младенец.

Сказав младенец, девушка, до сих пор не смирившаяся с потерей сына, смахнула накатившую слезу.

– Спать я теперь ещё двое суток не буду.

– Будете-будете... Уж я-то знаю. Сейчас я вам постель приготовлю.

Она раздвинула занавески, прошла в другую комнату и вскоре вернулась:

– Там же затхлое всё от сырости. Это же всё на солнце просушить надо. А вы где спали?

– Не знаю... – честно ответил Антон. – Проснулся на полу.

– Так! Идём к нам. Я вам постелю на родительской кровати. Знаете, я ведь туда захожу только уборку сделать. Я первое время вообще домой боялась заходить, в магазине и жила, пока бабушка Мокеевна мне какой-то заговорённой воды не дала.

Антон долго упрямился и не хотел идти в Пашкин дом, но Лариса всё же оказалась девушкой настырной. Поскольку Антон шёл, заметно покачиваясь, Лариса взяла его под руку. Так они и прошли почти по всей улице, вызвав пересуды односельчан.

– Наконец-то Лариска себе мужика завела, – говорили одни, жалея убитую горем красивую девушку.

– И года в трауре не проходила, – осуждали другие, не узнавая приехавшего домой Антона, хотя слух, что в ограде у Семёновны стоит чья-то машина, а самих гостей не видать, моментально без всяких соцсетей разнёсся по всей деревне.

* * *

– А помните, вы меня в детстве называли Лариска-Ириска?

– Конечно, помню.

– Мне это так нравилось! Я потом спрашивала у мамы, почему больше никто меня так не называет, а она смеялась и говорила, что это авторское дяди Тоши.

Лариса быстро застелила постель.

– Ложитесь.

Антон лёг на кровать, и потолок сразу поплыл было в сторону, но тут же остановился.

– Лариска-Ириска, посиди со мной. Расскажи о себе.

– А что о себе? Ничего интересного! После школы поступила в университет, на первом курсе выскочила замуж, родился Василёк, жить было негде, приехала с мужем домой. Он устроился к папе на лесопилку. Вот и вся моя биография. Вы лучше о себе расскажите.

– У меня, Лариска-Ириска, всё настолько скучно, что рассказывать неинтересно.

– Как же неинтересно? Вы же всё время с художниками общаетесь, артистами, поэтами, в театры ходите... Там же богема!

– Богема, говоришь? Да уж, богема! Искренности там нет, и это главное. В глаза тебе дифирамбы поют, работы твои нахваливают, а за спиной любую гадость смакуют. Зависть там, непонятная злоба и самолюбование.

– Дядя Тоша, вы не бредите? У вас не температура?

Девушка положила ладонь на потный лоб Антона.

– Не убирай, пожалуйста...

И через несколько минут Антон заснул.

Девушка долго сидела, боясь снять руку, чтобы не разбудить гостя, а потом незаметно и её сморил сон. Она, сидя на стуле возле кровати, положила голову на подушку и отключилась.

Проснулся Антон уже засветло. Рядом увидел на подушке голову спящей Ларисы. Один локон вьющихся густых волос девушки выбился из-под платка и щекотал ему щёку, а её ладонь так и продолжала лежать у него на лбу. И было это так трогательно! Последний раз на его голове много-много лет назад вот так же лежала рука матери, когда он метался в бреду от высокой температуры, которую почему-то не могли сбить никакие таблетки. От воспоминаний на душе разлилась благодать, и Антон невольно заулыбался.

Он долго лежал, не шевелясь, боясь разбудить сидящую у изголовья Ларису, но вот она проснулась сама, испуганно дёрнулась, убрала ладонь со лба Антона, заправила под платок волосы.

– Извините!

– Спасибо тебе! Ты настолько милая...

Антон чуть не сознался, что ему захотелось поцеловать девушку, но вовремя прикусил язык.

- Как вы себя чувствуете?
- Как в раю. Сплошное блаженство!
- Я сейчас ещё чаю травяного заварю, и будет ещё лучше.
- Не надо, мне и так хорошо.
- Не спорьте, я лучше знаю.

В этой категоричности тоже было что-то милое и наивное. Что могла знать эта двадцатилетняя девушка о похмельном состоянии человека вдвое старше её и пережившего десятки подобных и более затяжных запоев? Антон улыбнулся и внимательно, трезвым взглядом посмотрел на девушку. Она была сама прелесть. Природная красота без макияжа, теней, туши, помады и других женских хитростей делали её настолько очаровательной и желанной, что стоило немалых усилий отогнать прочь плотские мысли.

У него бывали интрижки, мимолётные романы и с девушками помоложе. Восторженные студентки из колледжа искусств или института культуры легко запрыгивали в постели художников в надежде на покровительство или просто ради развлечения в богемном кругу с умными разговорами и выпивками.

Были кратковременные романы на два-три раза с дамами так называемого высшего света, которые заказывали ему свои портреты. Эти маялись от скуки, и флирт с популярным художником просто помогал скрасить время.

Лариса навела порядок в его доме, просушила на солнце постель, застелила его чистым бельём, и теперь Антон ночевал там, но практически целыми днями делал что-то по хозяйству в Пашкином доме. Ему по душе была эта роль заботливого мужчины, тем более что топор, пилу и молоток он умел держать в руках с юности, когда скоропостижно скончался отец, и все мужские дела легли на его плечи.

И хотя у Ларисы был немалый запас дров, договорился с мужиками на лесопилке, и они привезли ему машину берёзовых хлыстов. Бензопила у Пашки в сарае была, и Антон распилил, а потом расколол и сложил в поленицу дров ещё не меньше, чем на две зимы. Он уже не знал, что бы ещё сделать, но нужно было ехать в город, где оставались некоторые обязательства перед заказчиками.

Лариса Антону, конечно же, нравилась, но она была дочерью его погибшего друга, и эту черту он переступить не мог. Она тоже видела в нём не только друга погибшего отца, лишённая мужской ласки, ждала от него каких-то действий, но сама старалась не провоцировать сделать этот шаг на сближение.

Уезжать не хотелось, но за ужином он сказал:

- Ну что, Лариска-Ириска, пора мне и честь знать.

Он полагал, что расставание будет трудным, но не ожидал, что девушка сразу расплачется. Антон обнял Ларису, стал вытирать катившиеся по щекам слёзы, гладить волосы...

Эту ночь они провели вместе, а утром Антон сходил за машиной, подъехал прощаться.

– А вы ещё приедете? – спросила Лариса севшим голосом. Этот вопрос дался ей с большим трудом, горло сдавило настолько сильно, что стало трудно дышать. Антон посмотрел на девушку, в её глазах была дикая боль и неизбывная тоска от предстоящей с минуты на минуту разлуки. Такой он её и запомнил.

- Конечно, приеду!
- Опять через несколько лет?

– Намного раньше, ведь теперь здесь у меня есть ты.

Антон сказал это искренне, и чтобы девушка не увидела, как у него на глазах появились слезы, отвернулся, якобы проверить, закрыт ли багажник.

– Дядя Тоша, вы для меня теперь самый родной человек, ведь у меня на всём белом свете нет больше никого. Вы самый родной и самый любимый!

И девушка кинулась ему на шею, крепко обняла обеими руками и зарыдала. Потом по-старушечьи вытерла глаза кончиками платка:

– Извините! Вам пора – дорога дальняя.

Антон сел в машину, вырулил на дорогу и до самого поворота видел в зеркале заднего вида стоящую у калитки Ларису.

* * *

Алиса пришла в мастерскую через несколько дней после возвращения Антона из деревни. Он как раз закончил портрет Ларисы, написанный по памяти.

– Говорят, ты уже почти неделю в городе, а дома не появляешься, – начала она вместо приветствия. – И странное дело – абсолютно трезвый! Смотрю, даже успел поработать. Ну-ка, ну-ка! Потрясающе! Мужик такой весёлый, душа нараспашку, а в глазах боль несусветная, будто что-то давно не даёт покоя его мятущейся душе. Я никогда в твоих работах такого не встречала.

– Потому что заказчикам это не надо. Им внешнее сходство подавай в каком-нибудь роскошном интерьере царских покоев.

– А это твоя новая пассия? – перешла Алиса к другому мольберту.

– Это дочь моего друга детства Пашки, портрет которого ты только что хвалила.

– Красивая! И портрет сделан мастерски! Всё же есть у тебя несомненный талант. Только лицо, никакого фона, а такая тоска в глазах героини, что самой плакать хочется.

– У неё вся семья погибла. И Пашка, и мать, и муж с ребёнком.

– На какую выставку готовишь? Не сомневаюсь, успех обеспечен потрясающий.

– Ни на какую. Отправлю самой девушке.

– Ну-ну, – равнодушно произнесла Алиса, продолжая разглядывать работу.

– А лучше отвезу сам. В сентябре как раз годовщина смерти Пашки. Надо съездить. Поживу там недельку-другую

– Ну-ну, – снова так же равнодушно сказа Алиса. – Насовсем не останься...

От двери она ещё раз внимательно посмотрела на портрет, потом перевела взгляд на Антона:

– На ужин ждать?

– Не знаю. Впрочем, не надо.

Алиса ещё раз посмотрела на портрет девушки, потом на мужа и понимающе произнесла:

– Ну-ну...

ПОЭЗИЯ

Ирина ТРОФИМОВА

Шестой месяц зимы

Перезимовали март. Апрельский
Снегопад густой в пространстве вьётся...
Теплотрассы – городские грелки –
Занесло. Ну как нам здесь живётся?

Раньше это было место ссылки,
Каторжане здесь тянули лямку.
Мы ж по доброй воле (по ухмылке ль
Слепенькой судьбы – родимой мамки?).

Северный народ страны огромной,
Зимовать полгода нам не внове,
Что нам лёд, мороз, снега? Но кроме
Ночи знаем кое-что дневное:

Это лето... Робкое, рябое,
Иль в истерике, в грозе и ливнях,
А бывает жаркое. Любое
Любо нам, желанно, не противно...

Потому что ждем его полгода,
Из зимы не вылезая! Боже!
Ну за что такая нам погода?
Или нам она за что-то всё же?

«У природы нет плохой погоды»,
У природы – нет, у нас – навалом...
Причитаем дружно год от года,
Но... живем под снежным покрывалом.

Где-то нет зимы. И не бывает.
Круглый год лишь солнце светит где-то.
Может, люди там не унывают,
Но не знают, что есть Счастье – Лето...

Заболотье

Эх, Россия... Бескрайняя. Топкая.
Отмеряет планета века,
Ну а мы – потаёнными тропками
В лес, в болота уходим. Пока!

Нет, айфоны и сети – пожалуйста –
Среди тундры, дремучей тайги
Вышки воткнуты в землю, безжалостно
Разорвав кожу ягод тугих...

За урманы, болота – в селения
В путь по зимнику, что держит март,
Отправляется мега-вселенная –
Медицина, торговля, театр.

Электричество – строго по графику,
Каждый день – рыбный день круглый год,
Сети промысла – вечного трафика
В каждом доме хозяин плетёт.

Народится дитё – здесь и вырастет,
Анемия не вытянет рост,
Что отпустит природа по милости,
С тем и в мир, в жизнь, в судьбу, на погост...

Где-то лезут в поля мегаполисы,
На дорогах – железа струя,
В Заболотье, как в Северном полюсе
Замороженной вечности яд.

Нам, глядящим из цивилизации,
Не понять инородцев. А им
Новый век открывать, может стать так,
Только им. Заболотным. Живым.

Наткнулась

Наткнулась на стихи.
Вот – как иду по пляжу,
Ступаю по песку,
Вдруг – галька, вот – ещё.
Стою. Босой ступнёй
Округлость камня глажу,
Прям как на процедуре,
Прописанной врачом.

Приятно и тепло.
Но вдруг – и боль, и холод,
И слёзы. Но не те,
А чистые, без зла.

И – выдох... Хватит врать,
Пыхтя и хорохорясь,
Что типа всё пучком –
В ответ на «Как дела?».

Ох, как внутри кипит,
Как рвётся междометье
Из горла – промеж глаз...
Но – Господи, прости.
Есть путь – среди песка
Идти через столетье,
Найти свои стихи
И с камня не сойти...

Черешня

О, только б если у меня
Вдруг было много денег...
Нет, не железного коня,
И не электровеник,
Не шестикрылый особняк
(Замаешься с уборкой!),
Не самолет купила б я.
Вот от чего в восторге –

Так это – от плодов.
От них –
От этих дивных ягод.
Насыпьте только их одних
Мне гору. И чтоб я бы
Сидела возле той горы –
Черешневая гуру,
Любуясь блеском кожуры
И подперев фигуру.

О, я б устроила кураж,
Позвав подруг с дитяи,
Сказала б: «Девушки! Пора
Нам вспомнить, кто мы сами.
И обожраться наконец
Сей сладкою вкусняшкой,

И въехать в лето на коне,
И быть всё лето няшкой...».

И мы бы спели что-нибудь
Вокруг горы той спелой,
Потом из косточек стрельбу
Устроили б умело,
И к осени на тех местах,
Куда попало семя,
Взошли б деревья – на ушах,
На лбу, как у оленя...

Ну зиму можно пережить –
Укрыть кусты дерюгой,
Зато к весне не надо шить
Нарядов – пышным югом
С роскошной кроной кружевной
Мы явимся с цветами
И угостим в июне всех
Пурпурными плодами...

...Копаюсь в ящике – ищу
Крупнее и послаще
Черешню. Эх, опять спущу
Всю пенсию.
– Мне – ящик!

Поклонение

*Да. Лучше поклоняться данности
с убогими ее мерилami,
которые потом до крайности
послужат для тебя перилами
(хотя и не особо чистыми),
удерживающими в равновесии
твои хромяющие истины
на этой выщербленной лестнице.*

Иосиф Бродский

Идолы. Лозунги. Правила.
Следовать слепо, затравленно
Неоспоримым традициям,
Быть приближенным, партийцем ли –
Главное, чтобы хоть с кем-нибудь,
Не в одиночку делить свой путь,
С дышащим в спину, к плечу плечом
И – покатиться вдруг. Калачом.
Всё растерять – где шарнир? Где ось?
Поздно. Всё сдвинулось, понеслось,

Калейдоскопом бьёт кинескоп –
Хлётко, наотмашь – в чугунный лоб.
Факты – зачем? Звон со всех сторон:
Как нам без идола – только Он,
Как заклинание – имярек,
Слово забытое – человек...
...И на обочине, чуть дыша,
Грязной бродяжкой дрожит душа,
Да бьёт поклоны неистово
Данности. Совести. Истине.

Писатель

«Дайте выплеснуть слова...»

Булат Окуджава

Первый день. Он родился – и был только свет,
Оглушительный свет – постижение мира.
А потом были звуки созвездий-комет –
Скрип, и скрежет, и лай, и урчанье эфира...

Средь молочного запаха, тёплых пелён,
Обитает и голос, певучий, манящий...
И однажды сквозь белый младенческий сон
Вдруг проявится первое Слово. Щенячьи

Завиляет хвостом пробудившийся мозг,
Рот улыбкой пойдёт, зашевелиятся веки,
И откроется тайна – вот этим всерьёз
На Земле различаются все человеки.

Не овалом лица, не желанием плотским,
Не умением дышать и не именем даже,
А единственным Словом – отличьем людским
Мир откроется снова, когда его скажем!

А потом все пойдёт как по маслу... Слова
Будут звать, будут бить, возносить и калечить
До тех пор, пока их не уймет голова
И не станет владеть ими. По-человечьи.

В третий раз развернется полуночный мир,
Иль – полуденный, как прозвучит Откровенье.
И в пространстве жилищ – человеческих квартир
Обитатель впервые родит Сочиненье.

И тогда голова потеряет права
На владенье объектом своим, и по праву
Человечьей души станут карандаши
Выводить не слова, а Значенье и Славу...

...Мир уснет. Будет сладко посапывать кот.
Закряхтит в колыбели младенец. И в мире
Будет бодрствовать вечное Слово. И тот,
Кто его написал. В небесах. И в квартире.

ПРОЗА

Дмитрий СЕРГЕЕВ

ПСОВАЯ ОХОТА

(рассказ)

Григорий частенько наведывался на буровую. С тех пор как она появилась на его угодьях, он получал от нефтяников денежную компенсацию и старался поддерживать хорошие отношения с буровиками. В этот раз он был явно чем-то встревожен.

– Как дела, Григорий? – по обыкновению спросил бригадир Громов, когда тот появился у входа в рабочее помещение вышки.

– Плохо дела, – посетовал тот. – Двух оленей задрали.

– Волки что ли? Вроде бы их поблизости уже давно никто не видел.

– Не волки, собаки, но они еще хуже.

– Собаки оленей задрали?

– Собаки. Совсем дикие. Нельзя бросать пса. Пес должен дома жить, хозяина слушать. Дикий пес хуже волка, потому что умный. Человека знает. Плохо дело, всех оленей задерут. Что делать буду?

Другие буровики тоже стали прислушиваться к разговору. Все знали, что завезенные и брошенные нефтяниками собаки часто дичают и бродят по тайге близ людских жилищ в поисках пищи. Но никто раньше не слышал, чтобы стаи собак нападали на оленей.

– Ничего себе! – удивился один из нефтяников по имени Василий. – Слышал, Андрей, собаки оленей задирают. А если им человек попадется?

– Опасно это, – сказал нефтяник с большим стажем, всеми уважаемый за рассудительность и покладистость характера помбур Сомов.

– Да ну, – Андрей махнул рукой. – Не хватало еще собак бояться. Свистнуть погромче – и побегут в разные стороны. Известно, что собака нападает на того, кто её боится.

– Это дикие собаки, – снова заговорил Григорий. – Целая стая – семь штук. Помогать надо, бригадир. Зачем собак завозили? Зачем бросали? Теперь стрелять надо.

– Да из чего стрелять? – упирался Громов. – Это у тебя ружье есть, потому что ты охотник. А мы нефтяники.

– И у вас ружья есть, – хитро усмехнулся Григорий. – Вчера на Белых озерах кто птицу стрелял?

Бригадир замаялся и оглянулся на других буровиков. Те тоже в замешательстве переглянулись.

– Ладно, – после длительной паузы сказал Громов, – не переживай, Григорий, поможем, найдем пару-тройку ружьишек. Но не сейчас, не сегодня. Давай через два дня, у нас как раз смена закончится, перебьем твоих собак.

– Моих не надо, бригадир. Мои – хороший пес. Диких надо.

– Ну да, диких. Я имею в виду собак, про которых ты говоришь.

– Да нет проблем, – поможем, – подхватил Василий. – У нас тут такие стрелки есть!

Остальные тоже одобрительно закивали.

– Через два дня приду, – сказал Григорий и уже стал было уходить, но вдруг обернулся и, подняв вверх указательный палец, назидательно произнес: Один в лес ходить нельзя – ружье надо.

– Ну конечно, Григорий, мы теперь от буровой ни на шаг, – сострил Андрей.

– Да ладно тебе, не умничай, – осадил его помбур.

Григорий медленной, но уверенной походкой шел окраиной болота в сторону леса. Буровики молча провожали его глазами, пока он не скрылся из виду.

– Плакали твои грибочки, – сказал Андрею Василий, когда все вернулись на рабочие места.

– С чего вдруг? – возразил тот. – Ты думаешь, дикие собаки сидят вон за теми кустами и ждут, когда это Андрюха Селезнев за грибами пойдет?

– Не сидят, конечно, и не ждут, но все-таки, как говорится, береженного Бог бережет.

– Ладно вы, подавайте быстрее, – крикнул Сомов, – хватит там рассуждать! Вам только дай повод поговорить.

Спохватившись, Андрей с Василием стали быстро подавать трубу.

* * *

Вечером, наскоро собравшись, Андрей зачем-то посмотрел на прикрепленное к стене небольшое зеркало, скользнул глазами по комнате, на мгновение задержав взгляд на висевшем над кроватью большом календаре с репродукциями картин местного художника Петра Бахлыкова, и, поглядев на изображенного там ханты, сидящего перед лежащей на снегу головой убитого оленя, непроизвольно прочел подпись «Последний». Тут же вспомнился Григорий с его рассказом о диких собаках, пожирающих оленей. Стало как-то неприятно, но Андрей быстро отогнал от себя эти мысли и решительно вышел наружу.

– Все-таки идешь? – неодобрительно спросил Сомов, когда Андрей, громко поскрипывая дужкой металлического ведра, шел по окраине болота тем же путем, которым недавно уходил Григорий. Собственно, кроме дороги из песка, насыпанного поверх трясины, да мокрой тропы, идущей вдоль болота, пути с буровой не было. А к лесу вела одна только эта тропа.

– Иду, разумеется, – упрямо ответил Андрей. – Что мне теперь вообще не жить?

– Ну смотри, – сказал Сомов, – шутки шутками, а бывают в жизни разные случаи. Вот помню как-то...

– Извини, Тимофеич, но чего я больше всего не люблю, так это когда начинают каркать под руку, или под ноги, ну словом, перед дорогой.

– Ладно-ладно, тебе виднее, иди, пока темнеть не начало, а то белые ночи кончились уже. Да оделся бы потеплее, я недавно вот так же – чуть не околел.

– А я закаленный, – Андрей молодецкато одернул на себе защитного цвета курточку-ветровку. – Тимофеич, ты бы лучше вместо советов дал мне твой красивый нож, а то я свой не нашел.

– Ну да! Еще и мой потеряешь. Я свой нож вообще никому не даю, да и сам беру его только на охоту.

– Тимофеич, но ты ж не жмот. Да и сам говоришь: собаки, мол, – дело опасное. А вот я иду в тайгу совсем безоружным.

– Ладно, погоди...

Сомов ушел в вагончик и через полминуты вынес большой, красивый, с расписной рукояткой складной охотничий нож:

– Смотри не потеряй!

– Да брось ты, Тимофеич. Ты что? Как можно такой нож потерять?

– Ну иди-иди, а то опять сейчас начнешь балагурить. Тебя хлебом не корми, дай только языком почесать.

– Ладно, я пошел. Если не вернусь – считать... Кем считать-то, Тимофеич?

– Охламоном. Кем тебя еще считать можно?

Сомов, не оборачиваясь, пошел к буровой. Андрей еще немного постоял, вертя в руках нож неожиданно подобрешшего помбура, и наконец сунув его в карман, снова пошел в сторону леса. В тишине раздавалось лишь чавканье влажной почвы под ногами да звонкое поскрипывание дужки ведра. Солнце клонилось к закату.

Андрею было спокойно и даже весело. О собаках он тут же забыл, да и с самого начала не принимал всерьез никаких предостережений на этот счет. Быстрой легкой походкой дошел он до леса. Затем обернулся, окинул взглядом вышку, вагончики, уходящую вдаль светлую полосу дороги и стремительно углубился в чащу соснового и елового молодняка, буйно разросшегося на лесной окраине. Привычно, уже наметанным взглядом опытного грибника, он осматривал места, где могут прятаться грибы. Да собственно, грибы особо и не прятались.

Лето в этом году выдалось щедрым. Вот довольно крупный подберезовик виднеется у группы тонких березок, вот сухой моховичок, вот еще и еще, и снова подберезовик. Немного походить – можно и белые найти. Ведро, весело поскрипывая, быстро наполнялось.

Незаметно Андрей уходил все дальше и дальше от буровой, и уже лишь самая верхушка её виднелась вдали за кронами сосен. В какой-то момент скрип ведра, далеко разносившийся в лесной тиши, стал раздражать. Андрей остановился, энергично покачал ведро, издававшее гулкие ритмичные звуки, и подумал: “Надо было пластмассовое взять”.

Он продолжил было сбор грибов, но тут ему почудилось, что он не один, что где-то совсем рядом есть еще кто-то. Андрей опасливо огляделся по сторонам, прислушался. Над лесом в полнеба горела вечерняя заря, вышка уже полностью скрылась из виду, вокруг было пусто и тихо. Лишь со стороны буровой изредка доносились неразборчивые отдаленные звуки.

Андрей постарался стряхнуть с себя неприятное ощущение постороннего присутствия и добрать ведро доверху, однако странное ощущение не проходило, и даже наоборот, усиливалось. Казалось, весь лес и особенно густой кустарник на пригорке таят в себе какую-то опасность. Стало не по себе. Сразу вспомнились дикие собаки, задирающие хантыйских оленей, в голову начала лезть всякая чепуха, в памяти вдруг всплыли фрагменты из давно забытых фильмов ужасов.

– Да что такое! – с досадой сказал Андрей, поставил на землю ведро и снова осмотрелся по сторонам. Тут он вспомнил об охотничьем ноже помбура Сомова, сунул руку в карман, достал его, разложил и несколько раз махнул с плеча, словно саблей. Это несколько успокоило и вселило уверенность. Затем Андрей сложил нож и сунул его обратно в карман. Но на ум уже пришла кавалерийская песня, слышанная в каком-то старом фильме, и Андрей, широко и нарочито бодро шагая, запел: “Мы красные кавалеристы, и для нас... – дальше слова не помнились, – пара-па-па,

пара-па-па, пара-па-па. Тарам-па-па, парам-та-та парам-па-па-па-па... Андрей сбился с ритма и остановился. Что-то его отвлекло – то ли подзрительный шорох раздался слева, то ли краем глаза он уловил какое-то движение в кустах – словом, что-то было не так.

Андрей повел налево глазами, затем резко повернул голову, и его словно жаром обдало: из кустов в упор внимательно, не мигая, глядели большие темные глаза. Сначала Андрею даже показалось, что это человеческие глаза, но в следующий момент он рассмотрел за ветвями покрытую белой шерстью звериную морду. “Волки белыми не бывают, по крайней мере здесь. Значит это собака, – подумал он, и тут же предательски мелькнула мысль: «Или волк-альбинос”. Андрей все же уверил себя, что за кустами прячется бездомный пес, но от этого почему-то легче не стало. Появилось нехорошее предчувствие. Андрей медленно повернулся.

– Ну чего ты там сидишь? – спросил он как можно мягче и ласковей. – Ну давай, выходи.

Андрей слегка похлопал себя по ноге и издал языком частые цокающие звуки. Собака не шевельнулась.

– Ну чего испугался? Песик, Шарик, как там тебя... Фить-фить-фить.

Андрей трижды тихонько присвистнул. Собака словно окаменела.

– Ну и черт с тобой! – осмелел Андрей и, развернувшись, не спеша побрел в сторону буровой. Впрочем, шагов через десять он обернулся: собаки вообще не было видно. Но едва Андрей двинулся дальше, за спиной послышался шорох. Оглянувшись, он увидел, что собака наконец вышла из своего укрытия и потихоньку идет за ним. Собака, увидев, что человек смотрит на нее, тоже остановилась и громко, протяжно залаяла. Была она средних размеров, видимо, беспородная, и будь она чистой, наверняка выглядела бы белоснежной. Во взгляде и во всем ее внешнем виде было что-то недоброе.

– Ну чего, чего?! – прикрикнул на нее Андрей. – А ну пошла отсюда!

Андрей топнул ногой и сделал движение, словно хочет бросить в нее ведром. Собака тихонько зарычала.

– Этого еще не хватало!

Селезневым снова овладело неприятное тревожное чувство, и он пошел по окраине болота, где не было никаких кустов и можно было все видеть вокруг на сотни метров. Зверь поспешил за ним, держась метрах в десяти сзади и чуть левее.

– Надоела ты мне! – разозлился Андрей.

И вдруг, развернувшись, с громким криком побежал на собаку, высоко поднимая ноги и с силой ударяя ими о землю так, что во все стороны полетели брызги воды и бурой болотной жижи. Затем он остановился, поставил на землю ведро и, заложив в рот пальцы, оглушительно засвистел. Это произвело впечатление на собаку. Она, прижав к голове уши и поджав хвост, метнулась в сторону. Но тут же, описав большую дугу, оказалась впереди Андрея, загородив ему путь к вышке. Андрей пошел прямо на пса, но тот оскалился и громко зарычал. Андрей остановился.

– Вот зараза!

Он принял левее, пытаясь просто обойти зверя. Пес оставался на месте, провожая человека внимательным взглядом, он неожиданно взвизгнул, подхватился и нетерпеливо затоптался на месте, глядя на что-то позади Андрея. Андрей обернулся, и холод пробежал по его спине. Вдогонку за ним, выбрасывая брызги из-под лап, стремительно неслось четыре собаки. Три из них были так себе, дворняги. Но с четвертой шутки были плохи. Это

была овчарка или какая-то помесь с овчаркой. Она неслась впереди всех большими прыжками, и это было бы красиво, если бы не было страшно.

Андрей, все еще не выпуская из руки ведра с грибами, бросился было бежать в сторону лесной чащи, куда, собственно, и намеревался идти ранее, но там его ждал новый неприятный сюрприз. Наперерез, окончательно отрезая ему путь к буровой, бежали еще два зверя: впереди – огромный, мохнатый, похожий на медведя, огненно-рыжий пес, за ним – небольшая черная собака.

Оставалось два пути: один – в болото, другой – в лес, но уже не к буровой, а в противоположную от нее сторону. Последняя надежда заключалась в том, чтобы добежать до леса и успеть взобраться на первое попавшееся крупное дерево, но и с этой стороны его уже караулила белая. Андрей ринулся прямо на собаку, намереваясь ударить ее ногой, но она отскочила, пропустила его, и тут же, догнав, больно вцепилась в правую руку. Было слышно, как затрещала ткань куртки.

Андрей изо всей силы размахнулся и ударил собаку ведром с грибами, часть которых разлетелась во все стороны. Белая взвизгнула и откатилась прочь, но тут же снова перекрыла дорогу к лесу. Остальные псы были уже довольно близко, и Андрей побежал по болоту, прыгая по кочкам и периодически проваливаясь между ними. Стая с овчаркой во главе уже настигала. Андрей широко размахнулся и швырнул в собак ведром. Овчарка просто перепрыгнула через него. Остальные собаки шарахнулись было в сторону, но снова потянулись за вожакom. Справа подтягивались рыжий с черной.

Тут Андрей по-настоящему ощутил всю опасность и безысходность своего положения и всерьез испугался. Бежать дальше смысла не было. Только теперь Андрей вспомнил о ноже. Быстро достал его, разложил. Массивный охотничий нож показался ему теперь маленьким и безобидным. Андрей выставил его перед собой и стал размахивать им из стороны в сторону. В то же время он осторожно пятился назад, боясь оступиться и упасть. Собаки остановились и залились яростным лаем. Только овчарка была спокойна. Она изучающе смотрела на человека холодным пристальным взглядом и потихоньку продвигалась вперед, обходя добычу сбоку.

Андрей оглянулся: дерево! Как же он раньше не обратил на него внимания? Метрах в десяти позади него стояла одинокая высохшая сосна. Черные силуэты погибших деревьев с голыми сухими ветками можно встретить на всех болотах. Они медленно гниют, теряя ветви, пока наконец трухлявый ствол не обломится от легкого дуновения ветра или просто под собственной тяжестью. Андрей еще раз коротко оглянулся. Одна из веток, толстая, нижняя, находилась на высоте около двух с половиной метров и казалась довольно прочной, хотя это впечатление могло оказаться обманчивым.

Но другого выхода не было. Примерно на такой же высоте у Андрея дома висел турник. В принципе, ничего сложного, быстро прикинул Андрей. Надо только добраться до дерева и успеть подтянуться на ветке, прежде чем собаки успеют своими острыми хищными клыками впиться в его ноги. Однако времени было совсем мало. Собаки могли атаковать в любой момент.

Андрей, все еще держа нож перед собой, стал быстро отходить к дереву. Собак это взбудоражило, они все еще с опаской, но уже более решительно устремились за ним. Овчарка сделала небольшой прыжок, кажется, готовясь к решающему броску. Теперь все решали секунды. Андрей отчаянно

закричал, сильно топая ногами о землю и разбрызгивая вокруг болотную жижу. В то же время он махнул перед собой ножом, да так сильно, что нож выскользнул из влажной и скользкой от грибов ладони и улетел метров на двадцать.

На какое-то мгновение собаки опешили и даже отпрянули. Андрей развернулся и в три прыжка оказался у дерева. Он успел подпрыгнуть, ухватиться за ветку и, подтянувшись, навалиться на нее животом. Дерево выдержало. В последний момент Андрей поджал ноги и услышал, как щелкнула зубами прыгнувшая овчарка. Андрей, крепко удерживаясь за дерево, занял сидячую позу. Вожак встал на задние лапы, оперся передними о ствол сосны, задрал голову и стал неотрывно смотреть на человека, сидящего на ветке.

– Акела промахнулся, – злорадно сказал Андрей, глядя собаке в глаза.

Он сел поближе к стволу, обхватил его обеими руками так, чтобы в случае если ветка все-таки не выдержит, можно было удержаться наверху. Тут же где-то в глубине болота, под стволом послышался глухой хруст, после чего дерево начало клониться. “Господи, помоги”, – подумал Андрей.

Собаки оживились, забегали вокруг, залаяли. И только вожак, теперь уже сидевший в нескольких шагах от сосны, продолжал молча смотреть на человека глазами волка-убийцы. В его спокойствии, уверенности было что-то жуткое. Казалось, этот пес наперед знал исход охоты, обреченность загнанной добычи, а потому и не мельтешил, не торопился.

– Чтоб ты сдох, – пожелал ему человек на дереве.

Несколько отдышавшись, Андрей стал громко кричать в ту сторону, где из-за деревьев едва виднелся остов буровой:

– Мужики! Мужики! На помощь! Василий! Тимофеич! Бригадир! Помогите!

Собаки реагировали на его крики громким лаем. Заря медленно догорала над болотом, и участки почвы, покрытые водой, красновато поблескивали, словно рассыпанные в траве осколки огромного зеркала. Андрей совсем охрип.

– Не слышат, черти, – уныло сказал он.

Через пару часов после того как Селезнев ушел за грибами, Василий подошел к помбуре.

– Слушай, – озабоченно сказал он, – что-то грибника нашего долго нет. Обещал ведро набрать и вернуться. Грибов в лесу сейчас полно – за полчаса ведро набрать можно.

– Увлекся, наверное, ты же знаешь его, – спокойно ответил Сомов.

– А может, случилось что?

– Типун тебе на язык. Сейчас придет твой грибник. Темнеть начнет – и придет, потемну бродить не будет.

Помбур вышел наружу, походил по краю буровой площадки, напряженно вглядываясь в даль, и вернулся обратно.

Становилось холодно, и Андрей пожалел, что надел только легкую куртку на случай дождя. К тому же он стал все сильнее ощущать, как болят укушенная рука. Поглядел: из куртки выдран клочок ткани, но рана, кажется, была небольшой.

– Ждите, ждите, – сказал он собакам, – скоро меня начнут искать – тогда почешетесь. – Эге-ге-ге-гей! – на всякий случай закричал он еще раз и прислушался: в ответ ни звука. – Ничего, скоро они спохватятся.

Постепенно Андрея стала одолевать усталость, захотелось спать. Но произошедшее далее на время отогнало сон. Одна небольшая бурая собачонка

вдруг подошла к стволу, обхватила его лапами и стала неуклюже, но довольно уверенно взбираться по нему. Собаки снова оживились, заволновались.

– Ах ты сволочь! – одновременно удивился и возмутился Андрей. – Это кто ж тебя научил?!

Он отломил небольшую сухую ветку над головой и стал сталкивать ею собаку. Собака рычала, кусала ветку и соскальзывала вниз. Так повторялось раз пять. Потом она устала и, видимо, поняла тщетность своих попыток. Псы успокоились и теперь лениво сидели и лежали вокруг дерева. Узкая полоска вечерней зари догорала вдали.

– Чтоб вы все сдохли! – сказал Андрей собакам, дрожа от холода.

Время шло, близилась ночь, а Андрей на буровую не возвращался. Тут уж и бригадир всерьез забеспокоился, стал периодически спрашивать у Сомова:

– Ну что, пришел?

Тот только головой качал да посылал кого-нибудь глянуть, не идет ли. А тут еще Ермилов Алексей забежал взъерошенный. Мне, говорит, показалось, будто крик какой-то из лесу донесся. Помбур, Василий и еще пара человек из бригады вышли наружу, прислушались: вокруг было тихо.

– Да слышал ли ты или тебе только показалось? – спросил Сомов.

– Ну я не знаю, – засомневался Алексей.

Тут и Громов подошел.

– Все выглядываете? – сердито спросил он. – Ну вот что: хватит! Идем искать. Найдем – шею сверну.

– Сначала найти надо, – тревожным голосом заметил Василий.

– Да что ты все страху нагоняешь! – прикрикнул на него Сомов. – Найдем, куда он денется.

Через некоторое время дрожь у Андрея прошла, но тело совсем окоченело; казалось, холод уже идет откуда-то изнутри. С новой силой навалился сон и, несмотря на упорное сопротивление Андрея, все же одолел его.

Но долго ли тут поспишь? И вот Андрей просыпается от сильного холода, приподнимает голову: как же не мерзнуть, если лежишь ничком на снегу? И когда же это успел снег выпасть? Андрей приподнимается, садится и осматривается. Невдалеке он видит полуразрушенный сруб, за ним черный лес из опавших и высохших деревьев, за которыми виднеется знакомое очертание буровой, вдали поднимается к нему столб темного густого дыма. Эге, да это же как на картине Бахлыкова, что в вагончике над кроватью!

Тут Андрей поворачивает голову и видит, что на снегу сидит в хантыйской одежде неизвестно откуда взявшийся Григорий, грустный такой, а перед ним лежит какой-то большой неясный предмет. Сначала Андрей не понимает, что это. Но тут Григорий поднимается на ноги, берет с земли непонятный предмет, и Андрей видит, что Григорий держит за рога оленью голову. “Последний”, – печально говорит он. “Как же так, – думает Андрей, ведь мы обещали помочь?!”.

И с этим вопросом он по снегу направляется к буровой. “Там тоже никого не осталось”, – слышит он вслед голос Григория. Андрей прибавляет шаг, а затем переходит на бег, выдыхая изо рта густые клубы пара. Приближаясь к вышке, он слышит знакомый, бодрящий и радующий шум работ. Он заходит в помещение и видит, как привычно уходит в глубину земли стальная труба, но вокруг нет никого из бригады. Зато всюду сидят, стоят, лежат многочисленные разномастные собаки. Вот серая овчарка угрожающе двинулась в его сторону, остальные псы, скалясь, потянулись за ней.

Андрей выскакивает наружу и бежит к вагончику. Он распахивает дверь, но за ней нет никакого помещения – там до самого горизонта простираются буро-зеленые болота с очертаниями одиноко стоящих высохших сосен, а вблизи на болотной кочке неподвижно сидит уже знакомая Андрею овчарка и в упор угрожающе глядит на него жутко поблескивающими зелеными глазами. Андрей захлопывает дверь, оборачивается и...

По эту сторону вагончика буровой уже нет. На ее месте стоит огромное высохшее дерево, на голых ветвях которого, словно вороны, сидят свирепые собаки. Вдруг они прыгают с веток и летят на Андрея, будто огромные летучие мыши. Слышится жуткий вой и лай. Андрей снова забегает в вагончик и проваливается в пустоту. Из всех сил он цепляется за дверь, но руки медленно скользят, и он вот-вот рухнет вниз.

В этот момент Андрей проснулся по-настоящему.

Буровики шли по лесу и вдоль болота, разделившись на группы по два-три человека так, чтобы в каждой группе был фонарь. Они постоянно перекликались, дабы не разбрестись и не потерять друг друга.

– Бригадир! Бригадир! – вдруг закричал Василий, стремительно продираясь сквозь кустарник.

Он подбежал к Громову, протянув вперед кулак, в котором было что-то зажато, и раскрыл его. На ладони лежал небольшой тканевый лоскут. Громов осветил его фонарем – бесспорно, это был клочок куртки защитного цвета, и на нем явно виднелись яркие пятна крови. Подошло еще двое буровиков.

– Братцы! – с дрожью в голосе воскликнул Василий.

– Тише! – прервал его бригадир.

Он схватил окровавленный обрывок куртки, сунул его в карман и угрюмо, но твердо сказал:

– Продолжаем искать!

Проснувшись, Андрей понял, что соскальзывает с ветки и при этом отчаянно цепляется за ствол сосны. Из всех сил он обхватил дерево руками и ногами, но уже успел соскользнуть настолько, что больно ударился локтем о ветку, на которой только что сидел. Стая внизу снова подхватила с места – она все еще была здесь и, кажется, не собиралась никуда уходить.

Андрею удалось, вскарабкавшись выше, навалиться животом на ветку, дерево при этом издало жалобный звук и опасно качнулось так, что Андрей едва не клюнул носом вниз. С трудом балансируя, он застыл, лежа поперек ветки. Овчарка снова поднялась на задние лапы, оперевшись передними о древесный ствол, и смотрела ему прямо в лицо. И хотя уже почти стемнело – лишь кое-где в просветах леса догорали последние блики заката – Андрей видел ее глаза.

В этот момент, когда казалось, что не хватит сил на дальнейшее сопротивление и что вот-вот не выдержит либо он сам, либо эти ветхие останки сосенки, Андрей услышал выстрел. Овчарка метнулась в сторону, крутанулась волчком и, так и не издав ни звука, застыла, растянувшись на земле. Остальные псы с лаем бросились бежать. Вдогонку им прозвучал еще один выстрел.

– Слезай, – сказал голос Григория, – не птица.

Андрей попытался занять более удобное положение, но вдруг ветка, глухо хрустнув, обломилась. Андрей плюхнулся в мягкий влажный и холодный грунт.

– Да уж, – сказал он, поднимаясь и отряхивая грязную одежду, – птицу видно по полету.

Григорий стоял у мертвой собаки, держа ружье в одной руке.

– Ну выручил ты меня, – сказал Андрей. – В самый раз подоспел. Откуда ты взялся?

Григорий не ответил. Где-то вдалеке слышались крики, из леса доносился собачий лай. Потом прозвучал выстрел. Еще один, и еще.

– Это наши! – обрадовался Андрей.

– А кто ж еще? – риторически спросил Григорий.

На окраине леса замаячил свет фонаря, показались смутно различные силуэты людей.

– Я здесь, мужики! Здесь я! – закричал Андрей, подняв вверх руку и помахав ею над головой, хотя этого скорее всего никто, кроме Григория, не увидел. Андрей с Григорием пошли на свет фонаря.

– Живой? – спросил, приближаясь, помбур. – А мы уж не знали, что и думать.

Ружье было только у Сомова, остальные были вооружены кто чем – кто топором, кто обломком трубы, а кто и просто палкой.

– О! – оживился Андрей, тут же забыв и о холоде и обо всех предыдущих мытарствах. – Утро на Куликовом поле!

– Во-первых, не утро, а ночь, – нарочито нахмурился бригадир, а во-вторых, пошути мне еще!

– Да ладно, – слегка ступешевался Андрей, – я же так, для поднятия духа.

– Зачем пустили без ружья? – заворчал Григорий. – Не говорил я разве?

– Да кто ж его знал, что и вправду стая набежит, – стал оправдываться помбур.

– Ночевать у вас буду, – сказал Григорий, – по темному возвращаться неохота.

– Ну так, – скомандовал бригадир, – шабаш! Надо возвращаться.

Все, шутя и осматривая спасенного, потянулись в сторону вышки.

– А нож твой я все-таки потерял, – признался помбуру Андрей.

– Хорошо, что сам уцелел, – отозвался тот. – А нож, конечно, жалко.

– Завтра вернусь – найду.

– Не найдешь, – возразил Григорий.

– Ну а грибов-то набрал? – полушутя полюбопытствовал Василий.

Андрей только рукой махнул:

– А ну их к чертям собачьим!

Все засмеялись. Было уже совсем темно.

ПОЭЗИЯ

Леонид ТКАЧУК

ВОСТОЧНЫЙ БАЗАР

Над распахнутой Петах-Тиквой
Солнце катится спелой тыквой.
И штормит овощной развал.

Айвазовский! Девятый вал!
Небесам не слышны молитвы
Из-за рыночных зазывал.

Мелодичней любой канцоны
Эти вопли других широт:
– Петрузильях!.. Милафефоним!..
Афарсеким! Афарсемоним!
Аватиах!.. Агваниот!
Шева шекель!.. Шеши агорот!..

Собрались все дары Востока
На цветной карнавал плодов.
Нет границ моего восторга!
Мало мне красоту потрогать –
Перепробовать всё готов!

Мы на пару с тобой готовы
Захлебнуться в волне фруктовой –
Лишь бы денег хватило нам.

Правоверный и православный
Знают, кто на планете славной
Самый главный по всем чинам.

Тот, кто вскормлен земной юдолюю
И за сладкое платит солью –
Тот, кто пот предпочёл слезам...

...А феллаху не до Аллаха.
Просолилась его рубаха.
У крестьян свой особый храм.

Небу некогда им молиться.
Богородица их – земляца –
Своенравная, знаешь сам.

В знойный полдень на пыльных
склонах
Век проводят они в поклонах
Не иконам и не весам –

Чтобы волны цветные плыли,
Чтобы плод возникал из пыли –
Так угодно и небесам...

Петах-Тиква, 3 октября 2018 года

Примечания:

Петах-Тиква – город в Израиле,
его название переводится как «Врата надежды»;

Петрузильях – петрушка;

Милафефоним – огурцы;

Аватиах – арбуз;

Агваниот – помидоры;

Афарсеким – персики;

Афарсемоним – хурма.

* * *

Пустыня да болото
Извечный спор ведут.
Как предпочесть кого-то?
Нет жизни там и тут.

Шумит-гремит война систем.
А жизнь вершится между тем.
Прольёт-прожарит в свой черёд –
И в небо крона прорастёт.

Словесные дуэли.
В них правды ни на грош.
Идут к единой цели
И солнышко, и дождь.

Пустыня да болото
Бесплодный спор ведут...

Петах-Тиква, сентябрь 2018 г.

Во мне Вселенная вместилась

*(Вольный перевод стихотворения
Насими «В меня вместятся оба мира»)*

Во мне легко Вселенная вместилась,
Но для меня Вселенная мала.
Что это – кара свыше или милость?
Я тетива от лука и стрела.

Я прах земной. Я сотворён из глины –
Но в силах Богу раздавать чины.
Ни перед кем я не сгибаю спину –
Творец и плод его труда равны.

Пусть плоть моя страдает ежечасно –
Блаженством райским я утешусь вмиг.
Миры рассудку моему подвластны,
А собственной души я не постиг.

Я глупый старец – и младенец мудрый,
Песчинка – и огромная скала,
Жемчужина под слоем перламутра,
Но раковина жемчугу мала.

Не хватит торжищ для моих сокровищ.
Огонь души морям не погасить.
Мой взгляд легко ладошкой прикроешь –
Но никому грядущего не скрыть.

Навеки славой Насими отмечен.
Могу ли утрапиться казни я?
Под небом вечным Насими не вечен,
Умру, но не прервётся жизнь моя...

Август 2019 г.

ПЬЯНАЯ МАДОННА

Рождественская быль

*«В Архангельской области школьник Ваня Крапивин
погиб, защищая пьяную мать от пьяного соседа» (из газет)*

Кружка самогона.
Вот и все дела.
Пьяная мадонна
По рукам пошла.

Вечное застолье –
Способ жить без бед.
Эх, была бы воля!
Только воли нет.

Вдоволь слёз и страха.
Не хватает сил,
Если пьяный хахаль
Руки распустил.

Разве можно адом
Жизнь твою назвать?
Подрастает рядом
Божья благодать.

Возмужает скоро,
Лет через пяток,
Мамина опора –
Потерпи чуток.

Что же ты, мадонна,
Лезешь на рожон?
На тебя подонок
Бросился с ножом.

Корчится от боли
На иконе Спас...
Заслонил собою –
Свою мамку спас...

Рое глину ливень,
Речка вдаль бежит.
Сын... Иван Крапивин...
Под крестом лежит.

Хлещут водку в хате.
Вот и все дела.
Сына
 божья мать
Вновь не сберегла...

Людмила ЕФРЕМОВА

* * *

Природа не прощает пустоты, –
ни в доме, ни в любви и ни в смирении...
Ты подарил мне жёлтые цветы,
И холодок подкрался вдруг осенний...

И так тревожно стало и темно
В воспоминаньях солнечного лета...
Так зябко, одиноко в мире этом
мелькнула тень за дождевым окном...

И хризантема, уронив бутон,
так покаянно в вазе наклонилась.
Мне слышен был её прощальный стон...
И я тебя из сердца отпустила...

Сават-ди-кха-а-а!

Сават-ди-хка-а-а! – приветствовал Таиланд.
Ему ответила я скромно: «Здрасьте...
К тебе я привезла весь свой талант –
Загаром оживить все тела части.
И пусть февраль по северам гоняет,
И щёки надувает злой мороз.
Сават-ди-кха-а-а! от стужи охраняет,
И я в блаженстве задираю нос.

Маршрут обратный упакует снова,
Через моря доставит «ценный груз».
А ты, ревнуя, вновь нарушишь слово
И встретишь укротительницу муз...
Воркуя, мы присядем на диванчик
В уютном гнездышке на нашем этаже,
Седеющие девочка и мальчик.
И будем говорить о вояже.
И строить планы, и мечтать о странах,
Где не ступала путника нога...
А за окном в метельном океане,
Как в обороне – крепкие снега.
И всё до коликов сердечных так любимо,
И нам с тобою так необходимо,
Как тайцам – их родные берега.
Сават-ди-кха-а-а! Таиланд!
Сават-ди-кха-а-а!

2019 г.

* * *

Раскричались халеи,
как базарные бабы.
Жмусь в тенёчке аллеи,
нам не встретиться дабы...

Выяснять отношенья
с ними я не готова:
клюва несовершенство,
Хоть и птичья основа....
То чирикаю песни,
то трещу, как сорока.
А взлететь, хоть ты тресни,
не умею с наскока.
Подавай вдохновенья
и влюблённого взгляда!
Глядь и нет притяженья, –
лишь полёта улада...

Возле ног – воробышки
делят корочку хлеба.
Эти божьи детишки
к нам посыльные с неба.
Мы ж похожи до боли:
ищем крышу в ненастье,
и тоскуем в неволе,
и летаем от счастья.

Я к халеям – навстречу,
всё о дружбе толкую.
...Да не те, видно, речи.
И они – ни в какую...
Тихо... Хмурится вечер...
О-ой! Сейчас за-ку-ку-ю...

2019 г.

Возвращение...

В тревожный сон ворвался ураган.
Он воевал, казалось, со вселенной.
И слушая ревуций океан,
себя я ощутила птичкой пленной.

Не эта роль предназначалась мне!
Я жаждала прямого разговора:
почётней быть солдатом на войне,
чем ждать в оцепенении приговора.

Меня стихия закрутила в кокон!
И разум нечто высшее постиг:
что отдаваясь воле злого рока,
у вечности я вырываю миг!
Безумного восторга мощь и сила
меня всё дальше, выше уносила.
Земли бледнел зелёный лоскуток,
и океана голубой глоток...

Назад я не хотела – видит Бог!
– Любимая, вернись! – ты закричал.
И в белом свете силуэт врача
мне притяжение обрести помог.
Как тяжелы вериги у земли...
Настольной лампы жёлтое пятно.
Глубокий вздох и... стрелочки пошли.
Мы снова вместе.
– Здравствуй, мой родной...

***В музее И.К. Айвазовского.
Феодосия...***

Кисть не бросил до смертного часа
Айвазовский – морская душа.
По годам, по векам и по расам
«Среди волн» * он плывёт не спеша...

То в палитре оттенков неброских
вдруг громадой морскою встаёт!
Суета, словно камушек плоский,
отправляется в водоворот.

Мы на выходе из галереи –
современников жмутся холсты...
У подножья, тщеславие грея,
Айвазовского высоты...

** «Среди волн» – последняя работа 81-летнего мастера...*

Лето 2016-го...

Нет, мы не прощаемся с летом!
Поклон обмелевшей реке,
где в водах, под солнцем согретым,
резвимся, как рыбки в садке.

О возрасте напрочь забыли
Три девы, три дивы – э-гей!

Считаем подводные мили, –
не речка – смешливый ручей!

И нет нас счастливей сегодня,
бежим по песочной косе!

Душа, как ребёнок, в исподнем:
в своей первозданной красе...

* * *

Как хорошо, что солнце светит!
Что мы ещё на этом свете
Возможно, встретимся не раз!
Что роковой не знаем час...
Что в каждом прячется ребёнок,
Что мысль ясна, и голос звонок,
И что душа опять болит,
И ночью с Богом говорит...

* * *

Деревья баюкают в гнёздах
Крикливых пернатых детей.
Пусть будет тепло им и звёздно,
Семья не узнает потерь.

Пусть крылышки их отрастают,
Пусть осени высветлит путь
Мечта солнценосного края,
Где можно в тепле отдохнуть.

Но лишь трепыхнётся сердечко
Желаньем любить и страдать,
На лапке играет колечко
Тех мест, где вскормила их мать.

Где Родины скромная доля,
Где в няньках поля и леса,
Где в гнёзда с надеждой и болью
Глядят, замерев, небеса...

* * *

Эта музыка из юности моей.
Ах, как пел тогда влюблённый соловей,
Сердце девичье растаяло в груди,
Я тебе его открыла – заходи.
Оказалась, это лишь была гастроль,
В ней досталась мне вторая роль...

* * *

У него в любовницах весна,	Человек-чудак шагает в лес,
Ходит, как пришибленный капелью.	Разметая снежные заторы,
С придыханием зовёт её «Она»,	Где-то за деревьями исчез
Душу наполняет светлой трелью.	Представитель фауны и флоры.

* * *

Деревьям – ветреная рать –
Не нужен кнут.
Задумал ветер поиграть –
Уж спину гнут.

Кидают вслед осенний лист –
За данью дань.
Но мира нет, лишь слышен свист,
А может, брань.

Далёко ветер-господин
Раскинул сеть.
Когда господствуешь один,
Так трудно петь.

* * *

Мы потерялись в мутном безразличьи
И надломились, слёз не уронив.
Уж это нам степенство и приличие!
Для окружения легко придумать миф:
Что поезда забыли расписание,
Что самолёты слишком дороги.
А по весне случилось увяданье...
А в паре разносортны сапоги...

Как будто бы и не было цветенья
В саду, возвращённом нежностью сердец.
А был пожар и злое провиденье –
За жертвою последует и жрец...
Всё жило вечно – скучно и убого.
Колея венчальных жёлтые глаза
Не зазывала долгая дорога
И не летели к чёрту тормоза...

ПРОЗА

Борис КАРТАШОВ

НА ОЗЕРЕ

Нигде так не чувствуется пробуждение природы от зимней спячки, как весной на озере. Многоголосые концерты лягушек, звонкие пересвистывания всякой живности, гул и шепот воды, тысячи букашек бегающих, плавающих, ныряющих – все создает прекрасную симфонию весны.

Изумительные пейзажи, один красивее другого, раскрываются перед охотником на утренних и вечерних зорьках на воде. То тишина и покой зеркальной глади, то появится крупная рябь, разыгравшаяся на озере с помощью ветра.

Сколько прелести в опускающемся солнце, когда возле вашего скрад-ка плавают манчуки, а красавец селезень, одетый в весеннее оперение, кругами летает над ними, глухо по-утиному вскрикивая, опускаясь все ниже и ниже к притягивающей к себе искусственной уточке. Ты манком подражаешь призывам кряквы, ждешь. Но что-то вспугнуло его, и он улетает.

Уже почти погасла заря, и лишь между набежавшей тучей и горизонтом догорает узенькая розовая полоска. Вот новый первый табунок уток, вновь, сначала осторожно, вглядываясь в подсадных, опять кружит над ними. Затем одна – отчаянная пикирует на воду. За ней, осмелев, остальные. Слышится плескание, щелкотание птиц. Тут тебя уже полностью охватила нервная дрожь. Ты торопишься взять в прицел силуэт селезня, нажимаешь на курок и видишь, как падает в воду птица.

...Над озером стоит туман. На костре в чёрном как смоль чугушке томится варево. Кажется, что весь воздух пронизан запахом от варёно-тушёной уткины, а вскоре после ужина и внутреннее тепло мерно растекается по всему телу.

Лежу у кострища и в который раз слушаю нескончаемый очередной рассказ товарища об охоте на уток, их привычках. Мне кажется, что в его байках каждое слово правда, хотя умом понимаю, что старый охотник привирает нещадно.

Я прощаю ему эту слабость, потому что знаю: охота – его страсть.

«НАРКОМАН» В ЛЕСУ

На очередное весеннее открытие сезона охоты местный охотовед пригласил нас (меня и Григорича) как общественников, в рейд.

– Охота начинается с утренней зорьки. Мы с вечера проверим, не нарушает ли кто правила, все ли в порядке у охотников с боеприпасами, ружьями, путевками. А поутру сами посидим в скрадке.

Уговаривать нас не пришлось. Собрались быстро. Сели в служебный ГАЗ-66 и через два часа были уже на месте назначения – озере Окуневом. Машину оставили в километре, чтобы не светиться перед любителями весенней охоты. До общего бивака охотников добирались пешком.

Не успели выйти на дорогу, проходящую через лес, как северная погода показала свой непредсказуемый нрав: началась гроза. Вначале появились всполохи далеких молний. Затем поднялся ветер, набежали тучи, раздались раскаты грома. Сосны загудели, замахали своими хвойными лапами, как будто собрались куда-то улететь. С крон летели сучья и хвоя, раздавался треск сломанных веток.

В лесу стало сразу страшновато и неудобно, но когда дорога вышла из леса на небольшое открытое место перед биваком, неприветливый лес показался надежным укрытием. Кругом грохотало, между ударами молний глаза не успевали привыкнуть к темноте, как следовали новые вспышки. Наконец гроза ушла в сторону.

Отдышавшись, тихо расположились на небольшой проталине, с которой хорошо было видно место общего сбора охотников. Они сидели вокруг костра и громко беседовали, подогретые горячительными напитками. В бинокль охотоведа было видно, что ружья у всех в порядке: в чехлах.

Вроде бы все в норме. Ан нет! Один из сидящих зачем-то направился к озеру. Тихо следуем за ним. Мужик подошел к кромке воды, присел на корточки, приложил ладони ко рту и... закричал. В ответ раздался призывной ответ утки. Охотник тут же полез в куст ивняка и... достал оттуда фляжку, налил содержимое в небольшой стаканчик, выпил и сам себе сказал:

– Ну вот и сподобился! Первая добыча есть!

Мы, давась от смеха, крутим пальцем у виска. Между тем через пару минут мужик опять присел и повторил весь свой ритуал. На этот раз, по его словам, он грохнул свизья! Не выдержав такого представления, подходим к нему:

– Ты чего это импровизируешь? Дождись утренней зорьки и стреляй по-настоящему сколько хочешь.

– Сил нет ждать утра, руки чешутся. Охота на утку – это же как наркотик: если дозу не примешь, ломка начнется!

Проверив на всякий случай документы на право участвовать в открытии охоты, пошли пить чай и отдыхать.

Когда забрезжил рассвет, товарищ растолкал меня, и мы отправились в заранее примеченный скрадок.

...Сколько раз я бывал на утиных охотах! Не сосчитать! Уже много раз видел, как плотнеет и плотнеет предрассветный туман, как влажной паутиной садится он на лицо, на стволы ружья, которые словно седеют. Понемногу начинает развидняться. Небывалая тишина заполняет пространство – небольшое озеро, застывшие кусты ивы, невидимый пока лес на далеком берегу.

И вот он, еле слышный посвист утиных крыльев! Ты вглядываешься туда, откуда они должны появиться, и утренняя дрожь то ли от холода, то ли нервная заставляет тебя приоткрыть рот, чтобы лучше слышать этот посвист, один из лучших для охотника звуков. Утки врываются к тебе из серого пространства навстречу стволам твоего ружья, которые словно сами ищут то, на что должны быть нацелены!

И удары выстрелов! И падение добычи на воду! Только затихающее эхо перекачивается, замолкая, среди далеких прибрежных перелесков. И опять тишина весеннего утра!

Вдалеке от нас виднеется еще один скрадок. Шалаш, покрытый лапником сосны и ели, стоит на кромке озера. Хотя расстояние между

нами приличное, но все, что происходит у соседа, видно прекрасно. Вот очередной промах! На этот раз попал! Вот охотник вышел из укрытия, идет за сбитой уткой. Налетели чирки. Выстрел! Утка падает в воду недалеко от него. Достал. Едва сосед занимает свое привычное место, как новая стая крикшей опускается на воду. И хозяин скрадка, несмотря на достаточно почтенный возраст, с юношеским задором вновь стреляет по дичи...

Тут и рядом со мной со свистом приземлилась стайка чернети. Стреляю дуплетом. Увы, промах. Утренняя зорька продолжается...

ПУСТЫЕ СТРАХИ

Август. Лесное озеро окутано туманом. Рыба не ловится. Мы лежим с напарником у костра и лениво пьем чай, приготовленный из целебных кореньев и листьев. В траве окрест слышится писк и шуршание полевков, крики ночных птиц. Мягко шумит листва берез и ивняка. Величаво кричит кедр. Ему вторит хмурая ель и деловая сосна.

Неожиданно идиллию нарушает треск валежника. Вроде кто-то подбирается к нам. Но это иллюзия. Никого рядом быть не может. Умом понимаю это, однако успокоиться не могу.

– Дед, по-моему, кто-то рядом ходит, не слышишь?

Тот прислушивается, затем заявляет:

– Пустое. Кто тут может быть?

– Может, медведь? Мужики рассказывали, что он где-то в этих местах бродит.

Напарник молчит. Я постепенно успокаиваюсь, но в душе тревога не проходит. Ружья-то с собой не взяли – сезон охоты еще не открыт.

– Надо построить здесь избушку, – старый товарищ ставит котелок на огонь, – негоже в палатке круглый год обитать. Во-первых, не надо постоянно таскать лишнюю тяжесть с собой, во-вторых, в избушке в любое время года теплее и спокойнее.

Я согласно киваю головой. Мне лень вступать в дискуссию с дедом: если поддержу разговор – не закончится до утра. Такова уж характерная черта друга. Любит поговорить всласть по любому поводу.

– Давай подискутируем по поводу скептицизма древних греков, – улыбается тот.

Мне лень отвечать на шутку, и я молчу.

Подбросив в костер дров, товарищ прислушивается.

– А ты прав, медведь, однако, бродит рядом. Запах, видимо, наш его привлекает, – после этих слов дед завернулся в дождевик и через минуту захрапел.

Меня охватывает беспокойство. Достая из чехла охотничий нож. Но к костру никто не подходит. Тут усталость берет свое: засыпаю с ножом в руках. Но уже через минуту встаю и подбрасываю в костер сухие дрова, заранее приготовленные на ночь. Огонь вспыхивает с новой силой, освещая кромку леса. Снова укладываюсь за спиной товарища. Сморою то на огонь, то на лес, пока не начинает светать.

Утром прохладно. Встаю, кипячу чай. Специально шумлю, чтобы проснулся дед. Храп прекращается, и через минуту раздается его ехидный голос:

– А ты не спал, однако? Все хозяина ждал? Напрасно. Он в это время ленивый, не нужны мы ему.

– Так ты специально про медведя мне наговорил? Испугать решил?

– Конечно. А то вишь, разговаривать ему со мной не захотелось...

...Обиду на кореша держал неделю, до следующих выходных, пока опять не собрались в лес.

Зимовье построили к холодам. Когда приходилось в нем отдыхать, напарник ехидно рассказывал товарищам, как до икоты меня напугал.

ТИХАЯ ОХОТА

В наших краях сбор белых грибов происходит в два этапа: в конце июня и в августе-сентябре. Люди на тихую охоту отправляются обычно осенью, в разгар бабьего лета: гнуса в тайге уже нет, еще тепло и сухо. Вот в один из таких дней мы отправились на беломошник (так называют олений мох – ягель) за боровиками. Тем более нас пригласили знакомые, имеющие в личном пользовании вездеход-вахтовку на базе автомашины «Урал».

Народу собралось много: родственники, друзья родственников, друзья друзей... В общем, полный салон. С шумом и гамом мы погрузились в автотранспорт и через пару часов были на искомом месте – беломошнике, который серел нескончаемым бором.

Солнце только-только заскользило по верхушкам деревьев. Роса крупными каплями свисала с листьев брусничника, и в них оно отражалось мелкими искорками. Вдалеке стучал дятел, и перешептывалась своими ветвями сама с собой ольха. Благодать!

Идешь по лесу – и не можешь надышаться осенним воздухом, наполненным необыкновенно вкусными лесными запахами. Пьешь его, пьешь... Вдруг из ниоткуда под ногами появляется белый гриб величиной с кулак. Стоп! Надо оглядеться: боровики растут семьями. Внимательнее, внимательнее... Ура! Под сосной бугрится еще несколько белых.

Корзина быстро наполняется дарами леса. Пора возвращаться к машине. Как назло, грибы попадают все чаще и чаще. Приходится снять с себя ветровку и делать импровизированный мешок. Вскоре и он полон. Вот удача!

А на стоянке уже готов импровизированный стол, на котором домашняя снедь, чай, кофе. Грибники громко обсуждают тихую охоту, делятся удачей.

Все в сборе. Пора домой. Грузимся со своими корзинами в машину. Уже никто не шумит: устали. Под монотонный звук мотора дремлем. Снится бор, семейки боровиков, пение птиц... Мы все еще на природе.

ЦАРСКАЯ ЯГОДА

Морошка – ягода с уникальным, ни на что не похожим вкусом и запахом. Поэтому не всем приходится по нраву: некоторые не любят ее за излишнюю приторность и водянистость. Другие напротив отмечают ее излишнюю кислотность. И тем не менее в народе морошку называют цар-

ской ягодой за ее целебные свойства. На Русском Севере жители деревень делали из нее квас, морс, кисель. А нынешние умельцы приспособились изготавливать и самогон, очень даже неплохой!

В северных районах, где морошка произрастает в изобилии, ханты прикладывают листья морошки, смазанные рыбьим жиром, к гноящимся ранам. Используют ее как перевязочный и кровоостанавливающий материал. Ягоды применяют и как потогонное средство.

...Идешь краем болота по редкому сосняку, под ногами мох пружинит, дурманящим запахом несет от багульника, на кочках будто кто мелкие белые шарики рассыпал – клюква незрелая. Голубику собирать еще нельзя, черника лишь местами в рот просится. Морошка же налилась солнечным светом, то здесь, то там привлекает сочными желтыми ягодами. Захочешь мимо пройти – не сможешь. Зрелая тут же тает во рту, твердая (у таких один бок красноватый) в дороге не помнется, дозреет дома.

Одна незадача: как только нагнешься за ягодой, за ворот сразу лезет туча гнуса. Люди непривычные бросают все и бегут туда, где пространство продувается. Таежники же готовятся к сбору ягоды основательно. Первое – это одежда: энцефалитный костюм, тщательно застегнутый на все пуговицы поверх сапог.

Репеллент лучше всего сделать самому, по особому рецепту: смесь дегтя с подсолнечным маслом наносится на марлю. Затем она прикрепляется к капюшону энцефалитки так, чтобы было прикрыто лицо. Этой же смесью обильно мажешь кисти рук. Тогда ты на пару часов можешь не бояться быть искусанным. Кстати, вынести рядом такого соседа сможет не каждый – вонища несусветная. Потом еще дома от тебя будут шарахаться дня три, несмотря на то, что помоешься в бане основательно.

– Сейчас такого, как у меня, дегтя нигде нет, – хвастается напарник, – это я его выгнал еще в прошлом веке – натуральный! А сейчас все химия. От нее только морду коробит, а результата – ноль.

Дома ведерко с морошкой торжественно ставишь на стол, где ее ждут с нетерпением жена и дети. Каждый накладывает себе в тарелки горку желто-красной ягоды, добавляя кто мед, кто варенье или сливки, – и приступает к священнодействию – поеданию царской ягоды.

ПОЭЗИЯ

Егор КОСИН

Иван да Марья

По мотивам сказки А.Н.Толстого

Летнее солнышко ласково ластится
К водам озёр, малахиту лугов.
Чудно полянка иная украсится
Дивной картиной волшебных цветов –

Золото бисером щедро раскидано,
Синью небесною обрамлено,
Наделено красотой невиданной,
В сказы людские вознесено.

Так, по преданью, в избёнке малёхонькой,
Скромно стоящей вблизи озера,
С крышей соломенной, крытой давнёхонько,
Жили сиротками брат и сестра.

Как-то единожды братец Иванушка
Утром отправился в дальнюю даль,
И наказал он сестрице Марьянушке
Дома сидеть, чтоб болотная тварь

Не надругалась. Но Маша ослушалась
И побежала в луга, веселясь.
В пляске с русалками песен заслушалась
И угодила в болотную грязь.

Ночью над ней водяной позабавился –
Возле воды лишь один поясок,
В липку её обратил и избавился.
На берегу треплет лист ветерок.

Ваня вернулся... Но что за нелепица?
Ищет сестрицу – туды да сюды:
Где ты, Марьянушка, милая девица?
Лишь поясок увидал у воды...

Лето проходит... Судьбой опечаленный,
Больше не в силах терпеть тяготу:
«Кину сей край, – он решил от отчаянья, –
Только себе лапоточки сплету».

Липку нашёл, одиноко стоящую
У озера на крутом берегу,
Лыка надрал и изладил шуршащую
Пару лаптей, что тропят* на бегу.

Ваня отправился в путь свой решительно –
Лапти усердно по тропке ведут.
Много плутал он, но вот удивительно –
Голая липка пред ним тут как тут.

«Вот наваждение, – парень ругается, –
Сбился с пути! Щас иначе пойду!»
Снова Ванюша по лесу скитается...
Голая липка опять на виду!

«Эх, порублю её», – Ваня в отчаяньи,
И над стволом он заносит топор...
Голос вдруг слышит, наполненный чаянья:
«Милый мой братец, сними наговор!

Встречу тебя я, как прежде, улыбкою,
Не обратится мой плен вековым,
Если достанешь из места ты зыбкого
Горькой волшебной полынной травы.

Бросишь в лицо мне – и чары заклятые
Сразу падут, и я буду с тобой!»
Лапти тропящие, в меру помятые,
Вмиг понесли за полынной травой.

Мчали то по лесу, мчали то берегом –
Ветра в ушах лишь пронзительный свист.
В небо взлетев с омерзительным верезгом**,
Ваня на туче огромной повис.

«Ох, не упасть бы, – подумалось bravому, –
Зыбкое место – ни трав, ни куста».
Выскочил вдруг мужичок к моложавому,
Мал сам, но рёв извергают уста:

«Кто тут на тучевой яме забаловал?
Пошто нарушил мой сон и покой?
Пошто в пенаты мои припожаловал?»
Ваня в поклон: «За полынной травой».

«Хоть и пробрался сюда ты украдкою,
Вижу, не промах – сорвиголова!
Коли поборешь цыганской ухваткою,
Будет полынна в подарок трава!»

Навзничь легли между тучами гладкими,
Ловко мостясь к голове голова,
Ноги подняли, сцепились пятками –
Тянут-потянут, и дышат едва.

Ване ж в помощниках – лапти чудесные
Тоже стараются – честь и хвала!
Ладны дела – коль потуги совместные.
Знать пересилили – наша взяла!

«Счастье твоё – забирай, что заказано,
Да убирайся, покуда живой!»
Стал от досады греметь и выказывать
Красный язык мужичок громовой.

С чёрного облака, зыбкого, жуткого,
Ваня вернулся с волшебной травой.
Видит у липки дедка криворукого –
Страшный, усатый, сидит водяной.

«Знаю, кто ты – забавлялся невинною!» –
И водяного травой прижал.
Не устоял тот под силой полынною –
Вспучился, лопнул, ручьём побежал.

Ваня тут в липку цветы отворотные
Бросил добытой волшебной травы.
Спали с сестрицы все чары болотные –
Вызволил Машеньку из кабалы.

Так и бытует сказанье бессмертное,
Дружбу и верность их ценит народ:
Там, где пройдёт та пара заветная,
Всенепрременно марьянник цветёт.

* тропить – идти по следу, находить дорогу

** верезг – пронзительный крик, визг

ПРОЧТИТЕ ВАШИМ ДЕТЯМ

Наталья БОРОДКИНА

Имя собственное

Сказка-быль

Маленький земляной лягушонок проснулся рано утром от наглого чирикания воробьёв и радостно подумал: «Хозяйки не было уже два дня, значит сегодня обязательно приедет поливать грядки».

Лягушонок жил на даче под большой ржавой бочкой с водой. Там было тепло, сыро и, главное, безопасно. Впрочем, бояться лягушонку было некого. На даче жил только невоспитанный нервный воробей, которого хозяин ласково называл Друган, и толстая задумчивая мышь. Она становилась на удивление прыткой только тогда, когда на дачу мимоходом захаживал худой, всегда голодный кот.

Хозяйка звала его Тигра. Кот был совершенно дикий, но к хозяйке всегда подходил без опаски и даже перебрасывался с ней парой слов. Хозяйка при этом всегда впадала в мучительное раздумье, жалостливо глядя на Тигру и смешно хмуря тонкие брови. Лягушонок слышал её мысли. Она думала, стоит ли отдавать Тигре половину своей сосиски. И лягушонок, и Тигра, безучастно сидящий возле хозяйки с видом «не больно-то и нужно», заранее знали результат.

Через несколько минут Тигра удалялся величественной походкой царя зверей, небрежно зажав в зубах половину сосиски. Но лягушонок-то прекрасно видел, как исчезала его важность, когда он заворачивал за угол дачного домика и с жадностью проглатывал сосиску. Затем, воровато оглянувшись по сторонам, – не видел ли кто, как низко он пал, – Тигра снова принимал независимый и даже надменный вид и отправлялся в свой ежедневный обход дач. Кот видел, как хихикает над ним лягушонок, но тот был не в счёт, ведь у него не было даже имени.

А имена были у всех, и даже по несколько. Хозяйку дачи звали Маша. Когда хозяин был в добром расположении духа и строительство дачного домика ладилось, он ласково называл Машу мышонком. А когда злился на несговорчивую Машу, не желавшую смириться с тем, что он сколотил крыльцо из не струганных досок, мысленно называл её козой.

Хозяина дачи звали Сашей. Но хозяйка чаще называла его солнышком, а когда они ссорились – поросёнком неблагодарным. Но в общем они ладили, и лягушонок любил их обоих так же, как любил весь этот прекрасный, солнечный Мир, полный изумрудной зелени и благоухающих цветов.

Толстую старую мышь, жившую под домиком, хозяйка называла козьявкой противной. Лягушонок не понимал, что это значит, но чувствовал, что что-то нехорошее, потому что Маша всегда умудрялась застать её в тот момент, когда она суетливо тащила к своей щёлке в полу кусочек печенья или хлеба, самым бесстыдным образом похищенные из сумки, доверчиво оставленной на полу рассеянной Машей.

Было своё имя даже у вечно взъерошенного воробья, которого и птицей-то трудно было назвать. Лягушонок уже видел настоящих птиц, которые гордо парили в небе, а если и опускались на землю, то вели себя

чинно и благовоспитанно. Взять хотя бы этих двух трясогузок, которые прилетали попить воды из маленького бассейна и посидеть в густой тени резных листьев крапивы. Они тихонько переговаривались между собой, обсуждая свои семейные дела, и согласно кивали друг другу светленькими головками.

А этот? Этот воробей даже летать-то не хочет, а просто бегаёт по грядкам, хватая всё, что подвернётся – то червячка, то гусеницу, то муху. Лягушонок морщился, видя такую неразборчивость в еде. Он считал это признаком дурного воспитания.

Лягушонок почесал лапкой животик и грустно вздохнул. Он слышал, о чём думает козявка противная. Она прикорнула на солнышке возле крыльца, и её полусонные мысли тихо и печально шуршали. Она думала о том, что скоро хозяин доделает полы в домике, её удобной щёлочки в углу не станет, и нужно будет думать о том, как незаметно пробираться в домик. Как истинная женщина, она в конце концов решила: «Я подумаю об этом потом», и задремала.

У лягушонка было совершенно противоположное мнение. Он с нетерпением ждал, когда хозяин достроит домик. Ведь тогда они с Машей будут приезжать гораздо чаще и (о счастье!) даже оставаться здесь ночевать. И значит, лягушонок сможет гораздо чаще любоваться радугой, которая искрилась в каскаде брызг каждый раз, когда Маша поливала свои грядки из длинного чёрного, похожего на змею шланга. Так что лягушонок искренне радовался предстоящему окончанию строительства. А что касается воробья Другана, то он ничего не думал по этому поводу. Лягушонок считал, что для этого Друган был слишком глуп.

Размышления лягушонка прервал звук приближающегося автомобиля. Затем послышалась музыка. Лягушонок знал эту песню. Чей-то голос, – лягушонок никак не мог понять, мужской или женский, – самозабвенно пел: «Даже если вам немного за тридцать, есть надежда выйти замуж за принца». Лягушонок подумал: «Какие же люди всё-таки наивные», – и высоко подпрыгнув что было сил, помчался к тому месту, откуда видна была радуга. Это было непросто. Приходилось пробираться сквозь заросли клубники и капусты. Но зрелище того стоило, и уже через несколько минут лягушонок был на исходной позиции.

Шло время, но радуга не появлялась. Вместо того чтобы начать поливку, хозяйка взяла тяпку и стала рыхлить грядки. Разочарованный лягушонок сидел в зарослях и рассеянно наблюдал за хозяйкой. Громкий вскрик Маши заставил его очнуться. Он почувствовал, как её нежные руки подхватили его, и близко-близко увидел её широко распахнутые, испуганные глаза. «Ну что же ты, малыш, я ведь могла тебя поранить. Беги отсюда, не вертись под ногами, малыш», – дрожащим голосом сказала Маша.

Лягушонок, осторожно опущенный на дорожку, изо всех сил припустил к своей бочке. И вдруг яркая, как молния, мысль вспыхнула у него в голове: «Малыш, она назвала меня Малыш! Значит, у меня тоже есть имя, моё имя, и какое – Малыш!» Где-то тоненькой иголочкой кольнула обида: «Ну почему, почему Маша не сказала об этом раньше?»

Но горячая волна благодарности захлестнула его маленькое сердце. Оно трепетало от радости и восторга. Малыш юркнул под свою бочку и блаженно вытянулся на бархатном листе мать-и-мачехи. От пережитого потрясения он быстро уснул. Во сне он беспокойно вздрагивал. Ему снилось, что Маша весело кричит: «Малыш, ну куда ты запропастился?»

Иди посмотри, какая яркая сегодня радуга!» И даже во сне он знал, что завтра он проснётся в совершенно другом Мире – Мире, где у него будет Своё Собственное Имя!

Верь сердцу своему

Сказка-быль

Тихо и мягко заскрипел снег, едва присыпавший полузастывшую октябрьскую грязь. Брезгливо встряхивая лапками в ослепительно белых «носочках», вышел из своего подъезда всеобщий баловень и любимец двора кот Кеша.

Кешу любили все. И старушки, коротающие время на лавочках, безобидно сплетничая обо всех обитателях небольшого городского двора. И дети всех возрастов и национальностей, самозабвенно играющие на детской площадке. И молодёжь – девчонки и парни, занимающие те же лавочки с позднего вечера и почти до утра. Взрослые были не в счёт. Рано утром они отправлялись на работу и возвращались только поздно вечером, уставшие и безразличные ко всему, даже к нему – Кеше, и спешили к своим диванам и телевизорам. Но Кеша не обижался на них, он понимал, что они должны работать для того, чтобы старушки могли отдыхать на лавочках, дети резвиться на своей площадке, а молодёжь – учиться. Так был устроен мир людей, и Кеша принимал это как данность.

Он действительно был очень красив, особенно зимой, когда его чёрная шерсть становилась длинной и густой, а лапки и грудка сверкали на солнце ослепительной белизной. Кеша и сам понимал, насколько он красив, и в глубине души считал, что ему больше подходит имя Иннокентий – аристократичное и достойное. Но как объяснить это людям, он не знал. Он прекрасно понимал язык людей, но как ни старался, люди совершенно не понимали, что он хотел им сказать.

Вальяжной походкой (он немало потрудился, отработывая её перед зеркалом) Кеша обошёл весь двор, потёрся о лавочку, на которой сидели старушки, снисходительно выслушал не отличавшиеся разнообразием комплименты и решил, что во дворе не происходит ничего интересного. Всё самое интересное происходило ночью. В подъездах целовались влюблённые парочки. Подвыпившие парни с поразительным упорством ломали лавочки и качели на детской площадке, которые потом с поразительным терпением ремонтировали и подкрашивали работники домоуправления. А самое главное, ночью начиналась их, кошачья жизнь. Уж тут-то они могли вволю потусоваться (Кеше нравился современный молодёжный сленг за точность и яркость выражений).

Но сейчас нужно было возвращаться домой. Скоро выйдет гулять Чапа – раздражительный и нервный пудель из соседнего подъезда. Не то чтобы Кеша его боялся. Конечно, нет. Но это взбалмошное существо, невоспитанность которого могла быстро переходить в агрессию без всяких видимых причин, раздражало уравновешенного, самодостаточного Иннокентия.

Он помнил Чапу ещё щенком – ласковым, вертлявым и навязчиво-доброжелательным. Но Чапа был некрасив. Наверное, он был помесью

пуделя и таксы. Это было нечто неприлично лохматое на коротких кривых ногах, непонятного грязно-коричневого цвета. Поэтому Чапу никто не любил, кроме его хозяйки – пожилой усталой женщины с натруженными руками и толстой седой косой, старомодно уложенной в корону.

Мальчишки часто дразнили Чапу. Он стал огрызаться в ответ, за что от взрослых попадало почему-то не мальчишкам, а ему. Со временем его характер совершенно испортился. Он больше не стал подходить к людям, а чаще сидел где-нибудь в сторонке, завистливо наблюдая за малышней, копошившейся в песочнице.

Когда у Чапы было особенно скверное настроение, он становился настоящим террористом. Весь двор был возмущён его поведением, а его хозяйке приходилось виновато оправдываться перед всеми: «Прямо не знаю, что на него нашло», – говорила она и сурово отчитывала взъерошенного и насупившегося Чапу. А ему просто хотелось, чтобы она погладила его по голове.

Во дворе был ещё один изгой – старый полудиккий кот с клочковатой свалявшейся шерстью. Когда-то она была ярко-рыжей, за что кота прозвали Чубайсом. Теперь шерсть свалялась и поседела, отмороженные уши тоже его не украшали, а многочисленные шрамы придавали совсем уж угрожающий и отталкивающий вид.

Он жил в подвале большого кирпичного дома и к людям подходил только в случае крайней необходимости, когда был очень голоден. Сердобольные жильцы дома подкармливали его, чем могли, но особой любви к нему не питали. Любила Чубайса только маленькая девочка Полина из соседней с Кешей квартиры. И Чубайс подходил только к ней. Полина крепко прижимала его к себе и гладила, тихо приговаривая какие-то ласковые слова, которые понимал только Чубайс. Это приводило в ужас маму Полины. «Не трогай его, он, наверное, больной», – нервно требовала мама, на что Полина неизменно отвечала одной и той же фразой: «Он холосий, мама, он доблый», – она ещё не умела правильно выговаривать некоторые звуки.

Чубайс знал, что Полине никогда не удастся убедить свою мать, и сам отходил от девочки. Он устраивался в сторонке, в тени балкона, откуда внимательно и чутко наблюдал за девочкой. Полина и Чубайс понимали друг друга без слов, и одна только Полина знала, что он охранял её. Когда девочку уводили домой, она прощально махала ему рукой, и он с чувством исполненного долга отправлялся в свой подвал.

Кеша знал о тайной привязанности Полины и Чубайса, но никак не мог понять, почему девочка так любила именно его, а не Кешу. «Она просто ещё маленькая и глупая», – утешал себя Кеша.

Кеша уже подходил к своему подъезду, когда его взгляд привлекло что-то новое и непонятное. Подойдя ближе, он понял – это был котёнок. Маленький, дрожащий, жалкий. Такое часто случалось в их дворе: кто-то подбрасывал в подъезды котят, ставших вдруг почему-то ненужными.

Напуганный и не понимающий, как с ним могло такое случиться, котёнок жалобно пищал и прижимался к тёплой трубе. «Ещё один, – равнодушно подумал Кеша, – как они надоели». Он знал, что пройдёт несколько дней, пока котёнка кто-нибудь заберёт к себе. А до этого он долго будет кричать в подъезде, пока совсем не охрипнет.

В огромных от ужаса, переполненных слезами глазах котёнка мелькнула надежда, когда он увидел Кешу, но тот равнодушно прошествовал

мимо к своей двери, за которой его ждала миска с его любимым вискасом и мягкий, пушистый коврик.

Вдруг писк котёнка сменился каким-то сдавленным хрипом. Кеша оглянулся и увидел жуткое зрелище. К котёнку молчаливо и яростно подступал Чапа. Его сверкающие из-под растрёпанной чёлки глаза не сулили ничего хорошего. Приблудный котёнок со вздыбившейся шёрсткой и дрожащим хвостиком прижался к стене. Он никогда не видел такого злобного чудовища, и страх, застывший в его расширенных зрачках, буквально парализовал его.

Кеша стал поспешно пятиться к своей двери. Он слишком хорошо знал характер Чапы. Но вдруг ярость в глазах Чапы сменилась удивлением. Кот Чубайс, пересёкший подъезд одним гигантским прыжком, встал между Чапой и котёнком. Их глаза встретились.

Коты и собаки, живущие во дворе, никогда не враждовали друг с другом, ведь все они были здесь «свои». Доставалось только случайно забредавшим во двор чужакам. Тут уж все обитатели двора были единодушны. Это был их маленький мир, и они как могли защищали его. Поэтому Чапа был безмерно удивлён, что Чубайс встал на защиту чужака. Но та решимость, которую он увидел в глазах противника, заставила его отступить. А Чубайс медленно повернулся, что-то буркнул ошеломлённому подкидышу и спокойно направился к выходу. Он знал, что Чапа никогда не нарушит неписаное правило – не нападёт сзади.

Полумёртвый от ужаса, на негнувшихся дрожащих ногах котёнок преданно поплёлся за Чубайсом, и через минуту они оба скрылись в зияющем отверстии, ведущем в подвал.

Всё произошло так быстро, что Иннокентий и опомниться не успел. Он ошеломлённо плюхнулся на коврик у своей двери. Он понимал, что Чубайс поступил как настоящий герой, и впервые испытал жгучее чувство стыда – ведь ему даже в голову не пришло защитить малыша. Впервые он подумал о том, как сложилась бы его жизнь, если бы он не был так красив. Люди обычно берут к себе красивых животных и относятся к ним, как к игрушкам. Чувство стыда было настолько непривычным, что у него больно заныло сердце и защищало глаза.

С тихим скрипом приоткрылась дверь соседней квартиры. Сначала показался огромный зелёный бант, а потом любопытное личико с широко распахнутыми глазами цвета тёмно-зелёного бутылочного стекла. Это была Полина. Она никогда не видела Кешу таким растерянным и несчастным. Девочка медленно подошла к нему, присела на корточки и, нерешительно погладив его по спине, ласково сказала: «Не плачь, Кеса, всё будет холосо», – «ш» она тоже пока не научилась выговаривать.

Кеша впервые с уважением подумал о Полине. Только эта маленькая девочка, у которой были грустные глаза, даже когда она заливисто смеялась, смогла разглядеть за неказистой внешностью Чубайса его большое доброе сердце. «Наверное, эта девочка умеет видеть сердцем, а не глазами», – подумал Кеша и впервые отчётливо услышал, как его собственное сердце сказала: «Никогда не верь глазам, верь сердцу своему».

Простая истина

Сказка-быль

Солнце клонилось к закату. Изумительный летний день искрился и переливался всем богатством красок, созданных природой. Мир затихал. Казалось, даже Старый Лес, подкрадывающийся прямо к заборам дач, шумел тише и спокойнее. Он устало охал в предвкушении темноты, которая принесёт ему желанный покой. Уйдут наконец эти пронырливые дачники, которые являются ни свет ни заря и, громко перекликаясь, пускаются на поиски грибов, ягод и трав.

Старый Лес всегда вздрагивал по утрам от этих криков, и вместо того чтобы понежиться в предутренней тишине, впадал в недоуменное оцепенение. Но с годами он привык ко всему: и к зимнему безмолвному покою, и к летней многоголосой суете.

Поэтому, покряхтывая и потрескивая сучьями, он начинал-таки просыпаться, и вместе с ним просыпались птицы. Лес любил птиц больше всех прочих своих обитателей. Не любил он только ворон. Они всегда селились на краю леса большими стаями, и малейший спор между двумя воронами всегда перерастал во всеобщую ссору, порой заканчивающуюся серьёзной потасовкой. Гвалт при этом стоял такой, что Старому Лесу хотелось стряхнуть с себя это наглое орущее племя. Часто он так и делал, и вороны, посыпавшись с деревьев чёрными взъерошенными комочками, уже через секунду взмывали вверх в полной уверенности в том, что это они сами взлетели потому, что им надоело ссориться.

Но к Старой Вороне у Леса было особое отношение. Она была так же стара, как и он сам. Она никогда не ввязывалась в бессмысленные споры своих не в меру темпераментных сородичей, а наблюдала за ними, сидя поодаль с невозмутимым видом настоящего философа. Долгая жизнь сделала её мудрой и терпимой к слабостям других.

По ночам у неё болела ушибленная нога, а сломанное в прошлом году и давно зажившее крыло невыносимо ныло, когда начинались затяжные холодные дожди. Долгими осенними ночами Старый Лес часто просыпался от того, что Ворона постанывала во сне от ставшей уже привычной боли.

Лес помнил, как прошлым летом белокрысы мальчишка с самой ближней к лесу дачи запустил в Ворону увесистым камнем за то, что она решила полакомиться созревающей облепихой. Мальчишка оказался метким стрелком. А Ворона, не ожидавшая удара, удивлённо и обиженно вскрикнув, с трудом долетела до Леса и беспомощно свалилась на мягкий голубой мох. Она не понимала, почему люди не хотели с ней поделиться, ведь облепихи было так много, что её хватило бы на всех!?

А Старый Лес всё понимал. За свою долгую жизнь он повидал многих людей и читал их души, как открытую книгу.

В Лесу бывали разные люди. Одни вели себя как хозяева: громко перекрикивались, не понимая, что пугают лесных обитателей, мимоходом сносили головы даже не успевшим вскрикнуть от ужаса красавцам мухоморам, собирали всё до последней ягодки, рвали большие охапки цветов и вскоре выбрасывали эти поникшие букеты, не понимая, почему они так быстро увяли. А цветы медленно умирали на опушке Леса, лишённые своей короткой, но такой прекрасной жизни. После таких людей в лесу оставались догорающие костры, пустые консервные банки и вытоптанная трава.

Таких людей Лес не любил. Он только с трудом терпел их. Но когда они особенно ему досаждали, наказывал: прятал от них ягоды и грибы, набрасывал на их лица липкую мокрую паутину, запутывал тропинки.

Другие люди вели себя тихо и спокойно, понимая, что пришли к Лесу в гости. Они ступали осторожно, ничего не ломали, не рвали без необходимости травы и цветы, срывали только самые спелые и крупные ягоды, аккуратно срезали съедобные грибы. После их ухода Лес оставался таким же чистым, и нетронутые лесные травы так же первозданно сверкали на солнце алмазными капельками росы.

Таких людей Старый Лес щедро одаривал ягодами и грибами, открывал им тайны своих растений, наполнял великой жизненной силой. Уходя, они говорили: «Благодарю тебя, Батюшка Лес, за твои щедрые дары!» Глаза Леса щурились в доброй улыбке, и кроны его деревьев приветливо колыхались в ответ, кланяясь уходящим людям.

Старый Лес привык отдавать людям всё, ничего не требуя взамен. Но когда случалось так, что лесные обитатели приходили или прилетали на дачные участки, чтобы полакомиться чем-нибудь вкусненьким, они получали такой решительный и изощрённый отпор, что им приходилось поспешно укрываться под спасительным покровом Старого Леса, и желание общаться с этими агрессивными двуногими существами пропадало у них надолго. Те, кто оказался недостаточно проворным, долго зализывали свои раны, искренне недоумевая: «Ну почему люди такие жадные, ведь у них всего так много!»

Старый Лес нежно склонялся над своими обиженными питомцами. Плакать он не умел, и глухая застарелая печаль терзала его усталую душу.

Но время шло, наступал новый день, всходило солнце, заботливо согревая своими живительными лучами Лес и его обитателей...

Лес и Старая Ворона, как всегда, проснулись раньше всех, понимая, посмотрели в глаза друг другу и оба подумали одно и то же: «Всё не так уж плохо, жизнь продолжается».

Несмотря ни на что, они верили, что наступит время, когда и люди поймут простую истину: тем, что у тебя есть, нужно делиться с другими.

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Сергей БОРОВСКИЙ

СКАЗКА О РУССКИХ БОГАТЫРЯХ И НЕЧИСТОЙ СИЛЕ

(по мотивам русских былин и сказаний)

Обгоняя скорость света,
Разум мчится сквозь века.
В глубине души поэта
За строкой бежит строка.
И ложатся на страницы,
Отряхнув седую пыль,
Чудеса, и небылицы,
И загадочная быль.

* * *

Как-то, споря с океаном,
Славный русский богатырь
Воду вычерпал стаканом,
И земля раздалась вширь.
А другой силач-тихоня,
Задремав у бережка,
Маясь жаждою, спросонья,
Выпил море в три глотка.
Третий еле уместился
Посреди высоких гор
И в народе прозывался
Грозный витязь Святогор.
Он мечом владел и пикой,
Равных не было ему,
И страна была великой,
И в узде держали Тьму.
Русский дух царил повсюду,
Как сначала повелось.
Никакому чуду-юду¹
Здесь спокойно не жилось.
Заползут какие гады
Или птицы налетят:
Святогор не даст пощады –
Только косточки трещат.

* * *

Много лет ходил дозором,
Караулил землю-мать.

¹ Чудо-юдо – мифологическое чудовище.

Русь жила за Святогором –
Не обидеть, не сломать!
Все набеги басурманов¹
Отражал Батыр²-гора.
И в стране великих ханов
Невзлюбили бога Ра.
Этот бог служил защитой
Великану Русь-земли.
В битве честной и открытой
С ним тягаться не могли.
Брали подкупом, обманом,
Злыми чарами, вином,
Шли на приступы тараном,
Выжигали Русь огнём.
Всяко землю-мать пытали,
Извели немало стрел.
Дни и годы пролетали,
Грозный витязь постарел.
Трудно стало Святогору
Воевать на склоне лет,
Отдыхать с почётом в пору,
А ему покоя нет:
То Ростов защиты просит,
То из Киева послы.
Но земля уже не носит,
И доспехи тяжелы.
Не поставить в стремя ногу,
Не взобраться на коня.
Богатырь с молитвой к Богу:
«Отпустил бы ты меня
За моря, за океаны,
За дремучие леса,
За широкие поляны –
В голубые небеса.
По стране твоей далекой
Извелась душа тоской».
И, застыв горой высокой,
Богатырь обрёл покой.

* * *

Говорят, что сила божья
С той поры ушла в гранит.
Добрый камень у подножья
Тайну бережно хранит.
Много молодцев вспотело,
Сдвинуть камушек горя.
Но осилить это дело
Не нашлось богатыря.

¹ Басурманин – иноверец, иноземец, захватчик.

² Батыр – богатырь, силач, храбрец у древних тюрков, монголов.

Кто к нему не подступался
И пупка не надрывал –
Никому он не поддался –
Век без малого стоял.

* * *

Русь тогда, меняя Бога,
Новых радостей ждала,
И к святой горе дорога
Тёмным лесом заросла.
Истуканы, обереги
Крест с распятым потеснил,
Но пожары и набег
Новый Бог не отменил.
Вера толком не окрепла,
За бедою шла беда,
И бывало, что из пепла
Вновь вставали города.
Уводили басурманы
Русских девушек в полон,
А князя в чужие станы
Отправлялись на поклон.

* * *

Только в Киеве богатом
У днепровских берегов
Чистым серебром и златом
Откупались от врагов.
Век покоя Русь не знала,
Но совсем не поддалась:
За морями воевала,
В споре с ханами¹ сошлась.
С давних пор ей досаждали
Кочевые племена –
И поля вокруг страдали,
И дружины, и казна.

* * *

А с проклятием чародея
На Руси другое зло:
Огнедышащего Змея
Тёмной силой занесло.
У чудовища три пасти,
Три огромных головы.
Хуже не было напасти,
По свидетельству молвы.
По болотам леший² бродит,

¹ Хан – государь у древних восточных народов.

² Леший – дух, страшноватое на вид существо – хозяин леса в славянской мифологии.

Лес русалками¹ кишит –
Сильных чарами изводит,
Слабых шорохом страшит.
А у города Ростова
Кто-то встретился с Ягой²,
Говорит: «Жива-здорова,
Только трудности с ногой,
Да укачивает в ступе,
И кружится голова,
И от старости в тулупе
Прохудились рукава».
Сам я врать-то не умею,
Но в народе был слушок,
Что везла она Кощею³
Тяжелёхонький мешок.
В том мешке спала девица –
Белолица и стройна.
А кощеева темница
Без того полным-полна.
Любит разные забавы
Полувывсохший скелет.
Нет на лютого управы
И на Змея силы нет.
Не одну унес девицу
Он за синие моря.
Постоять за Русь-землицу
Встали два богатыря.

* * *

Первым вызвался Алеша,
Сын ростовского попа.
Для него любая ноша
Легче мелкого клопа.
Ни один лихой боярин
Перед ним не устоит.
Под мечом его тугарин⁴
Потерял копьё и щит.
С детства он к тугому луку
Приучаем был отцом
И, любя развеять скуку,
Слыл весёлым молодцом.
На уме мечту лелея
В жёны высватать княжну,

¹ Русалка – персонаж славянской мифологии в образе девушки с рыбьим хвостом вместо ног, обитающей в водоёмах.

² Баба-Яга – уродливая старушка, владеющая волшебными предметами и наделённая магической силой.

³ Кощей бессмертный – злой чародей, смерть которого спрятана в нескольких вложенных друг в друга волшебных животных и предметов.

⁴ Тугарин – злой иноземный богатырь – противник русских богатырей.

Одолеть поклялся Змея
И собрался на войну.
Снарядил седлом высоким
Богатырского коня.
Сам – под поясом широким
Сыромятного ремня.
Слева меч висит булатный,
За плечами лук тугой...
И хотел бы на попятный,
Да уж в стремя стал ногой.

* * *

В теремке девица плачет,
Тужит ночи у огня.
Богатырь по лесу скачет,
Медным стременем звеня.
Лес всё гуще да темнее,
И тропинки не видать.
Где тут думать о злодее –
Самому б не пострадать.
Добрый конь стреляет ухом,
Может, чуёт где беду?
Витязь слез, собрался с духом,
Конь пошёл на поводу.
Ночь брели как будто спьяну,
Продираясь напролом.
Утром вышли на поляну.
На поляне – дом не дом –
Кособокая избушка
Без окошек, без крыльца.
У двери сидит старушка,
Неприметная с лица.
В доме: кот, сова, два гуся...
Богатырь хитрить не стал,
Говорит: «Скажи, бабуся,
Змей давно ли пролетал?
Мне б найти к нему дорожку,
Заблудились мы слегка,
Да поесть какую крошку,
И воды б по два глотка».

* * *

Бабка фыркнула сначала,
Встав, туда-сюда прошлась,
Для порядка поворчала,
Но в конце концов сдалась:
«За добро ко мне, убогой,
Помогу тебе, милоч.
Вы не той пошли дорогой.
Ты возьми себе клубок.
Он тебя на день десятый
Приведёт к большой горе.

Там и Змей, мой враг заклятый,
Прячет головы в норе.
Но едва ли ты сумеешь
Чудо-юдо одолеть,
А случится – одолеешь –
Самому не уцелеть.
Как не станет силы биться –
Пустишь в небо голубка –
Друг на выручку примчится,
Взмылив конские бока.
Но и вместе против Змея
Вам едва ли устоять –
Три головки у злодея,
Знать, троим и воевать».

* * *

Не послушался Алёшка,
Хоть и не был дураком.
Замелькала путь-дорожка
Вслед за бабкиным клубком.
На десятый день похода
Подошли они к горе:
Чёрный дым валит из входа,
Змей шевелится в норе,
Черепя вокруг да кости,
Конь на месте не стоит.
«Хороши на завтрак гости, –
Чудо-юдо говорит.
– Сорок дней не ел мясного,
Даже брюхо подвело.
И ежа бы съел живого,
Если б так не повезло».

* * *

«Помолчал бы, жив покуда, –
Богатырь ему в ответ,
– У тебя, у чуда-юда,
И зубов-то толком нет.
Будто крот, забился в нору.
Выходи на честный бой!»
Затрясло большую гору,
Из норы раздался вой.
Вылез аспид¹ трёхголовый –
За спиною два крыла.
Богатырь – за лук дубовый,
Только стрелочка мала –
Не достать ей сердце Змея –
Застревает в чешуе.
Защищаясь от злодея,
Вспомнил витязь о копье:

¹ Аспид – огромный крылатый змей, способный извергать огонь.

Разогнав коня, наскочит,
Целя в голову врага,
Да ноздрю едва щекочет.
Не врала, видать, Яга.
И копьём не дотянуться,
И стрелою не достать.
Не на жизнь, а насмерть бьются.
Начал Змей одолевать.
Не поднимется – устала
Богатырская рука.
Он, как бабка наказала,
Кинул в небо голубка.
Голубок стрелой пустился
За подмогой в Киев-град,
А Попович всё рубился,
Но и сам уже не рад –
Не побить ему злодея,
Не потешиться с княжной.
И зачем пошёл на Змея,
На проклятого войной?

* * *

В Киев-городе княгиня
Принимала голубка.
Славный молодец Добрыня
Взмылил конские бока.
Прямоезжую дорогу
Одолеl в четыре дня
И примчался на подмогу,
Не загнав едва коня.
О его победах слава
На Руси давно гремит.
Налетел, ударил справа,
Под огонь подставил щит.
Оттеснил к пещере Змея,
Тут Алёша подскочил –
Навалился на злодея,
От земли набравшись сил.
То мечом удар наносит,
То копьём с размаху бьёт.
Но пощады враг не просит,
Тоже спуску не даёт.

* * *

Десять дней земля горела
Под ногами у коней.
Сталь булатная звенела,
И не видно – кто сильнее.
И друзья устали биться,
И у Змея мощь сдала.
Порешили сговориться –
Не чинить друг другу зла:

Змей на время крылья сложит,
Обещал – на целый год,
И его не потревожит
Ни дружина, ни народ.
Порешив, погоревали,
Что напрасно подрались.
Отдохнув, коней седлали,
Попрощавшись, разошлись.

* * *

Возле города Ростова
Возвратившихся с войны
Попадья – жена попова
Приглашала на блины.
Чарку с квасом подносила
В полтора больших ведра,
Чтобы мать-земля носила
И сегодня, как вчера.
Гости чарку поднимали,
Угощались всем подряд
Да коней опять седлали,
Отправляясь в Киев-град –
Рассказать о договоре,
Заключённом на войне.
Хоть князя и жили в ссоре,
Всяк мечтал о тишине.
Князь ростовский, расставаясь,
Дочь Алёше обещал,
А к Добрыне обращаясь,
На помолвку приглашал.

* * *

С тем они и ускакали,
Поднимая пыль столбом.
Вскоре башни замелькали
В чистом небе голубом.
За высокою стеною,
Меж садами терема,
Мост высокий над водою,
У ворот народу тьма.
Добрых молодцев встречали,
Провожали ко дворцу.
Князь, забыв свои печали,
Дал обоим по кольцу.
Подносил хмельные чарки
Под зернистую икру
Да раздаривал подарки.
Был и я на том пиру.
Но ничем не отличился,
В этот раз не повезло –
Пиво пил, да не напился.
Мимо рта, видать, текло.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Марк АНТОНОВ

Бесполезные

«Вы, верно, не задумывались над тем, что каждый из нас в большей или меньшей степени может быть Творцом? Ведь принимая те или иные решения на работе; просыпаясь не в восемь, а в шесть утра и успевая на два дела больше, даруя кому-то с виду пустяковый совет, говоря единое слово, вы способны перевернуть жизнь другого, а того глядишь, и всего племени людского.

Одно слово. Как велико его значение, смысл, семантическая нить, вдетая в каждый слог, каждый звук, произносимый нашим речевым аппаратом, выдуманный из ничего. Внезапно возникший в голове образ, идея, мысль, породившая всего одно слово. И так всегда. Эти невероятные связи, бушующие в чертогах разума, эти звенящие мелодии, напевы, зависящие и от настроения, и от глубоких познаний в разных областях, и от собеседника, даже если это всего лишь вы.

Вы. Если в вас есть сочетание вышеперечисленного, то определенно ваше внутреннее «я» является лучшим собеседником на различного рода темы. Другой вопрос, а нужны ли вам эти разговоры с самим собой? Сейчас в этом «обществе дурного тона» никому нет дела до вас. Вот есть ты или нет, не важно. Если несешь какую-то пользу, работая на заводе – видимо, ты будешь бесполезен. Если вдруг повезло, и ты стал известен, если ты идол, и с твоим фото засыпают в обнимку фанатки, да, ты переходишь в другую группу, видимых, но бесполезно-полезных...

Как много в этом сложном слове ужасно-страшного. Во втором случае, когда ты идол, и ты живешь сейчас, ты, скорее всего, полезен только сегодня. Но стоит тебе уйти, исчезнешь, на смену придут другие, еще лучше, еще более бесполезно-полезные звезды, загоревшиеся, чтобы погаснуть. Но в чем разница между первыми и вторыми? Между бесполезными просто и бесполезно-полезными?

Каламбур моих мыслей, не более...»

По тротуару вдоль бревенчатого трактира шагал старик. Его живые резкие движения никак не были характерны для преклонного возраста. Казалось, это не восьмидесятилетний дед отстукивал деревянной тросточкой плохо уложенный камень, а сгорбившийся юноша, надевший костюм дряхлого пенсионера.

А одет он был и правда весьма странно. Поверх черной водолазки был накинут клетчатый пиджак, а на нем потертая временем кожаная куртка. На голове джентльменская шляпа с двумя рваными дырами на затылке, лицо покрывала трехдневная щетина и целые ряды морщин, эдакие борозды времени, изрубившие лицо старца.

Но главным достоинством лица, пожалуй, самой яркой и такой же нехарактерной особенностью, как и телодвижения, были глаза. Чистые, ярко-голубые, пронзительные и от чего-то беспокойные, глядящие то далеко вдаль, ловя силуэты дальних построек, то совсем близко, упираясь в

проходящих мимо фантомов. На ногах дед носил такие же потертые, как и все его остальное одеяние, кеды и широченные брюки на старинном, настоящем кожаном ремне.

Никто не знал, где он живет, кто его друзья и вообще есть ли они у такого. Люди сторонились его, считали отбросом, мусором, который никак не сойдет на тот свет. А вслед этим мыслям сам старик считал так же. За почти век жизни он повидал много больше того, что не снилось и не думалось молодому поколению. Вот даже эта простреленная шляпа. Бандитская пуля девяностых просвистела прямо по затылку, оставив глубокий шрам на память. Водолазка, подаренная другом за день до его смерти в горячей точке. Кеды, что старик хотел подарить внуку, но тот улетел на другой край света вместе со своим отцом, забывшим, что где-то здесь, в сибирской глуши, еще теплится сердце старого батки.

Еще ходят ноги, и гнется спина, взрастившая сына...

Но дед не винил его. Возможно, это было целью старшего поколения – выкормить новое, чтобы то не видело ужасов войны и беспредела, жило в достатке, купалось в роскоши и не думало ни о чем. А что до него, кто знает, все под Богом, может, за такое и даст еще годика два жизни. А может, и заберет за какой-нибудь грешок молодости.

Куда шел он сам, и правда было тайной даже для него. Еще утром, часов так в пять, он загорелся желанием сходить в трактир, найти случайного хмельного собеседника, самому, чего греха таить, пригубить кружку-другую. Благо на это пенсии ветерана труда хватало. А там глядишь как пойдет. Может, вернется назад домой, может, случится неладное, и не станет старика Тараса.

Вот уже десять лет как привык он жить от случая к случаю. Потратив лучшие годы на поиск смысла жизни, буквально кипя животворящей энергией, молодой Тарас работал на благо родины, чтил традиции и переваривал умные книги. Ведя такой двойной образ жизни, он пытался перехитрить систему тогдашнего строя и найти лазейку в лучший мир, желая путешествовать, открывать новые земли, открывать самого себя. Но не все так безоблачно...

В один прекрасный зимний вечер нагрянули на квартиру передовика труда комиссары и без суда и следствия отправили валить лес. А ведь всего-то одно предложение, произнесенное вслух за неделю до этого на заводе – и все, нет человека. Нет ни здоровья, ни семьи, ни жизни. Лишь вехи на деревьях, кровавые мозоли и воспаление легких. Но дух сибирский вынес и это. Даже через десять лет мечта не угасла совсем, остался лучик надежды, но и тот был добит.

Случай этот оставил глубокий отпечаток на жизни старика. Вернувшись домой спустя годы, Тарас не принес того счастья, которое грело его все холодные ночи в землянке. Жена не то что обрадовалась, прямо с порога прокляла поседевшего, сгорбившегося мужика. Гневные речи остановило маленькое чудо, выбежавшее навстречу Тарасу:

– Мам, это он?

– Он самый! Ты посмотри, посмотри на него! За десять все пятьдесят дал! Черт ты окаянный! Тьфу! Говорила тебе, что до добра не доведет, что тогда умоляла тебя на коленях бросить мысли эти твои, что... Эх, черт тебя задери!

В тот же самый момент красный угол комнаты, где хранился ларь с ценными вещами и книгами Тараса, потемнел. Словно кто морок напустил. Уставшему Тарасу это показалось за галлюцинацию, ноги стало

подкашивать. Опершись на бревенчатую стену, мужик сполз на пол, схватившись рукой за щеку.

– Что? Плохо? Небось заразу какую притащил!? Павлик, беги сюда!

– Мам, не пойду, – уперся мальчик. – Там что-то есть?

– Да где? Где, черти вас затаскай!?

Сперва лицо Тараса схватил ужас, а затем и лик жены застыл в ужасной гримасе. На миг мужу показалось, что за ее спиной кто-то стоит, сверкнули кошачьи глазки, прошел неприятный смешок, и жена пала замертво.

Не стало той единой кровинушки, ради которой была эта самая мечта о лучшей жизни. Не стало великого желания вырваться за пределы страны и найти свое истинное место. Лишь ребенок восьми лет, который тебя и знать толком не знает, только по фронтовой фотокарточке. И что ты? Кто ты? Куда ты? А нет тебя, есть огромный механизм реальности, только что перемоловший тебе последние кости, накрепко зажевавший своими зубьями на самое дно.

Остается жить. И уже не для себя или мечты. Для того, кого ты породил. А со временем приходит идея воплощения мечты в нем. Своем продолжении. Года идут, и ты настолько сильно привязываешься, что начинаешь противоречить самому себе и в итоге уже не хочешь отпускать вновь загоревшуюся мечту. А она с первым же удобным рейсом снова уносится от тебя.

И нет. Все. Ты один.

В трактире с утра было на удивлениелюдно. Подходящий собеседник нашелся сразу. Звали его Максим Максимыч. Тоже дед, такой же брошенный и не нужный, разве что моложе на десяток лет.

«И вот она, родственная душа. Хмель взял свое. Помутилось в глазах, язык стал мягче, живее, можно было и душу открывать. Вот он, еще один бесполезный человек. Видимый. Но на самом деле сейчас он весьма кстати мне. Эх, так и выходит, что все видимые бесполезные люди на самом деле не такие уж и бесполезные. Напротив, даже очень, просто нужен тот самый верный собеседник, например я, и обстановка – трактир, и ситуация жизненная. Все. В одночасье два бесполезных человека стали вполне себе полезными.

Он долго рассказывал о том, как когда-то тоже трудился на заводе, правда в другом городе, о том, как его занесло сюда, как пытался найти место, да так и остался не у дел. Я же поведал свою историю, на которой уже и язык смозолил, да только вот каждый раз легче становилось. Высказываясь, я снимал с себя кандалы, снова ощущал себя полезным, хотя бы для запойного бродяги, и неважно, кто он, откуда, хмель все заберет. И человека, и память, и сам факт разговора. Важен момент, важно то чувство, с которым ты провел время.

Но в этот раз я не испытал этого. Ничего из того, что было раньше. И то ли от напитка кисло-горького, то ли слушатель попался невнимательный. Мой личный, строенный годами механизм подвел!

– И вот ты понимаешь, сволочи они! Все они... да и ты со своим механизмом... Бесполезные!? Да кто ты... судья в оборванках! Вот ты кто!

В груди зажегся огонь. Сначала меня это даже ободрило, но потом все тело затрясло, в голове возникла внезапная вспышка гнева. Тело перестало слушаться меня и ни с того ни с сего правая рука, крепко державшая стакан, ударила собеседника по голове. За миг до этого в глазах совсем помутнело, быть может, моей руке токаря не понравилась язвительная фразочка мужика или бес попутал, но одного удара хватило, чтобы тот

пал и уже больше не поднялся. Еще с полминуты глядя на содеянное, я пытался осознать, что натворил, и наконец понял.

Убийца!

Убийца! Загремело в голове. Хмель вылетел через уши, прочистив их так, словно полжизни я ходил с ватой. Народ зашумел, сперва все приняли произошедшее за мелкую стычку, но потом в полумраке один из рядом стоящих заметил блеск некой жидкости, но должной реакции не произвел, вообще никакой. Молодежь, да и взрослые как-то странно восприняли произошедшее. Будто так и надо было, будто бы так и было запланировано. Знали заранее, были готовы... В ум лезло всякое, а тем временем двое крепких мужчин подошли к лежащему, проверили карманы, вытащили старый кошель, взяли за ноги и руки старика и понесли куда-то вперед ногами. Позади раздался еле слышный голос: «Беги, иначе те двое и тебя вынесут».

Уже выходя из трактира, я призадумался о том, чьи были эти слова. Быть может, плод моего воображения? Ведь позади была глухая стена трактира».

Трактир был давно позади. Нервничавший дед Тарас присматривался. Силуэты, проплывавшие мимо, казались мыльными, из глаз то и дело текли слезы. Сам дед чертыхался через каждый шаг, и дело не только в совершенном убийстве, а в голосе.

«Чего, старый дурак, совсем из ума выжил? Какие голоса? Век не слыхивал, и сейчас показалось! Это состояние аффекта! Черт меня побрал потащиться в этот трактир! Душу, видите ли, излить захотелось! Ну как, Тарас Иванович, излил? А это ведь все проделки черта! Нашел-таки время! В церковь не сходил... Веру променял на стакан!»

Дойдя до перекрестка, старик странным образом замер. Костыль оставался в нескольких сантиметрах от земли, глаза с особым вниманием вытаращились вперед, рот был немного приоткрыт, и вообще вся стойка выражала невероятное удивление, как если бы земля перед ним разверзлась, и из нее вылетел сам Люцифер.

«Так вот значит как... Хох, ха-ха-ха, пришла-таки. Ну что ж, видимо, так надо! Принимай своего, дорогая».

Старик продолжал видеть на перекрестке что-то, что виделось только ему одному. Истеричный смех сменился глухим молчанием. Горел красный, пешеходы ждали своей очереди, но он, словно идя на зов Сирены, пошагал напрямик в центр, к объекту своего внимания, но не дойдя до середины, бросил костыль и рукой схватился за грудь. Последнее, что он видел, это осеннее небо в белых тучах и двух черных птиц, летящих куда-то далеко-далеко, прочь от города и земли. Тело же мгновенно окаменело с протянутой куда-то вперед рукой.

Еще долго машины объезжали «умершую статую», пока кто-то из прохожих не вызвал скорую. Видимо, не перевелись еще полезные «видимые» люди для таких же полезных.

Катя РУБАН

И чем тебе сейчас не Рождество

И чем тебе сейчас не Рождество:
Вишневый снег, сменяясь тополиным,
Когданибудь закончится,
Но не сегодня.
Приветливо распахнутая дверь
Тревогу отделяет от улыбки.
Секунда – и меняется в лице
невротик.
В парадной, отряхнувшись от дождя,
От пыли отдышавшись, тень входила
в прозрачный куб и справа от тебя
ложились
и слушала, как сумрак наплывал,
А сон шептал, склонившись над подушкой,
Что каждый, каждый зиму пережил
отдельно.
Что если я погибший голиаф?
И камни подобравшие давиды,
Убив однажды, сотню раз убьют
во имя
бессмысленности фресок на стенах,
Бездумного кромсания молитвы.
Не уходи, покуда мир и свет
бытуют,
Покуда за изменчивым ночным
В хрустальной лодке следует дневное
светило, а в чулане есть зерно
для мыши.
Найдешь ли что то лучше темноты,
Что тень перерождает в человека,
И лучше зим, что мы переживем
обычно.

Цикл «Имена»

1. Яблоки

Зимой, Мари, какие яблоки?
Горчащий пластик, спелый воск.
Как не имелось жизни в яловых,
Так ниоткуда не взялось.
Хрустальной веткой пала молодость:
Ее разбили дикари.
Ты о любви со мной безмолвствуешь,
Так хоть о лжи поговори.

Чем пахнет дом: едой, пожарищем?
О ком колышется трава?
На фото я, скажи, жива еще?
Зачем я там еще жива?
Зачем мелькаю перебежками
В углах кирпичных? Место есть
Тому, кто дружит с Белоснежками,
Рожая гномов – в двадцать шесть
Уже седьмого. Время трудное,
И мы с тобой ему под стать
Друг друга кормим изумрудами:
Напустословим – и бежать.
Уже отчаявшись попробовать
Апорт, что хрусток и трескуч,
Я унимаю стынь утробную,
Я запираю дверь на ключ
И глажу тумбу прикроватную,
Приобретая жалкий вид.

Пылает яблоко закатное
И снег над городом горит.

*II. Inabbat**

Помню, как грела Луна Козерога,
В городе били в набат.
Город пылал, и ему стало смогом
Имя твое, Инаббат.
Как ни лечил я ожоги и боли –
Стало больней во сто крат.
Раны кровили, и было им солью
Имя твое, Инаббат.
Рогом бараньим, чужим в этих землях,
Свой украшаю халат.
Где оброню на беду свое семя,
Где обрету Инаббат?
В смуглой ли жирице, в посланнице норда?
Север кровав, я богат
Взглядом горячим, жестоким и гордым,
Взглядом твоим, Инаббат.
В лунной долине под цветом жасмина
Сны над просящим летят.
Здесь уловимо, едва уловимо
Имя твое, Инаббат.
Здесь ты плясала над лентой арыка,
Но уничтожен твой сад.
Только раскаты звериного рыка,
Только зола, Инаббат.
Где мой оазис, молочный ягненок?

Как мне вернуться назад?
Как принужденно выводит ребенок
Имя твое, Инаббат.
Как неестественен отблеск агата –
Черное небо былё.
Поздно вплетать в свою жизнь, Инаббат,
Имя твое.

* Inabbat (каз.) – 1. уважение, почтение;
2. совесть, честь, стыд.

III. Virginia

Прозрачный вечер тонет в серпантине,
Как тонут в первозданной пустоте
Глаза и лица. Выцветшая глина.
Ты упадешь на белую постель
И маленькой рукой, почти что детской,
Нащупаешь невидимую дверь –
Кусочек сна, полученный в наследство.
Все кончится, Вирджиния, поверь.
И то, что раньше было не по силам,
По силам не окажется вдвойне.
Куда ты шла, кого ты здесь любила,
Точнее, очаровывала...
Нет,
У господ не лопнут перепонки:
Качнутся мягко бусы облепих –
И ты родишь красивого ребенка,
Вирджиния, избаваясь от иных.
Молочный лоб и щеки в струйках крови
(подай нам, вечный, хлеба с молоком).
И нечисть запоеет у изголовья,
И ангел вострубит особняком.
Ребенок побежит по чистой луже,
Споткнется об искусственный цветок,
Окажется разбужен как задушен.

На смену небу грянет потолок,
И что бы с нами ни происходило –
Все кончится, Вирджиния. Взгляни:
На водах азоического Нила
Качаются покойники и сны.

Молчание

Всё глупости...

А.П. Чехов «Чайка»

Вот тебе, девочка, лавка земных чудес:
птичка свистулька, рожок, воробей ручной.
Лес не волшебный – вполне себе лес как лес.
Поговори со мной.
Что ты, болезная, хочешь: большой любви?
Пьер раздобреет, Болконский уйдет в запой.
Лучше присядь, на полу умопившись,
и поговори со мной.
Так не бывает. Наташа пойдет в декрет,
будет бороться со стрессом и сединой.
Что, сероглазая, сверлишь земную твердь?
Поговори со мной.
Так не бывает. Последний из могикан
будет растерзан, закопан, снесен волной.
Дурочка Кора, откладывай свой роман,
поговори со мной.
Твой героический эпос – собачья чушь.
Лунные камушки, глина, палящий зной –
Бог тебя создал, забыв про отменный вкус.
Поговори со мной.
Глупая девочка, радужный Индостан –
горка картона, трупобой и перебой.
Мантры – пустышки, а смерть не излечит ран.
Поговори со мной.
Канешь ли в Лету, падешь ли в священный Ганг –
кто тебя знает, чумная.
Укор немой
гаснет во взгляде. Волнуется океан.
Поговори со мной.

Спи, непутевая. Спи, и увидишь явь.
Серые бездны подернулись пеленой.
Утро – мудреней, а сказки врагу оставь
и засыпай со мной.
Самое время открыть о тебе Псалтирь,
Самое время молитве, пускай ночной.
Буду просить нам бессмертия.
Бог – как ты...
Он помолчит со мной.

Последнее цветение

Для моей дорогой Жети

Все мои собеседники вздрогнули, встали, вышли
Кто куда: из себя, пудрить носик, в окно и
в двери.
В сердце дома с неистовой силой скребутся мыши.
Будто он виноват, что хозяйка большая, а в сказки
верит.
В этом доме уже не жалеют друг друга двое,
преломившие хлеб и поклявшиеся в любви
прилюдно.
Все имеет финальную точку. Вот этот столик,
подожди, потеряет резную ножку, уронит блюдо;
Не мигая, светильник себя самолично вздернет
На дешевом шнуре.
Агарбатти зажжем, перещёлкнем
тумблер.
Нам то надо – ладонь на щеке и немного вздора:
«Дорогой человек, за сегодня никто не
умер».
Но наброском Дали из под ног утекает почва,
И молочная мгла заменяет любому паркет и
кафель.
Изучить бы псалмы, разбирая нездешний почерк,
Чтоб на финише смочь изуверу пропеть
акафист.

Навещаая меня, посмотри, как цветёт Атакама
Вопреки суховеям, диагнозам вопреки,
неправдам.
...В эпицентрах зрачков угасает однажды пламя
недобитых иллюзий.
Сквозь нас прорастают цветы
и травы.

Ruta siberica

Холодно холодно снегу в сухой траве
В зевах бессмертника стынувшие вопросы
ты отложи до весны и ступай ко мне
не по росе
Опирайся на слух и посох
Взгляд по пути не бросай ни на эту тьму
что позади
ни на ту что пребудет дальше
Дом на дороге – обманка
мертвец глядит
в пропасть окна

проходящего манит пальцем
Чьи имена ты в карманах перебирал
Есть ли мое среди этих безбожно белых
что не дают ни мерцания ни тепла
Шел пилигрим и дорога его не грела
Шел да и вышел
и срок твой давно истек
Алые буквы просыпались из кармана
Серые лютые были
расцвел цветок
в снежной пустыне у снежного океана
Холодно холодно снегу лететь в траву
боязно выстелить лоно земного тела
Ruta siberica вспыхнула на ветру
путь осветила тебе
и дотла сгорела

Сад

Я хочу
чтобы окна моего дома
выходили в сад
с голландскими розами и синим дельфиниумом
чтобы тропинка в саду не вела ни вперед ни назад
и трепетная смоковница не называла меня по имени
чтобы мои дерзкие дети сачками ловили фей
мазали веки волшебной мазью из четырехлистного клевера
чтобы цветы и деревья любили моих детей
чтобы меня любили цветы и деревья
Поцелуй с богом всегда обжигает рот
выедают внутренности в обмен на страшные откровения
Вот мой сад
вот барвинок в саду растёт
вот моя дочь одна оставляет для феи варенье
Это чёрная меланхолия это ложь
Мне ничего ничего ничего ничего не надо
Мой маленький лев на руинах сада
куда ты теперь идёшь

Людмила БАКЛАНОВА

ЧТО БЫТЬ ДОЛЖНО, ТО СБУДЕТСЯ ВСЕГДА, или СТУПЕНИ РОСТА

*«Познай себя, твердит нам древний мир,
и не тревожь других, пока ты сам себе не ясен».*

Противоположности светло

Голубоглазый кучерявый Витька, прозванный в школе дылдой, готовился к ЕГЭ с соседом Дамиром, черноволосым кареглазым крепышом. Они нервно переворачивали страницы учебников и, как всегда, ссорились по пустякам.

– И чего мы с тобой все время ругаемся, но дружим?! – удивлялся Дамир.

– Потому что противоположности сводит. Когда люди во всем друг с другом соглашаются, неинтересно! Мне так интуиция подсказывает, – потянулся за столом Виктор.

– Наоборот, если твои взгляды разделяют, радость увеличивается, а ты все воспринимаешь в штыки. Тебе меняться надо – это точно!

– Тогда может и не дружим мы вовсе, а соседствуем, территория заставляет друг к другу бегать: дома-то наши рядом, через забор!

– Ах, вот как – территория! – вскипел Дамирю. – Так выкатишься ты скоро из этой территории! Если, конечно, уезжать не передумал.

– Да ладно, вырвалось, – виновато просипел Виктор.

– Я обиды не держу, на обиженных воду возят. Давай дальше учить, а дома ты сам эту свою интуицию осваивай, – примирительно отозвался Дамир.

Часы просто летели, и скоро слышался голос мамы Виктора:

– Ужинать! И Дамира зови, я его любимые шанежки приготовила.

Виктор, хмуря брови, перепрыгнул через невысокий забор и с силой ударил камушек, попавшийся ему под ноги. Огляделся: «Весна такая красивая, одуванчики желтыми шапками дорогу устилают, все такое родное. А что меня ждет в Тюмени?».

Дамир из окна смотрел вслед другу, почесывая кулаком нос:

– Сейчас приду, тетя Лиза! Без меня не начинайте! – прокричал он дрогнувшим голосом.

А через месяц, сидя в стогу сена, они оба смотрели на звездное небо.

– Я остаюсь, – твердо решил Дамир.

– А я уеду. Хочу себя узнать и любимое дело найти. Может, смысл всей жизни – в профессии, – Виктор глубоко вздохнул.

– А помнишь, к нам в село цыгане забрели, и старая бабка сказала, что тебе возле телят жить да радоваться, а мне машину водить. Я трактористом буду. Зачем судьбу зря испытывать, чему быть, того не миновать.

– Вспомнил день вчерашний! Мы сами делаем свою судьбу, я в эту ерунду не верю. Теперь точно уеду, ей назло! Хотя специальность еще и не выбрал, но животноводом не буду точно. Ошибочка вышла. И ты учти, что машины разные бывают, некоторые из них самолетами называются.

Непредвиденное обстоятельство, или Знакомство с иностранцем

Прибыв на тюменский автовокзал, Виктор встретился с риелтором, с которым договаривался о съемной квартире. Однако возникли непредвиденные обстоятельства: цены на жилье подскочили, и без подселенца теперь не обойтись. Им оказался коренастый парень в казахской тюбетейке, только что прибывший из Павлодара.

– Поживите месяц вдвоем, а там видно будет, – успокаивал его агент по недвижимости. – Да вы поладите! Батый приехал поступать в университет, педагогом стать хочет, потом в Казахстане детей русскому языку учить будет.

Виктор нехотя пожал протянутую ему руку. Ситуация эта явно была ему не по душе, и скрыть недовольство он не сумел. Сдал вещи в камеру хранения, сказал, что приедет на квартиру позже, пока город посмотрит. Часа через два позвонил:

– Назови наш адрес, я приеду, – не то спросил, не то поставил в известность Виктор, а Батый охотно ответил:

– Мы на 25-м автобусе церковь в куполах проезжали, перед окном ее сейчас вижу, – и назвал улицу, номер дома и квартиры.

«Церквушку он видит, – бурчал Виктор, – мусульманин...».

Ужинали вместе, Батый оказался разговорчивым и открытым парнем.

– Я на тебя не обижаюсь, мне отец не разрешал, – признался он за столом, – надо уметь прощать.

– А у меня друг Дамир тоже обид не держит.

– Так этому же ваше христианство учит. В Библии написано: подставь щеку левую, если ударили по правой. В прощении огромная тайна заключена и сила.

Батый, раскрывая контейнеры с салатами, продолжал:

– Смотри, мама в дорогу и бешбармак дала, пробуй. Я еще купил «Доширак», лапша тоже.

Виктор, чувствуя, что проголодался, от угощений не отказался.

– Спасибо, не ожидал... – признался он и подумал, что не зря деловые переговоры сопровождаются застольем: к миролюбию располагают.

Однако от провокационного вопроса все же не удержался:

– А ты чего в Россию приехал, у вас институтов что ли нет?

– У меня своя история. Мой прадед в Сибири погиб, еще в годы репрессий, я решил, что должен пожить на этой земле.

– А потом свалить? Пожить, отомстить за деда, да? Хорошо, что сразу признался.

– Правду говорят, что русский непредсказуемым бывает. Мне что ж теперь всех русских ненавидеть? Это была история другой страны, других правителей. Ты разве немцев ненавидишь, раз они войну 75 лет назад развязали? Ненависть – это яд, Коран этому не учит.

Батый встал и, чуть помедлив, скрылся в комнате. Виктор всклокочил густые кудри: «Что-то я действительно все в штыки принимаю. Вот себя и узнаю... Человек ко мне с добром, а я – с кулаком. И какое мне дело до его прадеда, еще из-за него ругаться будем».

Но мириться не пошел. Спать лег на кухне, и ночью услышал, как скрипнула дверь...

– Бешбармака много съел, воды хочу, – сказал Батый, невозмутимый и спокойный.

Виктор поежился: «Кашу-то заварил я, мне ее и расхлебывать».

– У нас три поколения в России учились, традиция, я решил ее не прерывать. Традицию нарушишь, счастья не встретишь, так у нас говорят, – пояснил утром Батый.

– Ты еще скажи: благословения родителей надо просить!

– А как без этого?! Только благословение христиане получают в церкви от батюшек, у нас по-другому, но послушаться отца или матери нельзя, дороги легкой не будет. Тебя, видать, уму-разуму учить надо. Лучше давай завтракать да рассказывать, куда учиться пойдешь. Короче, поедим и по коням! – Батый взмахнул рукой, словно саблей.

Парни расхохотались.

Виктор сморщил курносый нос: «И чего, собственно, я на него взъелся? Ну приехал, значит доверяет нам, россиянам, и мне в том числе. Значит образование наше ценит. Тюменская область с Казахстаном вон какую границу имеет – ее не изменить. И на целине мой дядя лет тридцать отработал. Но «по коням» – это же так по-русски! Только лошадей в Казахстане больше нашего будет. Еще странно, мы рассмеялись и будто ближе стали друг другу. И смеется Батый смешно, со щелчками глаз. И зла не держит».

Батый будто мысли его прочитал:

– Знаешь, меня поразил рассказ вашего Юрия Никулина. Он служил в разведке, и однажды их отряд напал на немцев. От испуга кто-то неожиданно пукнул, да так громко, что и наши, и немцы расхохотались и стрелять друг в друга уже не смогли. Такая вот сила смеха, она сближает даже врагов.

Удачный выбор, или Шестое чувство

День выдался солнечным, Виктор приехал в колледж транспорта: «Здесь место в самый раз для Дамира, он в технике разбирается, у него руки золотые». Походил, посмотрел вокруг.

– Тут не музей, глазеть нечего. Или документы заполняйте, или выходите на улицу, – громко сказала дама в холле.

«Да я хочу на интуицию выйти, – подумал он, – пусть шестое чувство подскажет, здесь мое место или нет. А интуиция молчит. Нет, не подойдет мне это...»

Пошел к рынку, надо же что-то самому теперь на обед приготовить. Вдруг услышал плач, девушка с длинной русой косой уговаривала таджика разгрузить товар, а тот отказывался: «Спешу я, родная, правда не могу, ты своего Армена попроси».

Виктор взглянул на нее и застыл от волнения. Пересохшими губами предложил свою помощь. Она улыбнулась: «Если можешь выручить, то выручай».

«Хорошее это слово «выручай», в нем точно секрет заложен, оно авторитет человека повышает. Ну кто ж на «выручай» не отзовется», – мелькнуло в сознании. – Но почему сказал «родная»? Так по-доброму это произнес... И с ними мы тоже жили когда-то в одном государстве. Мой отец под Ташкентом служил...»

Виктор взвалил на плечи ящик с мандаринами, потом другой, третий. Когда кузов машины опустел, за спиной услышал растерянный девичий шепот:

– Ты меня очень выручил. Завтра приходи, Армен с тобой рассчитается.

Виктор слышал только звук ее голоса. «Не за прилавком такой стоять, а демографические задачи решать!» – «Ну и помоги в этом», – пробубнил «второй» голос, внутренний. – «Когда спрашиваю его о чем-то путном, так молчит, а тут слова не давал, но он проснулся! Помочь бы я в этом был бы рад, да рожей, наверно, не вышел».

– Я завтра зайду! – подтвердил Виктор, даже имени девушки не спросив. Она ловко сложила в пакет фрукты, он не сопротивлялся, вроде бы и заработал.

Вечером выложил на стол эти южные сладости и пожарил картошку с домашним салом. Батый фруктам обрадовался, но к жаркому не притронулся. Виктор заметил:

– Я твой бешбармак между прочим ел!

– Не обижайся, но вы ведь русские всеядные: вам хороши и пицца, и каши, драники и плов. Я вот сегодня даже суши пробовал. Мне отец сказал, могу себя чем-нибудь порадовать, чтобы начало новой жизни было удачным. Документы в универ подал, на филологический. Трудно будет, по казахам скучаю, а справиться надо. Ты вот из России когда-нибудь уезжал?

– Я из своего села никуда не выезжал, но у нас татары и русские живут как семья. Про мусульман кое-что знаю, друг у меня Дамир – татарин, но он неверующий. Мечеть в селе есть, но мы туда не заходили. А о России и других странах как-то вообще не думал...

– Плохо, что не думал. Русских миллионы, они историю не берегут, а казахов мало, с нами родители о стране и вере разговаривают с детства. Ты колыбельные мамы помнишь?

– Ау-ау, баю-бай.

– Это без слов, а я помню слова, и когда мне трудно, я ее голос слышу и слова той песни, тогда мне легче становится. Если захочешь, поедem ко мне в гости. У нас тоже простора много, а населения, как и в Сибири, мало. Я в окно автобуса смотрел, когда в Тюмень ехал, знаешь, наши степи похожи!

– Ты наши степи к своим не примеряй! – (опять лезу в бутылку!). – Ты ж меня совсем не знаешь, а в гости зовешь.

– Так мы бешбармак вместе ели... чай пили... – растерялся Батый.

– Восток – дело тонкое – это точно. Ну и что, что пили, ели?!

– А это многое значит. Тебе еще многому учиться надо.

– А тебе нет?

– Этому – нет.

– И чего ты ко мне прицепился?

– Это я прицепился?! Я тебя в гости звал, а ты ничего не понял! Ты не умеешь с человеком жить! И понимать ты тоже не умеешь! – Батый ушел, тихо прикрыв за собой дверь. Бережно расстелил маленький коврик и стал молиться: Виктор слышал имя Аллаха, к которому он взывал.

«Это я не умею видеть, слышать, жить с человеком?! Умник нашелся! – едва сдерживал возмущение Виктор. – Да у нас в России капитализм был, а они племенами кочевали! Только чего я злюсь? Потому что опять обидел. Потому что Батый прав, но я не пойму в чем! Не догоняю я казаха! Послал же его на мою голову Господь! Стоп: послал, точно послал, только зачем? Чтобы я рядом с ним себя лучше узнал! Себя, оказывается, только рядом с другим человеком и узнаешь. Но я же именно этого и хотел, когда в Тюмень собирался. Мои желания, кажется, исполняются...»

Молитву Батыя Виктор прерывать не стал, решил поехать в 14-е училище.

На Широтной образовалась пробка, Виктор уныло поглядывал в окно и вдруг обратил внимание на стройку, дух захватило: несколько кранов плавно, как в танце, перегружали бетонные плиты с одного места на другое. Витька завороченно наблюдал за их работой: человек может бесконечно смотреть на воду, огонь и на то, как работают другие. Красиво.

Количество кранов – не сосчитать, что-то щелкнуло внутри. Он приложил руки к пылающим щекам – горели! А мать, провожая, сказала: если выберешь специальность и почувствуешь радость, значит, ты правильное принял решение. Витька был неслыханно рад!

Через два часа он подал документы в Тюменский техникум строительной индустрии и городского хозяйства.

Батый был за него рад и говорить о размолвке не стал, Витька по его сверкающим узким глазам понял, что он понят и прощен. Купил пива, как учил отец Батыя, чтобы себя порадовать хорошим началом, да еще и рыбки вяленой, ямальской – ряпушкой называется.

– Мне пиво не предлагать! – сразу предупредил Батый. – Русские уговаривать умеют: за папу, за маму, за родной Казахстан! Нет. Я казах верующий.

Одному Виктору пить пиво не хотелось, отварил пельменей:

– Батый, я купил из телятины, будешь? Смотри, как приготовил со сметаной, а хочешь – с уксусом!

Батый широко улыбнулся: вкусно пахнет. А Витька в подробностях рассказал, как внезапно подал документы именно на строителя.

– Вдруг не бывает, значит, давно хотел, но не знал, – уточнил Батый.

– Слушай, ты меня достал своей философией, как это хотел, но не знал! Так не бывает!

– Многое бывает из того, что мы ясно не осознаем. Ведь есть жизнь видимая и не видимая глазу, но видимая сердцу.

– Так, дитя Востока, давай лучше про футбол. Казахи в футбол играют?

– Мы нарты любим, хочешь научу?

– А я тебя – в кости! Идет?!

– Только в карты не будем!

– Не стану искушать... да я и сам не умею.

Разные мы, но...

Ночью Виктор плохо спал и еле дождался утра, чтобы снова увидеть ту самую девушку с русой косой. Но за прилавком павильона стояла женщина в возрасте и про нее ничего не знала. Домой вернулся грустный, но вдруг почувствовал, как зачесалась правая рука, и он крикнул с порога радостное «Ура!»

– Ты почему «ура» кричишь, а не «вау»? – спросил Батый, просовывая голову в дверной проем. – Я думал, все уже по-американски радуются, весь мир теперь живет, американцам подражая.

– Не приставай. У нас в селе «ура» кричат.

– Ну слава Аллаху. Мне тоже «ура» больше нравится: мой дед под «ура» выживал.

Виктор стал объяснить причину своей необычной радости:

– Я давно заметил, если ладонь чешется, значит, все будет в порядке. Это для меня предупреждение: найду я эту девушку.

– Лучше я об этом Аллаху помолюсь. Шансы наши с тобой равны. А ты руки вымыть с мылом попробуй. Тоже помогает.

Виктор не обратил внимания на шутку и, разглядывая покрасневшую ладонь, твердил, что ему надо какую-то магическую школу в Тюмени найти.

– Как ты не понимаешь, никаким тренингам ясновидение не поддается. Это дар, он есть или его нет. Зачем тебе это? – удивлялся Батый.

– Научусь предвидеть последствия событий.

– Так последствия от твоих изначальных поступков зависят! Есть же пословица: что посеешь, то и пожнешь. Думай лучше, как в поступках не ошибаться. И живи веселее, ты все время тоскливый ходишь, злой, нельзя так. Русских ведь среди прочего веселое настроение отличает.

Виктор удивленно приподнял брови: неужели?

– Вы же так интересно пляшете с притопами, будто дурачься. Поете, правда, народные песни тоскливо, а живете-то с душой нараспашку. Ты видел когда-нибудь в кино такого веселого казаха или вьетнамца? Ну наверное, французы или итальянцы еще могут веселиться, но все равно у них это по-другому проявляется, – Батый будто задумался об этом, но ничего больше не добавил.

Тему сменил зазвонивший у него в кармане сотовый телефон, и теперь Виктор пришел ему на помощь, блеснув знаниями оргтехники.

– Он пишет по-английски! – возмущался Батый.

– Переведи на русский. Ладно, голова садовая, дай я сам наберу, а ты диктуй... только по-казахски не разберусь!

– А что значит «голова садовая»?

– Это не переводится, просто понимать надо. Ты тоже учись...

– Это из Библии, я вспомнил!

– Ты читал Библию?!

– А почему нет? Это книга книг, как учебник истории...

– Умник!.. Может, ты и Коран наизусть знаешь?

– Наизусть весь невозможно, но там мудрости не меньше. Например, Коран воевать не призывает, как считают некоторые, Коран категорически запрещает убивать безвинных людей. Истинный мусульманин в первую очередь должен заботиться о своих братьях по вере, раздавая им милостыню и оказывая всяческую помощь, а на втором месте стоят соседи и только на третьем – родственники.

На праздники, а главные из них ты, наверное, знаешь – Курбан-байрам и Рамадан – ислам учит приглашать именно тех, кого я назвал. О какой войне с соседями может быть речь?! И пищу мы едим только дозволенную шариатом, но ведь и православные по средам и пятницам должны поститься. Понимаешь, когда человек образован и знает свою религию, он зла не причинит.

– Ну ты даешь! – удивился Виктор. – А я заметил, что в Тюмени православную церковь строят мусульмане-таджики. Это как понимать?

– Так и понимать – Бог един, идеи общие, разница в обрядах. И не испортият таджики ваш храм, молитесь Христу, как он вас учил... и верьте Христу, как мы Аллаху. У кого есть вера, у того есть совесть и любовь.

Виктор отложил сотовый телефон Батыя: «Я в проводах разбираюсь, а он – в морали. Не зря, видимо, мы встретились. Но изучать человека гораздо труднее, чем технику – она предсказуема».

Ступени роста

В воскресенье Виктор предложил Батью поехать с ним в родное село, но тот уже договорился о встрече с казахами из диаспоры. Поездку решили отложить на неделю.

Дамир другу был неслыханно рад, они долго тормозили друг друга за плечи, пока Ханифа, мама Дамира, не предложила им пройтись по селу. Они шли по центральной улице, широко размахивая руками, и говорили без умолку. Директор одной из сельских фирм, заметив парней, подошел к ним для неожиданного разговора. Сначала рассказал, что строительство коровника начинается, а невдалеке планируют возводить коттеджный поселок, специалисты ой как нужны, и Виктор пригодится. Но заметив его негативную реакцию, перешел на другую тему.

– В книжке одной прочитал, что каждый возраст свои задачи ставит, и если не решил одну, верхний этаж не дается. Например, к 7 годам надо уметь отличать главное от второстепенного. К 10 – точно знать, чем отличаются мальчики от девочек, к 14 – уметь отвечать за принятые тобой решения, а к 18 надо точно знать, в какой профессии ты можешь состояться, то есть свои способности определить. Или подскажет кто, – он хитровато подмигнул Дамиру. – В 21 год надо составить план своей жизни: когда женишься, сколько детей будет, какое социальное положение займешь, где жить будешь. Такие вот ориентиры должны уже быть. Надо определить такую цель, которую бы тебе очень захотелось реализовать. А если ты так и не понял, где главное, а где второстепенное, мечты никакой не имеешь, плана не выработал, то проживешь жизнь бесцельную. Будни, конечно, свои коррективы внесут, но маяка-то нет. Учиться быть взрослым очень сложно, но в 18 лет оставаться ребенком тоже не к лицу.

– А разве без цели счастливым быть нельзя? Я, например, просто хочу здоровья и счастья. Мне и синица в руке хороша, а не журавль в небе, – возразил Виктор.

– Тогда учись никому не завидовать да чужие деньги не считай. А быть здоровым – это хорошо, и счастья я тебе, как и Дамиру, от души желаю. Бывайте, ребята. Что-то я с вами разговорился, – директор кивнул головой и слегка поклонился.

«Что за дурацкая привычка, – чуть не передразнил его Виктор, но сдержался. – И это все он для меня говорил... может потому, что Дамир, как по этому перспективному плану, все уже для себя решил, а я еще не сумел?»

Друг подтолкнул его в бок:

– Не расстраивайся, это он нас обоих уму-разуму учил. Недавно я сам себя спросил, а почему у меня всегда есть время на телик, комп или мяч погонять, с кем-то попусту поболтать, а вот на размышления времени я никогда не выделял. Мы ведь даже мечтать толком-то не умеем, и в школе нас этому не учили... А я трактор ни на какие иномарки и самолеты не променяю, и не потому, что я на таких машинах сроду не ездил, не летал, тут что-то другое, сам еще толком не понял.

– А что такое мечта?

– Наверное, это мысленное представление своего будущего. Про Ассоль помнишь? Дед ей мечту придумал, она в нее поверила. И сбылось.

Виктор сразу про «свою» девушку Дамиру все и выложил:

– Так где мне ее искать? Советуй!

– Подойти к Армену и спроси, где она. Как бывший хозяин он должен знать ее адрес и телефон. Только горячку не пори, ты там что-то про интуицию рассказывал, так учись слушать себя.

Виктор вспомнил давно услышанную фразу: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе учитель. Точно!».

Не было бы счастья, да несчастье помогло

Дома Виктор застал Батыя за странным занятием: он как-то слишком придирчиво пересматривал свою одежду. Встреча с казаками была назначена на два часа дня.

– Хорошо выглядеть надо, чтобы одеждой показать уважение. А у меня что? Рубашка одна с десятого класса и джинсы. Смотри, что я купил, – Батый показал новенький костюм и галстук. – Знаешь, когда без своего народа живешь, он таким хорошим кажется. Я тебе еще не сказал, у меня в Казахстане много критики было, и то мне не так, и это не так, а в России, мол, лучше. По пословице, хорошо там, где нас нет. Отец и говорит: поезжай, многое если не поймешь, так почувствуешь. Прав был. В магазине айран увидел, не поверишь, чуть не заплакал.

– Я об этом еще не думал, но обязательно подумаю, – обещал Виктор, занятый своими мыслями. – А ты в парикмахерскую зайди, прическу сделай, – подшутил Виктор, – лаком там, укладкой.

– Ты что! Позор для мужчины, – возмутился Батый.

– А я сегодня подстригусь.

– Иди, только девчонкой не становись!

Когда же Виктор вышел из салона, на другой стороне улицы заметил ту самую «свою» девушку. Успел только крикнуть: «Подожди!» и побежал через дорогу, но не заметив выехавшую из-за поворота легковушку, угодил прямо под колеса. Из машины выскочил мужчина, поднял его и отвез в травмпункт, где врач внимательно осмотрел ушибы и вынес вердикт: отделался легким испугом, не в рубашке ли родился? Но строго спросил:

– В полицию заявлять будешь?

– Нет, это я виноват, машину совсем не заметил.

– Разбирайтесь сами, – махнул рукой врач. – Но сегодня постельный режим, – и, обращаясь к мужчине, добавил: – Проследите.

– Спасибо тебе, брат. Меня Арменом зовут, – представился мужчина. – За племянницей ехал, ее увидел, а тебя не заметил.

– Да чего там, – Виктор готов был расплакаться, то ли от слова «брат», то ли от того, что увидел Её, и попросил:

– Вы меня домой отвезите, я с другом живу, он мне поможет. («Вот и Батый другом назвал, что-то я размягчаюсь, а может, взрослею?»). – Я в деревне вырос, правил дорожных не знаю... – будто оправдывался он перед Арменом.

– Без этих правил тебе, брат, ничто другое может и вовсе не понадобится.

Армен позвонил и пригласил племянницу помочь ему для хороших ребят приготовить на ужин армянский плов. Через несколько минут на пороге стояла Алена, та самая Она.

Батый, которому Виктор рассказал о своем приключении, протянул ему в пиалах чай с молоком и черный чай с сахаром и лимоном – на выбор:

– С каждым неосмотрительным человеком такое произойти может, ты будь всегда внимателен, это называется жить здесь и сейчас.

«Здесь и сейчас» Армен с Аленой обсуждали, что нужно купить на рынке к столу, Батый рассказывал о тюменских казахах, а Виктор ощущал полное блаженство, называемое счастьем.

Вечером Армен, аккуратно расставляя тарелки, объяснял ребятам особенности армянской кухни, говорил и о геноциде своего народа, и о том, что Россия всегда слабым помогала. Вспомнил Ермака, Кучума и даже татаро-монгольское иго. Время пролетело быстро.

– Мне нравится польская пословица: не раздирай раны, если хочешь, чтобы они засохли, – подытожил Армен политический монолог: разговор на историческую тему был окончен. – Хочешь мира и дружбы – ищи то, что сближает, а не разъединяет.

Виктор взглянул на Батыя и даже заморгал ресницами, прогоняя непрошенные слезы. А Батый свое смущение скрыл в улыбке. Они опять поняли друг друга без слов.

Этот немой диалог Армен заметил, но отозвался не сразу.

– Как жить в мире с одним-единственным человеком? Трудный вопрос. Но если захочешь и сможешь меняться, то все сложится.

Есть несколько ступеней роста, они не в сантиметрах измеряются. Первое, чему учат нас в детстве – это эмоциональности. Каждый должен иметь развитый эмоциональный мир, тогда жизнь будет ярче, насыщеннее. Когда же научился сопереживать, контролировать свое настроение, тогда тебя учат грамоте и другим наукам, то есть идет ментальное развитие, умственное.

В школе мы еще обязательно должны научиться сотрудничеству, работе в команде, если не научимся выходить из конфликтов, прощать, помогать другим, если не выработаем чувства ответственности за поручение, тогда придется трудно. Все равно жизнь заставит выбирать между компромиссом и бескомпромиссностью. Непростая это наука, постигаешь ее целую жизнь. Главное, чтобы ты замечал, где промахнулся, а где был прав, как надо было поступить в том или ином случае. Размышлять надо учиться всегда. Это начало начал.

Мужское застолье подходило к концу. Как только за Арменом захлопнулась дверь, Виктор заснул, а Батый долго не отходил от него, заботливо поправляя спадающее одеяло.

– С тобой можно и в разведку! – сказал Виктор. – Спасибо, не стоило так беспокоиться.

– Есть закон степи: человека в беде не оставлять.

– Это закон тайги!

– Значит, общий человеческий закон. Ты-то как себя чувствуешь?

– Голова чуть кружится, наверное, переел, – улыбнулся Виктор.

«По-моему, мне везет на хороших людей, – подумал он. – И почему бы правда в новом поселке не построить собственный дом? Место хорошее. Алене понравится».

Елена ГРИДИНА

Поэтесса

Екатерине Пионт

Читала женщина стихи,
как будто бы молилась,
Каррару права из трухи
иль раздавая милость.

Тончайший хрупкий силуэт
и чувственные пальцы.
И роком – звание «поэт»
и помыслы-страдальцы.

Был голос тих, но речь лилась,
всех смолкнуть заставляя,
Взор – фейерверковую власть –
из глубины являя.

С ума сводящая душа
лишила всех покоя,
Метнув клинок от палаша
вопросом: что я, кто я?

Какие терпкие слова!
и дно двойное в речи.
Как безупречны голова
и женственные плечи.

В ней нахожу черты родства,
хоть внешне не похожа,
Ведь тонкокожая листва
на сердце, не рогожа.

Вокруг невыласканных губ
курил дымок желаний,
В них фимиам для тех, кто груб,
и зыбкость ожиданий.

Есть схожесть с матерью моей
изысканностью линий
И утончённостью манер,
лишь взгляд не карий – синий.

10.2018

История возникновения

Мои – пятьдесят, а его – сорок восемь...
В глазах моих – зимы, в душе его – осень.
Девичья беспечность, его безупречность,
Судеб непредвиденность, путников встречность,

Многострадальность моя, неприютность,
Опыт его, и как следствие – мудрость,
Встреч мимолётность, сближенья полётность.
Камни, песок или пыль – наша плотность?

Миговость, бренность, надежд обречённость,
Снов эфемерность и нитей непрочность,
Дней скоротечность, разлук бесконечность.
Наша любовь, облачённая в вечность.

2019

Тихая старость

«Я жива ещё, я живая,
Не дождётесь!» – кричу в пустоту.
Я стою, как бетонная свая –
В тундре вбита по грудь в мерзлоту.

В леднике моё тело хранится,
Лишь макушка глядит в небеса.
Что в головушке этой творится –
Невозможно облечь в словеса.

На исходе все силы земные,
В снах хожу по нездешним местам,

За чертой, по краям, где родные,
Гостевать я повадилась Там.

Ну а здесь за кого зацепиться?
Как напалмом всё выжгло вокруг! –
Интернетно-безликие лица,
Закричись – не откликнется друг.

Ни родных, ни друзей не осталось,
Только дряхлость да ржавость седин.
Будь же проклята, тихая старость,
Когда ты умираешь один!

2020

Тихий ангел

Как пуховая перина, снега белые лежат
Тыщи вёрст окрест жилища, не задерживая взгляд.
Мегаполис, иль деревня, или город небольшой –
Так безлюдно, нету связи ни с одной живой душой!

Бьётся венка пульсом слабым в теле старом и больном,
Этот тихий sos не слышен в Центроспасе ни в одном.
Растворяются надежды в одиночестве годов,
И бредёт душа по снегу, словно ангел, без следов...

2020

Невесна 2020

Как же здорово мы жили,
Нас проблемы не душили,
Пусть дожди нещадно лили
Нам на голову!

И хоть денег не хватало,
На боках висело сало,
Серебра-то было мало,
Нам бы золота!

Мы друг друга изводили,
Проклинали, подводили,

Жрали, спали, много пили.
В глотку – олова!

Что же вспомним на досуге,
Что в сухом остатке, други?
Лошадиные подпруги –
Нас бы волоком!

Жаль, прозрение не жахнет,
Невесна в зачатке чахнет,
И черёмуха не пахнет,
И по ком же колокол?..

2020

Лунные причуды

Смотрит небо ночное луной одноглазо,
Оно чёрное, словно не мылось ни разу.
В небе звёзды – осколки разбитого страза.
Звездопады случаются, словно от сглаза.

Выбирает поэт подходящую фразу,
Вдохновение ночью приходит не сразу,
Гениальность ночная подобна экстазу
Под воздействием роз, что поставлены в вазу.

Эта ночь, эти звёзды, и розы, и фразы...
Лик луны переменчив, как лунные фазы:
То таращит свой глаз, шлёт поэтам указы,
В полнолуние колдует, чинит всем проказы,

То прищурится, щёлку оставив от глаза,
То в затмении лунном вдруг спрячется сразу.
И живёт независимо, не по приказу,
А причуды волшебные – как по заказу.

2020

Не про сны

Три часа ночи, светло на дворе.
Окна все спят в молчаливой истоме.
Солнце в июне стоит на горе,
Чтобы зимой оказаться на склоне.

Медленно тянется тёплая ночь,
Вяло жуётся повторная жвачка*.
Дабы прогнать чёрных демонов прочь,
Сны полоскать нанимается прачка.

Сны, как пророки, диктуют судьбу,
Явь по утрам её в жизнь претворяет.
Всё прожитое сегодня в гробу...
Или у прошлого память плохая?

Как из-под диска полночной звезды
Взгляд телескопа из Млечности дальней
Высмотреть смог, где есть я и где ты
В жизни моей под шифровкой вуальной?

Реже мне снишься теперь по ночам,
Наши мгновенья уносятся стаей.
Дней недожитых остаток отдам
В фонд одиночества вбитую сваей.

06.2020

Марина КЛИМОВИЧ

Рисовать ее

*Первый раз за это время я поддалась правде
и поверила в это сумасшествие.
И я перестала наконец тебя ждать.
Ты не вернёшься.*

Хватит писем и телефонных звонков с её поиском, она умерла пять лет назад. Хватит всех этих фотоальбомов, снов и нечаянных воспоминаний. Хватит её одежды в старом шкафу и тысячи книг её любимых романов. Хватит мешков для розжига с её sudoku и аккуратным почерком. Хватит её обуви на балконе. Хватит во снах притворяться, будто она жива, где я в быстром темпе рассказываю ей, что успела познать, и таскаю по разным интересным местам, стараясь успеть, с пониманием, что больше не увижу.

Хватит родственников, обвиняющих меня в привязанности к ней. Хватит всех знакомых, которые любят поругать маму, когда она разрешает мне побыть с ней на кладбище наедине. Хватит рисовать её. Хватит её старых фартуков в деревне. Хватит выбрасывать сделанные ею компоты. Хватит печь блины, будто они сделаны её руками. Хватит посвящать прочтение стихов вслух ей. Хватит заставлять меня забыть её любовь ко мне. Хватит портить здоровье деду, настроение под день рождения дяди, когда он проводит его на кладбище, хватит звать маму с собой во снах. Хватит самой вспоминать, как она обещала быть со мной на момент исполнения двадцати лет.

*Хватит.
Она умерла пять лет назад.*

Когда я смотрю архивные плёнки, вижу, как бабушка читает, вспоминая интонацию и мимику. Но когда я вглядываюсь в её лицо, понимаю, что её будто бы никогда и не было в моей жизни. Мне страшно, что останется в моём сердце через 10 лет.

И да, до этого момента я была уверена, что когда-нибудь она распахнет мою дверь и как ни в чём не бывало смешно улыбнется, скривив лицо.

Чёрный

Закурив, я бросила взгляд в окно. Ты ещё не бросил? Знаешь, я увидела метель, снег, промозглый город и наконец поняла, почему именно ты хотел всегда покинуть это место. Когда-то ко мне пришло осознание и прощение смерти бабушки, ей было тяжело примириться с физической болью. Ощувив что-то подобное в области живота, я почувствовала малую часть её состояния и тогда отпустила.

Тебя больше нет в этом городе. Ты уехал, не оповестив меня, да наверно и не нужно было. Я не искала встречи с тобой после последнего поцелуя. Не выглядывала в прохожих, не ждала писем и телефонных звонков. Честно признаться, испытывая к тебе сильные чувства, волнение за тебя

и твою жизнь, совершенное небезразличие, я довольно-таки легко отпустила и совсем не тревожилась и не переживала. В один момент всё о тебе ушло из меня, и я даже испытывала моменты отворачивания к твоей персоне, однако внутри у меня болела душа за тебя и твою потерянную позицию в этом мире.

Я случайно узнала, что ты уехал из нашего города. Я залилась не понятными мне до сих пор слезами и пребывала в странном состоянии. Я априори знала тогда и знаю сейчас, что будь ты где-то рядом, мы все равно бы не встретились, но одна мысль, что тебя больше нет в этом городе, завела меня в тупик. Как? Ты все-таки уехал? Уже? Одиночество наполняло меня. Всё это мне не объяснить словами здесь и даже самой себе.

Только теперь я поняла. Ты хотел смотаться из этого города не из-за возможного перспективного будущего. Ты хотел быть подальше от дикого холода, от атмосферы и воспоминаний, оставшихся здесь. Бесконечная льдина вокруг и в нас. Каким бы ты ни был нежным, с горящими глазами, доброй душой и тёплыми руками, зима убивала тебя, сжирала изнутри, перекрывала воздух. Точно так же как меня она убивает с каждым днём.

Тебя пошатнула жизнь, кольнула в сердце и сводила с ума. Хотелось вдохнуть глубже, быть свободнее. Я научилась с этим жить, мириться с моей долей и любить мою судьбу, как ношу, скорее всего, поэтому я и выживаю. Терплю. Борюсь. Играю свою роль.

Что до тебя, знаешь, почему нам было слишком хорошо друг с другом? Мы оба были обожженные, с пепелищем внутри, холодные, скользкие, не подпускающие к себе надолго людей. Мы убивали это друг в друге, минус на минус, друг мой. Каждый день, расходясь, мы помещались с тобой обратно в наши оболочки, в наш мир, где всё съедено, разбросано, голяк. А при встречах мы забывали об этом, заполняя нутро друг другом.

Но что бы мы ни делали и о чем бы ни говорили, мы не доверяли друг другу, было страшно, мы бросались фразами, играя друг с другом и... взрыв. Я, пожалуй, и сама бы не протянула дольше. Очень уж тяжело, ты должен понять, быть там, с тем, когда постоянно болит внутри, а сердце спит по прошлой любви. Мы любили с тобой людей-призраков, людей, ушедших из наших жизней, мы страдали по ним, и оба знали, каково это – оставлять близкого. Поэтому не приближались и не задавали лишних вопросов.

А вот теперь я чувствую себя одиноко. Впервые. Тебя больше нет в этом городе. Я ждала. Где-то очень глубоко внутри. Я надеялась, что ты вернёшься. Даже зная, что мне это больше не нужно. Ты даже не написал, что ты уехал строить свою судьбу, что тебя больше нет в этом городе. А я осталась здесь и до сих пор жду весточки.

Но нужно идти. И радоваться. И смеяться. И хандрить. И осознавать, понимать, что это не мой путь. Что я люблю это: когда не мое, когда трудно, я люблю эту мою шваль. Мою жизнь такую, какая она есть.

Со всеми ее невыносимыми «за» и «против», со всеми счастливыми моментами, с квартирой с призраками, со всеми ошибками и грехами, которые приходилось совершать.

Без шанса на искупление, этому и рада.

Но по утрам... Открывая глаза, мне все кажется, что я не в своей жизни, что то, что я выбрала, не по моим возможностям путь. Я могу быть сильной сколько угодно, но из-за этого часто происходят землетрясения. И, боже мой, как легко сдаться в такие мгновения! Сжимаю кулаки. Не тянусь к ружью. Сжимаю скулы. Не тянусь к веревке. Сжимаю. Сжимаю

все на своем пути. Рушу и возвожу мосты. А всего-то хочется быть просто понятой.

И знаешь, дружище, я тут поняла одним вечером, что все, все, что я имею и за что в кровь борюсь, – вряд ли мой путь.

О честности с самим собой

Кого ты видишь в зеркале по утрам? С какой частью себя ты разговариваешь в душе перед сном? Кто остаётся с тобой наедине вечером на балконе?

Я часто думаю о том, почему сезонно расхожусь по швам, отчего это зависит и что я сделала не так в своей жизни, за последние пять лет, что мороз порою сводит меня с ума. Ответов куча, из них невозможно составить лонглайн, значит, до сути, как ни пыталась, я не смогла добраться. Была необходимость решать здесь и сейчас: что именно повернуть в другое русло, чтобы не кончить тем, что я из себя представляю на данном этапе моей жизни. Желание копнуть глубже было всегда, бессонные ночи за самоанализом и ныряние на дно своей души. Но все равно выходило слишком много тезисов.

Пожалуй, честность с самим собой начинается с выражения своих чувств, истинных, не надуманных, то, что есть в реальности, в моем мире, а не в представлениях о нем. Я всегда стремилась открываться, так было легче. И «так было легче» – так себе подоплека. Упрекала: надо было подождать, не палить, не рубить. Счастливее не стала ни от того, ни от другого, зато свободнее от рамок. Удавалось порхать. На доли секунд, зато ощущение полёта наполняло жизнь смыслом.

Это никогда не было выходом, но было моим правилом игры. Я честно соблюдала законы. И никогда не спрашивала себя: «Могу ли я быть счастливее, чем сейчас?» Могла и могу, если перестану наступать себе на пятки, трезво оценивать шансы, даже если безрассудство берет верх и кажется: «Мы ещё повоюем, черт возьми!» Повуюем-повуюем, Марина, черт возьми, но если ты можешь сразу понять, что этим погубишь и оголишь раны, на которых будут лежать кучи соли, ты должна остановить это. Прекратить, что не делаю и на что нужно решиться.

Есть безрассудства, которые могут вылиться в хорошее начало чего-то большего, а есть те, которые заперты на множество дверей, и ты с ними связан через щелочки, глазки. Представь, какая лунка остаётся после десятков таких... Правда ли оно? Или ты хочешь думать, что правда. Реальность и представление о реальности, да. На этом этапе мне не хватает честности с самой собой, чтобы искренне выразить нутро, понять, что мною движет и принять правду. На этом заканчивается моя честность. Но все не так просто, как кажется: не нравится по-другому, не интересно, не зажигает.

Так кого я вижу в зеркале по утрам? С какой частью себя я разговариваю в душе перед сном? Кто остаётся со мной наедине вечером на балконе?

«У каждого из нас есть секрет, тщательно запертый на все замки в самом тёмном углу на чердаке души. Я открою вам свой».

Ярослав МАЛЬЦЕВ

Ночная фиалка

Буду звать тебя водяной,
Среди маков живущей русалкой.
Называть тебя феей ночной,
Сахарно-белой фиалкой.

И зефиром несясь по волнам
Этих женских волнующих линий...
Нет, не верю словам и губам!
Верю двум озерцам темно-синим!

* * *

Людей всегда много. Людей всегда мало.
Того, кто нам нужен, всегда с нами нет.
И Бог в своем замке вздыхает устало:
Как всем вопиющим дать нужный ответ?

И мчатся ввысь мольбы. И мчатся ввысь вои.
И редко друг к другу стремятся они.
И Бог в своем замке, нахмутивши брови,
Решает загадки и рвет лепестки.

* * *

Постучалась в дверь и вошла,
Не спросив разрешенья.
Только вдруг угасла свеча
В темноте настроенья.

И пронзила стрелой ледяной
Боль печали.

Протянула руку: «Пойдем,
Покажу тебе дали»...

И идти не хочу – даю
Свою руку пришедшей.
Чье-то тело осталось в углу
Между прошлым и вечным.

* * *

Он ушел в состоянии пьяном –
В хлам, в хлам, в хлам.
Был сокрыт темнотой и туманом
Храм, храм, храм.

И в душе его смутно плескались
Грязь, тьма, чернь.
И креста на нем не осталось:
Свет мертв – тень.

И дорога его пустынна:
Сушь, зной, край...
Не склонить головы повинной:
Ад есть. Рай?

* * *

В этом мире все зыбко, зыбко...	И пусть шквалы вздымают пучины!
Все текуче и ненадежно...	Пусть валькирий полёт так дружен...
Я хочу поставить в граните	Я даю тебе руку мужчины!
Своих чувств бастион! Возможно?	Может быть, я есть тот, кто нужен?

Фея

На фоне неба, устремившись ввысь,
Стоит закрытый замок Белой Феи.
И тенью мрачною донжон его навис
Над вековой дубовою аллеей.

И солнца луч не выглянет в просвет
Меж облаков, нависших шапкой ваты.
И кажется, что радости здесь нет:
Тут только боль, страдание, утраты...

Через дубы ведет одна тропа
Под стены мрачные из серого гранита.
Сюда не ступит рыцаря стопа –
Его не ждут: все скрыто и забыто.

Но сквозь дубы, сквозь толщу древних стен
Вдруг прозвучит свирелью серенада.
И вздрогнет хмурый, вечно серый день,
И вспыхнут искры в охладевшем взгляде.

И скажет ум: «Не отпирай засов!
Не соблазняйся, не впускай другого...».
Но сердце жаждет теплых нежных слов,
А тело просит милого, родного.

И вот он там: который день у стен
Надеется, что слово точит камень...
А Фея ждет каких-то перемен,
Боясь любить и сдерживая пламень.

* * *

Иногда бывает момент,	В тишине стоишь на краю.
Когда ты стоишь на краю.	Сколько было счастливых минут!
Горизонт из радужных лент	Тебя больше не ждут в раю –
Впереди играет зарю.	Рая нет, если люди врут.

Позади остается ночь.	Горизонт играет восход,
Звезды тают, тонет Луна.	Сочных красок полна трава.
Все, что было, несется прочь	Тебе надо шагнуть вперед,
Остается лишь тишина.	Пусть душа навсегда мертва...

* * *

А.М.

Ты уезжаешь так внезапно...
Мне места нет... – весь мир в огне...:
Везде мерещатся теракты
И катастрофы на шоссе.

Я вижу взорванный автобус...
И взрыв у летнего кафе...
Сошедший с рельсов скорый поезд...
И самолет в крутом пике.

Я вижу Всадника болезней,
Я вижу Голод, Хлад и Мор... –
Им на планете нашей тесно,
Они нависли над тобой.

Их кони бьют копытом рьяно.
Из ртов их жадная слюна...
Ах, почему ты уезжаешь?
И уезжаешь без меня?

Одинокий корабль

Одинокий корабль в волнах –	Одинокий корабль и шторм –
Ему быть одному.	Хлябь вверх и вниз.
Одинокий корабль впотьмах –	Одинокий корабль, вот гром
Тучи скрыли Луну.	Предвещает грозу.
Одинокий корабль плывет	Одинокий корабль. В волнах
Неизвестно зачем.	Ему плыть одному.
Не зовет и на борт не берет –	Птицы крик высоко в облаках –
Он один средь ночей.	Он уходит во тьму.

* * *

Ты говоришь мне о любви.
Глаза мерцают, как огни.
И руки слабые твои,
Дрожат колени.

Нас годы сильно разнесли:
Я стар, тебе еще цвести.
И худшие черты мои
Скрывают тени.

Не зная, лучше не люби,
Меня, негодного, прости,
Оставь, где был. Сама вдохни
Весну сирени.

* * *

Мои ладони хранят твоё тепло
И запах тела.
И на душе так ясно и светло,
И что за дело,
Что мы с тобой встречались только миг,
Летающий в вечность.
Был этот миг таинственно велик.
Был миг... и нежность.

* * *

«Любить, сохраняя разум?» –	Богиня смеялась звонко,
В лицо смеялась богиня,	Хитро потирая руки,
Богиня смеялась в экстазе,	Ушла веселой девчонкой
Сверкали глаза-алмазы.	По носу щелкнув легонько.
«Наивен ты, смертный, наивен.	Богиня исчезла с тайной,
Я твой забираю разум!	Сокрытой в ее подарке. –
Резвись на любовной ниве,	Любовь бывает печальной.
Безмозглый, зато счастливый», –	Безумие необычайно.

* * *

Не смотри так в озёрную глубь.
Ограничься поверхностным взглядом.
Там, в глубинах, спят монстры, там муть...
Там насквозь все пропитано ядом.

Лучше плыть по спокойной воде,
Там, где чайки играют, резвятся.
Где среда дружелюбна тебе,
И улыбки назад возвратятся.

Снаряжай свою лодку и в путь!
Пусть твой парус наполнится ветром.
И забудь про озерную муть:
Её тайны неведомы смертным.

* * *

Две свечи скрестились под иконой –
Две судьбы пересеклись в миру:
Ее пальцы дрогнули в ладони,
Слабовольно молвила: «Приду».

Спутались незримые прямые.
Кто же эту встречу написал?
Сердце не собой полно отныне...
О огонь свечей, не угасай!

ДЕСЯТАЯ МУЗА

ВЕЧНОСТЬ ВРЕМЕНИ СЧАСТЬЯ ЖИВОПИСЦА РАЙШЕВА

Эссе зрителя Омельчука

*Это не более, чем заметки зрителя, правда, активного
райшевского зрителя с 50-летним опытом и стажем.*

Для человека Время, категория Времени – скорее всего несчастье. Не счастье.

Ты родился: твоя жизнь по нарастающей, вся – впереди.

А как ведет себя время человеческой жизни? Оно сразу начинает убывать. Твоя жизнь – твое исчезающее время: капля по капле, секунда за секундой. Твоя жизнь – исчезновение времени. И исчезновение жизни. Счастье себя так не ведет. Время тебе сулит только полное исчезновение.

Это я к чему? Фиксирую в работах у мастера позднего Райшева: отсутствие. Отсутствие времени. Время отсутствует. А отсутствие времени – это состояние счастья. Я, зритель, стою у его работы – нет, я не потерялся во времени, не выпал из него. Его попросту нет, есть я и работа мастера. Это завораживающее событие и есть состояние счастья. Правда, счастье долгим не бывает. Всё-таки мы – дети времени.

И еще Райшеву требуется не только и не просто зритель. Но и слушатель. Из личного. Как-то давно, еще в старой остяковогульской мастерской Геннадия Степановича я испытал странное чувство. Тихо. Но – слышу звуки. Не звуки тишины. Определяюсь. Не галлюцинирую. Не – понедельник вчерашнего. Определяюсь. Что же звучит?

Звучат краски. Издают звуки. Птицы – краски. Деревья – краски. Хвойные и изредка лиственные. Озеро – краски. Очень похоже на шум тишины, но нет – это шум изображенного красками. Это не всегда. Но бывает: Райшев зазвучал. Может, картины переговариваются.

Но это – только Райшев. Исключительно. Недавно заходил в Русский музей. Прислушивался. Полотна молчат. Не слышен даже гул событий и сражений – brutальных – на батальных полотнах. Райшев для меня звучащий художник. Самый.

Не говорил бы о музыке живописи. Именно звучащей тишине. Тишине природы.

Уместно, наверное, говорить не о природе творчества, но – творчестве природы.

Для меня высший мастер – поэт, музыкант, живописец – не явление искусства и высочайшего профессионализма, но явление природы. Райшев – стихийное явление. Скорее всего, непонятное самому себе. Не всегда. Их, стихийных явлений, очень немного. Штучно. Меньше, чем классиков.

Когда автора-мастера знаешь лично и симпатично, его творчество воспринимаешь совершенно по-другому. Для меня даже самые горячие классики – холодны. Может, потому, что уже ушли. Произведения искусства. Райшев – весь, вместе со своим творчеством – творение природы. Живой природы. И сам живой. Живое творчество.

Мы знакомы давно. Я же сказал: у меня пятидесятилетний стаж смотрения-слушания его творчества.

А всё началось в Салехарде, в прошлом веке, в последней его четверти, полвека назад.

РЕКИ ДЕТСТВА ТЕКУТ К ИСТОКУ

Художника Геннадия Райшева пригласили в гости учащиеся местного салехардского культпросветучилища, я увязался за ним. Удивило, как Геннадий Степанович вел беседу с первокурсниками – ведь по первому своему диплому он педагог, преподаватель словесности. Но он не разжевывал букварных истин (азбучных для него, не для них), а разговаривал с будущими коллегами как со сложившимися мастерами. Странные на первый взгляд вещи толковал невысокий, с аккуратной тогда еще черной бородкой, весь очень какой-то опрятный человек.

– У каждого художника свое солнце, – Геннадий Степанович прикрепит к классной доске оттиск своей гравюры, в которой на первый взгляд было лишку зелени. – Мы выросли под зеленым солнцем Сибири. Только родившись, мы уже окунаемся в звонкий, солнечно-зеленый мир. Вспомните солнце, поднимающееся над тайгой, оно пробивается сквозь деревья, и весь мир соткан из солнечной зелени. Мы видим как бы зеленое излучение, ответный свет.

– Но разве зритель может понять зеленое солнце? – осторожно усомнилась юная слушательница.

– Я не хочу, чтобы меня понимали, – не запальчиво, а спокойно, так говорят о хорошо продуманных вещах, – ответил художник. – Я хочу, чтобы меня чувствовали.

На классной доске новый графический лист. На нем изображен человек, который едет по озеру в легкой лодочке-калданке. Но планы, масштабы, плоскости, перспектива – все смешано.

– Жизнь отрицает всяческую статику, она синонимична смерти. Объект художника – вечное обновление природы и человека. Ветер обтекает кусты, холмы и деревья. Мы не устаем наблюдать, как вода обтекает представленную руку или весло, мы не устаем глядеть на огонь, как не устаем дышать. Ветер, огонь, вода – такие же реальные предметы изображения, как гора, дерево, дом.

Но если мы остановим их, мы их умертвим. Лепечет осина, в листочках которой запутался ветер. Как изобразить все это, чтобы оно не умерло на белой простыне листа? Простая изобразительность предмета не передает сложного движения жизни. Музыка графики ловит ритм жизни, и на мои графические работы не нужно просто смотреть – этот ритм надо впустить в себя, слушать, и он потечет в тебе.

Не знаю, до конца ли поняли художника его молодые слушатели, но мне та встреча врезалась в память. Провинциальное северное училище, затрапезная классная комната, притихшие юноши и девушки, головы которых вряд ли заняты новыми концепциями изобразительного искусства, а он, явно демонстративно переоценивая их, не подлаживаясь под их возрастную непосвященность, изрекает то, что считает нужным. Как будто ему предоставили последнее слово, как будто это последний шанс.

Я помню свое смущение, наверное, потому, что сам-то частенько подлаживался под настроение аудитории, учитывал, принимал во внимание...

А это значит, что немного да лукавил перед святой чистотой жизни, хоть немного, да кривил душой. А серьезные вещи нужно говорить без предварительного просчета: поймут – не поймут. Есть голова, есть сердце – поймут...

Совершенно нечаянно получил от Райшева такой урок, о котором сам преподавший его до сих пор, боюсь, и не подозревает. После классной лекции я вернулся в тесный зальчик краеведческого музея, чтобы в одиночестве (в провинциальном Салехарде народ не рвался на эту выставку) побродить среди привезенных им гравюр. По выставленным работам несложно проследить путь его поисков, но если задаться целью уловить последовательную смену манер, вряд ли можно провести четкое разделение. Характерны два листа с одинаковым названием «Земля предков». Мы видим, как художник уходит, избавляется от детальной конкретности, от дробности – это путь обретения цельно воспринимаемого мира.

«Земля предков» – плывущая рыба или летящая птица? – древний образ суши среди воды. Земноморье. Водоземье.

В «Плаче гагар» Райшев, наверное, первым в эпоху сибирской нефтеосвоительной эйфории поднимается до трагических обобщений, этот лист 1969 года можно назвать «предчувствием Самотлора». Художник трагически откровенен в понимании образа грядущих последствий сибирской жизни для югорской тайги. Его смелость рождена большой любовью к родному краю.

Он в тот раз признался, что цель его художественных поисков – растущая душа. Я его как будто понял, все вроде ясно, благородная цель мастера – душа, душа не застоявшаяся, а растущая, стремящаяся к совершенству. Правда, привычно усомниться – посильная ли цель поставлена? Мне подумалось – непосильная.

Но вот уже не один год с той встречи минул, часто вспоминаю райшевскую растущую душу и все больше сомневаюсь: один ли смысл мы вкладываем в знакомые слова, правильно ли я его понял. Он и в своем искусстве, и в своих словах неоднозначен. Он бросает зерно... Чьи-то полотна, чьи-то графические листы – это созревающие плоды, осенний сбор урожая с творческих нив. Райшев же бросает зерно... Конечно, он знает, что должно прорасти из посеянного. Но это зерно ведь прорастает в другой душе, в душе зрителя. В моей душе оно прорастает так, в вашей – иначе... Легкая цель – быть правильно понятым. Он видит задачу в том, чтобы прорастала человеческая душа.

...Пространство мира открывалось будущему художнику с реки, с отцовской калданки, с каждым новым гребком весла. Родной Салым, весной разливающийся в море, блестящая вода бесконечна и выпукла, и в детский ум входит понимание, что с земного шара можно скатиться, как с горки.

Солнце желто только на восходе, оно поднимается и начинает зеленеть, оно растворяется в окружающей зелени, солнце растворяет эту зелень в сильном свете, яростным свечением наливается каждый травяной стебель, каждый древесный лист, изумрудно высвечивает ядовитая зелень болот, испарина над ними мерцает зыбкой янтарной драгоценностью. Они сталкиваются – стихии зелени, воды и солнца, и каждый новый шаг рождает вспышку лучезарности. Солнце взрывает в человеке спрессованную радость.

– Тот, кто рисует свинцовые воды, тяжелое небо, пасмурные берега, хмурые леса – Севера не видел, а если и видел, то не понял. Север светел, ярок, солнечен. Так понимаем его мы, внутренние северяне.

Цветная трель птицы, которую можно пересказать охрой и лазурью, ветер, набравшийся зелени, родина речных островов, солнцем оторванных от водной глади. Он никогда не писал стихов, он сразу начал рифмовать кистью...

Зеленое солнце взорвалось в нем, и родился художник.

Очень важно для зрителя, в какой день попадаешь к художнику в его мастерскую.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

1 января. Нерабочий день.

Для народа и человечества – Новый год. Для художника нерабочих дней не бывает. Творческий процесс – круглосуточное производство образов.

Может быть, само творчество – вид отдыха. Праздность. Праздный вид работы. Тогда во всеобщий праздник праздничное творчество особо уместно.

Геннадий Райшев, излишне не философствуя, первого января работает. Может быть, лишний раз подтверждая, что его творчество – праздник.

У него в Ханты-Мансийске в только что завершившемся году открылась новая мастерская. Да что там мастерская – настоящий храм Творчества. Пространство большое, но тесное. На четырех этажах – только малая толика того, что сотворил этот хрупкий мастер.

Да, он сам сложновато – невысок, худощав, щупловат – вписывается в эти мощные объемы. Мощь его проявляется в другом. Кто-то пишет летопись жизни, он – непосредственную живопись жизни. Монументальные незатейливые мгновения. Монументализм незатейливости.

Он понял главное: природа не знает размера. Может быть, самое мелкое – в ней самое крупное.

Он работоспособен, как муравей. И как муравей монументален.

Это очень важно, к кому в современники попадаешь. Я бы не против побывать в шкуре современника Микеланджело или Модильяни. Но я помню, как мне повезло.

– Я счастлив быть твоим современником, вечный Геннадий Степанович.

Спасибо, маэстро!

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Лола ЗВОНАРЁВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВСЕЛЕННАЯ ПАВЛА КРЕНЁВА

Окна его родного дома выходили на Белое море. Оно каждый день было разным, и смотреть на него мальчишке никогда не надоедало.

Пройдут годы, и он опишет морские виды и краски в первых своих рассказах. Тосковал и скучал в Ленинграде, в котором долго жил и работал, вновь и вновь возвращаясь душой и сердцем в места своего босоногого, хулиганского детства.

В его просторном деревянном доме ещё в начале прошлого века успел побывать Михаил Пришвин, а на морском берегу он не раз видел в задумчивости бродящего вдоль моря невысокого коренастого человека с пронизательным внимательным взглядом тёмных глаз – писателя Юрия Казакова, давшего примечательное название своей последней книге – «Поедьте в Лопшеньгу».

И не думал он тогда о том, что через десятилетия будет проводить литературные фестивали памяти Юрия Павловича Казакова, в котором почувствует родственную душу и подлинного литературного собрата. В них, кстати, примут участие главные редакторы большинства толстых литературных журналов патриотического направления.

Лопшеньга – название его родной деревни. Надо было покинуть её четырнадцатилетним, окончить в Ленинграде Суворовское военное училище, факультет журналистики Ленинградского университета, переехать в Москву, поработать в администрации Президента РФ, чтобы понять: Лопшеньга для него – самое главное место в мире.

И 16 из 18 книг писателя Павла Кренёва будут посвящены именно ей – этой удивительной поморской деревне на Летнем берегу Белого моря, где прошло его детство, где доводилось спать на деревянном полу в обнимку с любимым лохматым псом Мишкой, с ним же ночевать в лесу одиннадцатилетним пацанёнком, вздрагивая от каждого шороха в кустах. Такое испытание проходил каждый подросток в Лопшеньге, чтобы сверстники не считали его малышнёй, а держали за ровню, выросшую из коротких штанишек сопливой деревенской мелюзги.

«Мужской поступок» (рассказ о первой в жизни ночёвке в лесу), повесть «Добрые люди» (об отчаянной по безрассудности поездке деревенского мальчика, не знающего английского, в Ленинград – сдавать экзамены в Суворовское училище и неожиданно для всех – и для себя тоже – туда поступившего), «Матрос со «Стремительного» – о столь же отважном самовольном путешествии на военный корабль.

Спустя годы события деревенского детства укрупнились, обретали символическое и судьбоносное значение. Так прозаик Павел Кренёв стал зачинателем новой волны деревенской прозы в отечественной литературе.

Но деревенским прошлым с его незабываемой «поморской говорей» не ограничивается литературная вселенная писателя. Внук священника и сын фронтовика, профессиональный военный, он ощущал творческой потребностью и фамильным долгом необходимость написать и по-своему осмыслить великую войну, унёсшую миллионы жизней.

И появилась посвящённая погибшему на войне деду повесть «Огневой рубеж пулемётчика Батагова». Минувшая война проступила болью и памятью и в других военных новеллах, вышедших из-под пера писателя (он по-прежнему предпочитает писать ручкой) уже в XXI столетии.

Органичной составляющей его прозы стал православный взгляд на всё происходящее с героями. Соборность и пасхальность, о которых как о важнейшей составляющей православного менталитета и отечественной классики пишет профессор Иван Есаулов, для него не отвлечённые термины, а живая, естественная повседневность.

В прозе Павла Кренёва к праведной старушке ночью приходит Николай Угодник («Поздней осенью, на Казанскую»), а замерзающая на льдине шестнадцатилетняя школьница-комсомолка, вспоминая маму, начинает беседовать с неведомым и загадочным для неё доселе Богом (повесть «Беляк и Пятнышко»).

Это в литературе, а в реальности уже не писатель Павел Кренёв, а сотрудник высоких правительственных структур Павел Григорьевич Поздеев построил на свои средства в родной деревне храм во имя первоверховных святых Петра и Павла.

Наверное, только деревенский мальчик, для которого главным в отрочестве оставались охота и рыбалка, может так остро чувствовать скрытый от горожан мир животных и птиц: любовные радости романтической глухарки (новелла «Первый бал Пеструхи»), злключения гордого, памятливого волка (повесть «Белоушко»), бедовые выходы увлечённого добычей медведя (новелла «Беспалый»), тоску безутешной рыси, потерявшей любимого детёныша (рассказ «Успокойсь...»).

Ну и ещё один долг – желание человека, влюблённого в великую историю великой страны, очистить отечественную историю от политических мифов и облагороженных многолетней идеологизированной ложью лжекумиров. Оно обернулось циклом острых исторических очерков, основанных на документах из закрытых архивов, к которым был получен допуск во время работы над диссертацией.

Юбилейный год для писателя Павла Кренёва стал годом издания целой библиотеки его книг: в Болгарии, Москве, Архангельске вышли книги «Белоушко» (на болгарском языке), «На огневом рубеже», «Поморские истории» (на русском и сербском), «И на земли мир...», «Поморский полк», «Чёрный коршун русской смуты». Известный французский прозаик Тьерри Мариньяк перевёл на французский язык политический детектив Павла Кренёва «Девятый».

И это ещё не окончательный список книжных новинок писателя за этот год. Журнал «Литературные знакомства» посвятил выдающемуся писателю два специальных номера, опубликовав книгу рассказов и сборник отзывов о его творчестве. А Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям наградило Павла Кренёва всероссийским дипломом «Патриот России – 2020» за цикл очерков о людях Поморья.

Дмитрий ЕРМАКОВ

ЩЕДРЫЙ ТАЛАНТ

(о творчестве Александра Кердана)

Я навёрстываю... Читаю страницу за страницей стихотворения, поэмы, романы, рассказы, сказки и очерки Александра Кердана...

Так случилось, что я, давно зная о его деятельности как организатора литературного процесса, до сих пор не читал его произведений. Ну что ж, всему своё время... Сейчас Александр Борисович готовит к изданию собрание сочинений и щедро выкладывает подготовленные тома в электронном формате на своей странице в интернете. Правильное решение: ведь даже тираж в тысячу экземпляров по нынешним временам большой, для моря-России – капля.

И я читаю, навёрстываю пропущенное, но не упущенное...

В своём творчестве Александр Кердан универсален: он поэт, прозаик, публицист, журналист, очеркист, переводчик... Ещё он организатор литературного процесса, педагог, философ... Он офицер, полковник, что тоже, конечно, отразилось и в творчестве, и на творчестве.

И конечно, вспоминаются имена предшественников – офицеров-литераторов от Бондарева и Верстакова до Гумилёва и Лермонтова... Это хорошо, когда в творчестве писателя чувствуется традиция. Но писателя нет без своего, незаёмного, единственного слова, дарованного свыше и выстраданного судьбой. У Александра Кердана такое слово, реализованное в десятки книг, сотни, а может и тысячи журнальных и газетных публикаций, есть...

Пересказывать произведения смысла нет. Тем более стихи...

Конечно, Александр Кердан прежде всего поэт. Потому что нельзя быть поэтом во-вторых, в-третьих и т.д. Поэт – он и в прозе, и даже в журналистике будет поэтом...

Но он и философ, мыслитель, и мысли свои оттачивает и в прозе, и в стихе.

Пожалуй, одна из главных тем Александра Кердана – семья, род (рода, как он пишет) фамилия...

Вот, например, стихотворение:

ЭТИМОЛОГИЯ

Кер – земля (санскритск.)

Дан – небо (шумерск.)

Есть в имени моём

Земля и Небо,

Им хорошо вдвоём...

Вот так и мне бы

Шагнуть за окоём,

Разрушив скрепы,

В какие верил слепо

День за днём...

*А я всё о своём,
О горьком хлебе,
Который – слёзы льём,
А всё жуём!..*

2015 г.

Отталкиваясь от этимологии своей фамилии, Александр Кердан в стихотворении размышляет о вечном, земном и небесном, равно необходимых человеку.

«Душа каждого человека, способного думать не только о хлебе и зрелищах, мается в несообразностях земной жизни и потому ищет у неба ответы на свой вечный вопрос о смысле существования человека», – пишет Александр Кердан в романе «Роман с фамилией». И в этом же романе, в биографической его части вспоминает: «В детстве время воспринималось чем-то единым. Но лет в шесть во мне неизвестно почему возник вопрос, перепугавший маму: «Для чего я родился, если всё равно умру?» Позже куда важнее стало: «Как прожить отведённое тебе время?» Моя бабушка Ефросинья Павловна Возилова рассуждала просто. «Будем жить, как набежит», – говорила она». Эти слова бабушки ведь то же самое, что в стихотворении: «О горьком хлебе, который – слёзы льём, а всё жуём!..»

Не ставлю своей задачей рассказать о всех произведениях шеститомника, но о «Романе с фамилией» сказать должен и хочу.

Хочу сказать, что это замечательный, необычный и очень интересный роман. Оригинальный по архитектонике, многоохватный, философский, приключенческий и семейный одновременно.

Роман состоит из четырёх частей: «От первого лица» – семейно-бытовой, биографической, возникающей перед каждой из трёх последующих: «Философ», «Воин», «Поэт».

Во-первых, это философское рассуждение о предначертанности судьбы. Человек, рожденный в аристократической семье в одном из закавказских государств, становится пленником, рабом и философом. Он и погибает подобно философу Сократу, выпив чашу с ядом. Человек, которому, казалось бы, предначертано быть философом-монахом (он воспитывался в католическом монастыре), становится воином и погибает как воин – во время крестового похода. Человек – сын сотника запорожского казачьего войска, которому по всему стать бы воином, казаком, становится поэтом...

Как человек выбирается для служения, тайна сия велика есть. И эту тайну пытается приоткрыть Александр Кердан, совместивший в своей судьбе и воина, и философа, и поэта... Объединяет всех героев, живущих в разные эпохи, фамилия.

Но роман написал именно поэт. Именно он дал и определение поэзии: «Поэзия, конечно, – не только рифмы и метафоры. Это особый способ видеть мир, образ мыслей и поступков. В конечном счёте это судьба, которая выходит за пределы земной жизни самого стихотворца, это дорога, ведущая в бесконечность.

Поэты рождаются и уходят за земной окоём. Одно поколение стихотворцев сменяет другое. Поэтическая эстафета – сродни человеческой истории, этому вечному союзу между умершими, ныне живущими и ещё не родившимися. Может быть, и мои путешествия по разным эпохам – не

что иное, как попытка наладить контакт с однофамильцами из прошлого, с теми, кто пойдёт дальше, когда настанет мой черёд взирать на этот мир со стороны Млечного пути, во все эпохи так притягивающего к себе взоры поэтов...»

Спасибо поэту Александру Кердану за это талантливое путешествие по временам и эпохам. Потому что роман ещё и написан так, что невольно вспоминаются и герои Вальтера Скотта, и казачья вольница из «Тараса Бульбы»... Честно признаюсь: давно я не читал современный роман, подетски увлекаясь сюжетом и характерами героев, забывая о времени...

Роман «Царь горы» написан иначе, хотя и является продолжением размышлений о судьбе, призвании, о «родове», но уже на современном, во многом биографическом материале... Советское детство, СССР и его трагический распад, Афганистан, Чечня... И на фоне этих событий – становление личности офицера, поэта.

Да, у каждого из нас своя судьба и жизнь, но есть и нечто общее: книги, прочитанные в детстве, судьба страны, любовь, смерть, жизнь, которая продолжается...

Не любовь ли к книгам «про индейцев» стала одним из толчков к написанию Александром Керданом эпопеи о русской Америке? Наверняка так! Корабли, шторма, новые земли, индейцы... Кто из нас, мальчишек, не бредил этим...

Но конечно, и серьёзные исторические исследования, размышления, авторские озарения и открытия стали основой романа «Берег отдалённый» и примыкающих к нему произведений.

Замечательная авторская находка – образ Александра Сергеевича Пушкина, которым открывается и закрывается роман. Известно, что незадолго до гибели Пушкин действительно интересовался Камчаткой и русской Америкой. Как знать, не там ли происходили бы события его нового произведения... Мы будто бы вместе с Пушкиным и всматриваемся в дальний свободный, полный открытий и приключений берег Америки...

Но отдалённый берег – это и Россия для тех, кто уже оказался в Америке.

Это и главный берег, на котором уготован последний причал всякой душе живой...

Я не буду говорить здесь обо всех произведениях из шеститомника Александра Кердана, а поговорю с самим автором, который не только талантливо пишет, но и талантливо живёт.

Тодор ВОИНСКИЙ

...И ни одной фальшивой ноты На снежной белизне листа

Писатель и журналист, лауреат Большой литературной премии Союза писателей России Анатолий Омельчук ознаменовал в 2021 году свой 75-летний юбилей выпуском флешбука под названием «Книга Сибири», по сути книги-библиотеки, где на двух флешках уместилось всё его литературное творчество – 47 книг. Совместно с тюменским издателем Сергеем Симаковым (издательство ТюмГУ) литератор совершил великий книжный прорыв – редко кому из пишущих в XXI веке пока удаётся столь убедительно идти в ногу со временем. В уникальном издании среди обилия прозы нашлось место и известному сборнику стихов Анатолия Омельчука «Я целую твой голос».

Итак, Омельчук – автор стихотворных миниатюр, лирик. В юности многие романтические натуры «балуются» стихами – набрасывают целые тетради рифмованных строчек, и сей «грех» понятен, простителен и... преходящ. Но вот твои ранние годы далеко позади, ты уже солидный муж. Однако молод душой и продолжаешь творить «в ритме и рифме». И в тебе рождается сомнение, формулируемое одной фразой: «В моём возрасте стихи писать если не стыдно, то просто неуместно – сосновые рощи изводить нельзя. Прощается только то, что стихи с тобой происходят. Как снег, как дождь...». Значит, процесс продолжается – он не требует твоих оправданий или чьих-то одобрений и разрешений.

Перечитывая стихи Анатолия Омельчука, натуры, без сомнения, творческой, приходишь к осознанию того, что его поэтический опыт – плод озарений, раздумий, интерпретация подчас неожиданно-парадоксального взгляда на мир. Притом он – человек рефлексирующий, переосмысливающий свои деяния на этой творческой ниве, нередко сомневающийся. Хотя сомнение – штука вовсе не постыдная, а где-то открывающая путь к познанию, постижению нового. И тут он удивительно точен, отражая это внутреннее состояние пишущего:

*Стихи рождаются от страха.
Уже тебе готова плаха,
И до рассвета не дожить, –
А это значит – стих сложить.
Стихи – яйцо.
Оно округло,
Закончено, завершено.
И жизнь в себе таит оно
Под тонкостенною скорлупкой.
В них соразмерность. Как в судьбе.
Необходимость слова, строчки,
Определённость точки –
Всё это вызрело в тебе.*

При этом он заявляет: «Я стихи писать не умею. Стихи не пишутся. Они случаются». Филолог по образованию, он предпочитает изъясняться верно, не искажая смысл слов. Филология – любовь к слову. И далее, развивая мысль, он говорит: «У меня с поэзией странные отношения – у поэзии со мной, естественно, никаких отношений нет. Ни в каком страшном сне мне не привидится, что я умею слагать стихи. Ни в какой страшной пытке язык в гортани не повернётся сказать: я поэт. Просто сказалось, произнеслось, сложилось, пришло, случилось, наговорилось, вздохнулось, набормоталось, нашепталось, произошло. Тем более я не участник никаких поэтических и литературных процессов».

Соглашусь: стихи – они случаются. Действительно, коль родилась в голове строчка, другая, третья, целая строфа, тебе остаётся лишь зафиксировать их на бумаге. Так оно и есть: в его книгах среди обилия прозаических набросков, зарисовок, очерковых сюжетов нет-нет, да и встретится целая россыпь сиюминутных душевных состояний автора, переключающих читателя «на лирический лад».

Настал момент, когда необходимо было собрать эти жемчужины под одной обложкой, и появился компактный сборник под названием «Я целую твой голос». Стихотворные миниатюры, вспышки-озарения, сентенции, мыслеформы, чувственные импульсы-откровения, нюансы настроения, совпадающие с ритмом жизни, «тематикой» времени, а главное – воздающие благодарность «этой женщине-жизни, как богине Удаче».

Женщине, загадочной и непостижимо прекрасной, поэт посвящает самые сокровенные строки-рифмы-ритмы, слагает в её честь гимны, как и подобает рыцарю:

*Звучат прекрасные слова.
И повторю я слово в слово:
«Любовью женщина жива!».
И начинается жизнь снова.*

И когда, как не в юношестве, ты одолеваем таким трепетным любованием Ею:

*...Входила в малинник, как будто в молельню.
Срывала малину. Как будто молилась.
И ягод незримо касались колени.
Краснели.
Земля отдавалась вечерней прохладе.
А мы предавались малинной охране.
Не вышепчешь, если захочешь,
Что «рано»,
Что «губы в малине»...
Как будто в помаде.*

А сколько пламенной эротики в стихотворении «Ты – музыка»! Вот его частица:

*Как нота ветра
В прохладный вечер,
По мостовой
В июльском зное*

*Экстазом шёлка,
Томленьем плоти,
Страданьем сердца
Струится тайна...*

Читаю-вчитываюсь. Да что там – нормальные стихи. Одни их первые строчки чего стоят: «Всходил луны заржавленный ночник», «Тебя не хватает до боли», «Я грусть свою нарисовал», «Царица шага – богиня риска», «Похмельная молитва»... Вот парочка строф из «Молитвы»:

*Не горюй, не тоскуй и святого не трогай,
Как бы там ни пришлось – эта жизнь задалась.
Ты по жизни идёшь, поцелованный Богом,
Ты любим и любил, и серьёзно, и всласть.
На разрыве времён, глаз счастливых не пряча,
Постучалась к тебе, повернув время вспять,
Эта женщина – Жизнь, как богиня Удача.
Постучалась к тебе – постарайся понять.*

Интересен философский взгляд на жизнь «лирика» Анатолия Омельчука. Вот лишь фрагмент стихотворения «Улетает женщина в Анкоридж»:

*Вязкая тоска непониманья,
Боль непредстоящих перемен,
Грустная наука расставанья,
Череда предательств и измен.
Век продлишь, да время не ускоришь,
А душа отчаянно парит.
Улетает женщина в Анкоридж.
Только от себя не улетит.*

Или вот – про старый умывальник:

*Старый облупленный умывальник,
Я тебе обязан многим,
Каждое утро у меня чистое лицо и руки
Только благодаря твоему существованию.
Но ты обманщик, старый умывальник!
Ты древний укрыватель обмана –
Только благодаря твоему существованию
Ходят по земле люди с чистыми руками
И неумытыми душами.*

И ничего, что не соблюдён ритм, что отсутствуют рифмы. Кто-то сказал: литература – не место для правил, да и законов в писательстве нет, порядка нет. Вот пишет человек без знаков препинания, без заглавных букв – просто слова, концентрация мысли. Так что внимающему и внимательному остаётся лишь самому обозначить акценты, расставить знаки, найти свои смыслы...

Свобода творчества? В своё время тюменский литературный критик, кандидат филологии Владимир Рогачёв заметил (касательно творчества Анатолия Омельчука): «В хороших стихах выделяется «Река Печаль»

ка»... (В реке Печальке даже облака / Не могут отразиться в полной мере. / Река Печалька – малая река, / Печаль большая ей не по размеру. / Но почему так страстно и всерьёз / Пленяемся её печалью светлой? / Печалька – значит грустно детям, / Не то что взрослым...). Но там же – «ходят по земле люди с чистыми руками и неумытыми душами»...

Творческий цех нередко сравнивают с серпентарием. Помните у Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда. / Как жёлтый одуванчик у забора, / Как лопухи и лебеда...». Из какого сора, из какой вселенской грязи рождаются шедевры? Литература, по Омельчуку, самая тяжёлая конкурентная среда.

Тем интереснее услышать добрые слова от коллег по ремеслу.

Александр Кердан, поэт, координатор Ассоциации писателей Урала и Сибири: «Так и хочется вслед за одним немодным сегодня политиком воскликнуть: «Какая глыба, какой матёрый человечище!». Матёрый во всём: в преданности литературе, радиожурналистике, родному Северу, любимой... С ним радостно и спокойно шагать по тундре, сидеть за праздничным столом с кружкой чего-то праздничного, спорить в телеэфире, говорить о поэзии...

Именно в таких цельных и сильных людях и обретается сквозная нежность – по отношению к краю, где живёшь, к друзьям, к женщине... Их почти не осталось – рыцарей, романтиков, мужчин. Быть такими сегодня – удел поэтов. Анатолий Омельчук – Поэт с большой буквы. Ибо только Поэту дано словом своим подвигать людей на подвиги, обозначать вехи Вечности, останавливать Мгновение, наполнять сердца Любовью. Всё это – в его книгах, стихах, телерадиорепортажах, коротких звонках...».

Любовь Заворотчева, писатель: «Омельчук – рыцарь Свободы, поэт Любви. И то, и другое исключает объяснение. Ибо вся наша омрачённая мысль проистекает из попытки всё на свете объяснить. ...В его книгах поселилась одухотворённость. В них однозначно исключается зритель, а в читателе предположен именно собеседник. Замираешь над строчкой – входишь в неё».

Аркадий Елфимов, известный просветитель, издатель, меценат, гражданин Тобольска: «Творчество Анатолия Омельчука – живое. ...Его творчество позволяет ощутить бессмертие русской души. Омельчук при всех его наградах и титулах, которые едва ли нужны ему самому, не ремесленник, но Художник с позицией житейской мудрости, лишённой бравады или страха».

Есть утверждение: только мудрая женщина позволяет мужчине реализоваться, только хрупкая, нежная и беззащитная вдохновляет его на творчество. Тем интереснее мнение об Анатолии Омельчуке как о творческом человеке его верной спутницы жизни – жены Галины Старцевой: «Я не особый знаток литературы, тем более поэзии. Могу лишь высказаться как рядовой читатель: что-то нравится, что-то нет. Ну не приняла моя душа книгу «Последний в очереди за поцелуем»!

А из его ранних стихов мне нравится «Старый умывальник». Там есть замечательные строки: «Ходят по земле люди с чистыми руками и неумытыми душами». Очень люблю и его личную песню, как называли бы её ненцы. Мои друзья зачислили её в бардовскую и называют «омельчуковской». Она вошла в «Сибирскую книгу» под названием «Похмельная молитва». Кстати, мой брат Гоша сочинил к ней музыку, и ни одна наша встреча не обходится без этой песни».

Евгений Евтушенко, поэт: «Стихи Омельчука... Он человек явно способный».

Захар Прилепин, писатель: «Омельчук? На таких мужиках Россия держится».

Кто-то придумал гениальную формулу творчества – «Наедине со всеми». Не о том ли и эти несколько строк Омельчука:

*Всё пройдёт на земле, прохлопочется,
Как монеты, глаза отблестят.
Одиночество – это зодчество.
Познавание себя.
...Одиночество – это творчество,
Созидание себя.*

А ещё мне нравятся его краткие и ёмкие одно-, двух- или трёхстрочия:

Конвой луны.

*Я перечту тебя, как стих.
По строчкам губ.
По рифмам тела.*

*Вашего голоса виолончель,
Губ ваших нежных улыбка.*

*Я целую твой голос –
Ниспадающий дождь доброты.*

*Любовь не знает опыта –
Любовь всегда – в первый раз.*

*Тяжёлый, как бедро женщины –
Сон счастья.*

*Допьём последнее вино,
Доносим старые слова.*

*Усталая течёт вода,
Уносит нынешнее лето.*

Запомнились и отдельные поэтические фразы: «Какая изысканная каллиграфия: жизнь – рисунок ветра на воде», «...И ни одной фальшивой ноты на снежной белизне листа», «Медяк осеннего листа я сберегу в кармане. Кому продать бы за пятак сегодняшнюю осень?».

Философствуя, Анатолий Омельчук возвращает нас к известной библейской фразе: «В начале было Слово». Призывает нас к внимательному, вдумчивому её прочтению: «Все мы, к нашему несчастью, заплесневелые материалисты. Но этот мир начался со Слова. Библейское утверждение совершенно не случайно. Это никакая не метафора, а объективная реальность. И тот, кто понимает Слово, знает, что Слово – это первая дорога к Богу. В Слове – вся тайна мира. И разгадка твоей жизни и жизни мира».

Что касается собственной деятельности на ниве Слова, то Омельчук со свойственной ему самоиронией пишет по этому поводу: *«Всё сносит терпеливая бумага – / Мараются невинные листы. / И слов волиба. / Я нынче в роли мага. / Я всё могу...»*.

А в одном интервью с удовольствием ёрничает, исповедуя принцип «сам себя не похвалишь»: «Как всякий гениальный писатель, я очень стеснителен. Застенчив. Скромен». Рассуждая о творчестве, он благодарит судьбу, что никогда не хотел бросить это занятие: «Если бы все эти годы я пропустил, то каких-то строчек просто не написал бы. А так смотрю – написано, нормальный гений, чего там...». По части юмора, конечно, он даст фору многим.

Марина Цветаева однажды написала: «Поэт – утысячерённый человек, и особи поэтов столь же разнятся между собой, как вообще особи человеческие». Отличается, соответственно, и представление о писательской успешности и степени самореализации. Омельчук здесь рассуждает серьёзно: «Благодарен жизни и судьбе, что смог реализоваться», «Если я издал пару десятков (достаточно ограниченным тиражом) книг, это ещё не значит, что я успешный писатель. Не всякий станет читать мои книги, наверное, должен быть некий душевный порыв. Я рад, что у меня есть постоянные читатели. ...У хороших книг много читателей не бывает. Читатели тоже товар штучный. Это формула утешения».

Р.С. Соавтором литератора в издании его книг «Любовь – всегда ошибка», «Я целую твой голос» и ряда других является гениальный художник из Ханты-Мансийска Геннадий Райшев, к сожалению, ушедший от нас в прошлом, 2020 году.

Владимир КРУПИН

ПЕРО ЧАЙКИ

Виктора Лихоносова долгое время причисляли к подражателям Бунина, или Паустовского, или Пришвина. И Юрия Казакова считали его наставником. Все эти фамилии уважаемы, но миновали годы, выходили его книги, и становилось понятно: в России в середине XX века появился новый писатель – Виктор Лихоносов. И без его этих книг представить русскую литературу невозможно: это писатель со своим голосом, своими героями, своей интонацией, манерой повествования, со своим строем фразы, и всё это подчиняющий главному – России, её истории, людям, природе.

Писательский стиль Лихоносова необыкновенен. Он особый, он какой-то лёгкий, мерцающий, летящий, он рисует картины, которые оживают у тебя в сознании, будто ты не книгу читаешь, а прямо в этой книге живёшь. Писатель раньше подолгу жил в посёлке Пересыпь на берегу Азовского моря, любил подолгу ходить по отмели и собирать уроненные чайками перья. И кажется, что проза его пишется именно этими пёрышками: чистейшей белизны, лёгкости, дающими ощущение полёта над пространством.

Рождённый в Сибири, на станции Топки около Кемерово, затем он возмат в Новосибирске. Рос без отца, отец погиб в Великую Отечественную войну, и Виктор всегда помнил об отцовской мечте – вернуться из Сибири в места проживания предков. У Виктора было слабое здоровье, и врачи настоятельно советовали сменить климат. Именно поэтому он, окончив школу, выбрал для дальнейшей учёбы Краснодарский университет. И навсегда связал судьбу с Кубанью. Потом и матушку свою любимую Татьяну Андреевну перевёз к себе. И в своё время похоронил её на Таманском кладбище.

И это была его судьба: и человеческая, и писательская. И счастье для Краснодарца.

Но это сейчас легко говорить. А каково было пробиваться сквозь казачье недоверие сибиряку, чалдону: как это так, да кто он такой, чтобы кубанские казаки были героями его книг. Но он имел на это право, право дала ему любовь к истории России и казачества в особенности. И обострённое чувство справедливости: как же можно предать забвению историю этого края, который стал его второй и окончательной родиной.

Писатель, сибирский уроженец, явился защитником кубанского казачества, его певцом. «И пришли, и высадились в Тамани и на Ейской косе с войсковым скарбом и куском ржаного хлеба, протянули живые силы через всю заболоченную степь. Куда пришли?! Теперь чего только не брешут про казаков, но куда они пришли, на какие страдания?! Ничего, кроме неба, камышей и малярии?!... Кто теперь это поймёт, кто им, дряхлым или погубленным смертью, посочувствует?»

Внешне, в писательской биографии Лихоносова всё складывалось замечательно: тридцати лет ему не было, как рассказ «Брянские» сделал его знаменитым. А головокружительный успех повести «Осень в Тамани», повестей «Чалдонки», «Люблю тебя светло», романа «Когда же мы встретимся», что говорить!

Какой радостью напивало чтение его книг, какой светлой, врачующей грустью обволакивало душу. Вот Тригорское, Михайловское, вот тропа меж ними. Вот учитель, сидящий на холме над Соротью. И ты сидишь рядом и не только видишь то, о чём написано, но и слышишь запахи и звуки Пушкиногорья.

И казалось, многие удачи ждали автора на проторенном им пути воспевания человеческих судеб. Как оказалось, что все эти замечательные работы – только подступы к главному труду сибиряка, к созданию художественного полотна «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж».

И в предыдущих всё громче звучала тема России. Но в «Маленьком Париже» это стало основной нотой. Валентин Распутин сказал о романе: «Бесспорно, главный герой этого романа – Память. Память как вечность и непрерывность человека, как постоянное движение из поколения в поколение духовного вещества. Нельзя жить на земле, не помня, чем жили здесь прежде, не зная о трудах, славе, присяге и искренних заблуждениях наших предков».

«Много меж черноморцев весёлых Гоголей, ничего не писавших, но не было Нестора», – сетует Лихоносов. Но и он не берёт на себя труд летописца: писатель – человек своего назначения, он взялся за более трудное дело, он воскрешает прошедшую эпоху в событиях, судьбах, красках.

Трагична судьба казачества, об этом мы знаем и начитаны. И о красных, и о белых. Но представить казаков только в страданиях было бы несправедливо. Казаки – это простодушные, чистые сердцем люди, иногда просто дети, непосредственные и живые. И входят в наше сознание, в нашу жизнь новые люди, сохранившие свои жизни для нашего восприятия.

Сила таланта прозаика такова, что мы просто воочию видим, как ездит по Екатеринодару ямщик Терёшка, как приворачивает к заведению неунывающего Баграта, понимаем сострадательную душу Манечки Тостопят, которая «даже комару, который её укусил, ножку перевязывает», и как эта Манечка в своих чудом сохранившихся дневниках воскрешает события, тревоги и радости 1918 года.

Словно воочию видно, как мальчишки идут на защиту Кубани: «В учебных тужурках и пальто, с узелками ушли серьёзные гимназисты. Тысячи обывателей спрятались за их спинами. А день тёплый, солнечный. Мне как-то было не по себе, что детям придётся по необходимости стрелять и убивать. Что их ждало, что станет с их беззащитными родными?»

И как таинственна мадам В... А правдоискатель Лука Костокрыз со своими стихами: «Не знайте в жизни дней ненастья, цветите сердцем и душой, и пусть судьба цветами счастья вам посыпает путь земной». И конечно, хранитель казацких преданий Попсуйшапка с его рассказами о доле казацкой. И хитроватый атаман Бабыч. Да даже и Фосса, только мелькнувшего в повествовании, помним. А тоскливая парижская жизнь четы Бурсаков, вся наполненная мыслями о родине, и их возвращение.

Всё настолько зримо, всё так озвучено, что ты невольно становишься в центр любого описываемого события. Мы сопереживаем и гордимся теми, кто попадает на службу в царский конвойный полк, и вместе с ними ужасаемся кончине царской семьи. И представляем, как ходит и ходит молитвенница Анисья, нигде надолго не оставаясь, будто надеется пере-

мерить своими ногами побольше пространства, чтобы помолиться за него Господу. Вот её слова: «Иду себе помаленьку да иду, а земелька-то позади остаётся, а глянешь вперёд – и впереди ещё много».

Этот роман – образец полифонического звучания самой жизни. Это не летопись, это реконструкция прошедшего времени, возрождение его для нас с вами.

В «Осени в Тамани» доморощенный летописец Юхим читает вслух свои записи, и как только доходит до слов «Теперь Тамань уже не та», заливается слезами и дальше не может читать. Что говорить нам в XX веке: теперь не та уже вся Кубань.

Виктор Иванович создал книгу обращения к совести, к душе, затронул струны памяти, живущие в нас, они откликнулись, сделали нас чище и лучше.

«Мне не спится. Я выхожу во двор, прохожу мимо тёмных окон и иду по улице. Ночью, только ночью так пробуждается душа, так чувствуешь пространство и время, и соединяет тебя в странствии со всеми, кто был и есть, с домом и звёздами. Хочется поклониться всему: кладбищам, храмам, дебрям, горам и пустыням Востока, полям Европы и Сибири, лазурным берегам морей, хижинам, дворцам, пирамидам... Бесконечна дорога жизни, и не пересчитать всех книг о ней. Зачем ещё и я со своими листами? Душа моя выше моих слов – я теперь это вижу, перечитывая свою работу и вспоминая то, что неуловимыми знаками трепетало во мне. Теперь мне горько: так мало я выразил из того, что чувствовал. Иду и думаю: кому это нужно? Много ли я унесу с собой навсегда, как уносят все люди, что-то в душе своей созерцавшие и наутро никому ничего не сказавшие».

Это не роман, это песня.

Как с живыми, мы прощаемся и с Петром Толстопятом, и с Дементием Бурсаком, и с Калерией Шкуропатской. И Олимпиаду Швыдкую будем помнить и жалеть. Будем помнить озорство, дерзость, безумные скачки, свидания и разлуки.

И звуки военных труб, и топот конницы, и залпы орудий, шум базаров, вокзальные крики – всё уносится к какому-то пределу. «Ранней степью простучали на подводе какие-то люди и исчезли. Как всегда, как во веки вечные. Проехали, и нету их до сего дня...». А для нас всё стучат и стучат колёса этой подводы. И идёт, и идёт богомолка Анисья.

Очень ценны для нас и работы Виктора Лихоносова последних десятилетий. Это «Записки перед сном» и «Одинокие вечера в Пересыпи». Это именно лихоносовские работы: в них всегда говорит душа.

Виктор Иванович признаётся: «Я всю молодость свою прожил под звездой Шолохова». Конечно, свет шолоховской звезды освещает «Маленький Париж», и это так благотворно. А второй титан, влиявший на судьбу Лихоносова, это Твардовский. «Я обязан ему самой жизнью. Не успехам, не слабым огоньком имени, жизнью, жизнью!»

И главное признание: «Да я просто не выжил бы, литература спасла!»

А нам заповедано: много нами русской земельки перемерено, но и остаётся ещё очень много.

И уже закончил было эту маленькую работу, как вспомнил одну встречу с кубанским казаком. Говорил он именно о том, что дух Запорожской Сечи не угас и сама Сечь не погибла, она переместилась на Кубань.

– Как раз об этом и Лихоносов пишет, – сказал я.

– Иваныч? – радостно возгласил казак. – О, то ж наш Иваныч! Щирый казак!

– Дуже щирый, – согласился я. – Только он не казак, он сибиряк.

– Та ты шо? Казак! Он у письменников атаман.

И я понял, что переубеждать его не нужно. Мы просто пошли и выпили с этим казаком за здоровье Иваныча. Казак мне понравился тем, что жила в нём та самая древняя сила духа, что шла из глубины времени и которую так хорошо выразил Виктор Лихоносов.

– Эх вы, москали! – кричал мне казак. – Шо ж вы даже не пискнули, когда нашу Софию в Константинополе оттягали, а?

– Стыдно, конечно. А вы, запорожцы, сядьте да и напишите письмо турецкому султану, а?

– А шо, сядем, Иваныч подмогнёт, сочиним письменю султану! Хай вертает!

Вячеслав ЛЮТЫЙ

РАЗОРВАННЫЕ СТРАНИЦЫ

Сюжет стихотворения Юрия Кузнецова «Деревянные боги»

*Бредет и скрипит по дороге
Солдат об одном сапоге.
Скрипят деревянные боги
В его деревянной ноге.*

Юрий Кузнецов

У Юрия Кузнецова есть стихотворение «Деревянные боги», датированное 9 мая 2003 года. По историко-литературным приметам этот текст перекликается с иными вещами автора: во-первых, посвященными военной теме, роковой, страшной для русского человека; во-вторых, тематически он сопряжен с последним периодом творчества поэта, когда взаимоотношения древнего русского бытия и православия вступили в его стихотворных сюжетах в напряженный диалог.

Русский человек в поэзии Кузнецова по существу является образом всего народа. Об этом уже говорилось не раз, однако многие качества главных героев стихотворений словно бы и не расширялись до категории народа даже при внимательном прочтении авторских строк. Опасение быть поверхностным в этом вопросе вполне резонно, однако одновременно исследователь тем самым ограничивает круг своих наблюдений над поэтическим текстом локальными характеристиками, тогда как поэта занимали вопросы фундаментальные, проясняющие черты русского бытия, русского менталитета, русского обыкновения и характера русского человека.

В «Деревянных богах» перед читателем возникают обозначенные легкими штрихами черты Большой войны и солдата-защитника Отчизны; древней веры и европейского христианства, во многом пребывающего на русской почве в виде буквы церковного учения; растерянного народа, который после великого испытания вновь стал населением; наконец, мистической Дороги – по ней бредет одноногий воин вслед за невидимыми старыми Учителями, отринутыми в прежнее, уже давнее время.

Нужно сказать, что поэзия Юрия Кузнецова беспощадна к читателю: здесь не обходятся острые углы, в повседневности заботливо задрапированные массой оговорок – противоречия являют себя так, что, кажется, снять их и прийти к разумному соединению взаимно спорящих сторон русской жизни совершенно невозможно. Однако поэт совсем не стремился к столкновению противоположностей, он видел себя наследником прошедших эпох, которому необходимо правильно распорядиться «бытийным имуществом», чтобы в духовном отношении построить завтрашний день прочно и в согласии с главным содержанием минувшего времени.

Обратимся к событиям и персонажам стихотворения «Деревянные боги».

По старой разбитой дороге бредет солдат с деревянной ногой. Впереди идут странные и непостижимые деревянные боги, издающие загадочный скрип, отзывающийся в самодельном протезе путника.

*Солдат потерял свою ногу
В бою среди белого дня.
И вырубил новую ногу
Из старого темного пня.*

Скрипучие «вздохи труху по дороге метут», и встречный народ в страхе разбегается. Деревянные боги идут «в неведомый темный конец» из старого «темного дня». Наконец они «прошли на великий покой», навсегда отделив себя от солдата и «народа». На дороге остался только одноногий странник.

В этом контексте все смысловые детали имеют расширительное значение. К примеру, солдат, потомок народа, отказавшегося от старых богов, вдруг потерял телесную гармонию и утратил способность передвигаться, преодолевать трудный путь. И вот в помощь ему дается «новая нога», изготовленная в мифологическом пространстве и времени из старого деревянного идола – так христианское вероучение называет богов языческого пантеона.

Над этим сюжетным поворотом витает семантическая дымка: тело христианина – его храм; православный воин защищал родную землю, и тело после боя стало ущербным; помочь солдату смог только пень, из которого когда-то было вырублено изображение языческого бога; теперь солдат может с трудом идти, опираясь на деревянную ногу, подаренную ему древним божеством. И так, медленно преодолевая разбитую в веках дорогу, он движется вперед, попеременно ступая на уже искусственную «языческую» и на оставшуюся живой «христианскую» ногу.

Конечно, подобный, во многом одномерный интеллектуальный ракурс весьма уязвим. Он не может выступать в качестве главной художественной фиксации смыслов и положений в стихотворении. Однако перед нами – несомненный отсвет русского бытия, в образном виде он содержится в этом мифологическом сюжете Юрия Кузнецова.

Обратим внимание на восприятие солдатом происходящего:

- он не видит деревянных богов;
- он не видит России, христианской, православной страны;
- «он слушает скрипы пространства»;
- «он слушает скрипы веков».

Солдат «потерял свою ногу в бою», «вырубил новую ногу <...> из пня» и теперь бредет «по старой разбитой дороге». Если посмотреть на действия героя, раскрывая их значение в реальном смысловом поле, то перед нами предстанут жестокий бой, горький мирный труд и лишения, путь к неведомой цели.

Вместе с тем сама дорога здесь кажется пунктиром исторического движения европейской цивилизации, чье христианство «голодным огнем» сожгло старых богов родной земли. Кроме того, Великая война случилась в самом центре христианского мира – в поэтических координатах «белого дня».

Мучительные шаги почти вслепую по разбитому пути все еще связаны с ощущением присутствия деревянных богов, которые тоже перемещаются в этом направлении. Их движение – определенно вынужденное, но они, кажется, подсказывают солдату, как идти: так проводник ведет странника по болоту, указывая кочки и топь. Но очень скоро деревянные боги удалятся «на великий покой». Истекает время их присутствия в русском пространстве – теперь уже окончательно, бесповоротно...

Примечательно, что солдат в сюжете оказывается тонким образом русского народа, а сам «народ» превращается в население, забывшее о собственных корнях – и родовых, и православных. Очевидно, «солдат» – главная характеристика русского человека, отодвигающая любые другие его приметы и качества в стихотворении Юрия Кузнецова.

И вот в эпоху христианства защитник отчего края бессознательно обращается к древнему родовому укладу. Еще вчера на поле сражения добра и зла он пролил собственную кровь, принеся эту жертву самоотверженно и безоглядно, готовый по-евангельски «положить живот за други своя».

Теперь же солдат прислушивается к давним векам, не собираясь отказываться от горького настоящего. Он являет собой фигуру, по внутреннему душевному устроению близкую нам *сейчас* и одновременно – фигуру *древнюю*, соединенную с «нервной системой» старой Руси, где природа, человек и семья составляли одно целое.

Между тем деревянная нога, когда-то бывшая сакральной частью природного окоема, помогает солдату, но не приживается к его «христианскому телу». Эта позиция в стихотворении исключительно важна: деревянные боги опекают православного воина на русской земле, однако не становятся вновь частью его естества. Они могут быть в очередной раз отринуты – так в суеверном ужасе бросается прочь встречный люд, увидев хромого путника и заслышав ни на что не похожий скрип. Но древние божества не исчезнут бесследно, не превратятся в прах и пепел, даже если сжечь их древесные изображения.

В стихотворении мы слышим не только сдержанный голос автора, но и некий гул христианской цивилизации – раздраженный и досадливый. Он прорывает ткань балладного повествования и, не принимая возражений, комментирует русское прошлое и *неправильно* воплощенное русское настоящее:

*Мы раньше молились не Богу,
А пню среди темного дня.*

.....
*Идут деревянные боги.
Когда же пройдут наконец?..*

Но вот по сюжету они «прошли»: прошествовали, исчезли, отошло их время, утрачено их понимание, растворилась связь русского человека с окружающей природой. Одноногий солдат остался в нынешнем пространстве-времени, когда православная мистика во многом отодвинута церковной буквой. А сама эта буква, к сожалению, часто становится лишь сухой формой, теряя великое нравственное содержание подвига Спасителя.

Как же чувствует себя одинокий увечный герой на изъезженном и исхоженном тракте:

– странник остался на дороге в полном одиночестве – реальном и мистическом, ему не слышен голос небес (хотя в данном сюжете он не звучит вовсе);

– солдат, возможно, уже и не идет по дороге, а застыл на ней – динамика событий в стихотворении останавливает наш внутренний взгляд именно на такой картине;

– эта дорога внезапно стала непонятной – куда она ведет и зачем по ней идти;

– у солдата теперь есть только личная судьба – в отрыве от земного существования она неизъяснимо и тайно устремлена к Христу, что пока еще непонятно и самому путнику;

– все земное для солдата становится чужим и холодным, единство земли и неба окончательно расщеплено на две взаимно враждебные части.

Ассоциативно здесь прочитывается состояние русской души на исходе последнего тысячелетия. Для Юрия Кузнецова проблема органичного присутствия русского человека на своей земле и под своим небом – физическим и духовным – была самой важной. Он старался обозначить её приметы и главные нервные точки средствами поэтического мифа, когда все самое существенное автор читателю показывает, а не называет.

В «Деревянных богах» неявно присутствует мысль о «недостаточности» христианства для органического русского человека, лишённого исторических корней, в том числе и в результате крещения. У других европейских народов подобного провала исторической и духовной памяти не найти. Вот почему русский так одинок в этом мире: прежде он был вписан в контекст природы, а теперь существует рядом с ней. И даже наперекор ей, полагая себя земным владыкой – в действительности ущербным, глухим и незрячим.

Перед нами вовсе не православные признаки богооставленности – уныние, маловерие. Но отчетливые черты «*природооставленности*» – отсутствие опоры на земной распорядок, который ныне оторван от русской души и закреплён в статусе враждебного, чужого. Нет уверенности в привычном и простом, способности воспринимать зверье и растения породственному, входить во времена года с интуитивным крестьянским и охотничьим чувством окружающих перемен. Вот почему телесная жизнь русского человека оказывается во многом рассеянной, лишённой своего естественного начала.

Стихотворение по существу является трагедией: победитель в Великой войне за отчий край не находит внятного языка, который позволил бы ему общаться с родной землей. Солдат улавливает только малопонятные «скрипы», и для него это единственный способ услышать голос почвы. Подобная безъязыкость русского человека гнетет автора, рисующего в финале картину почти космического одиночества главного героя.

Юрий Кузнецов в центре стихотворения «Деревянные боги» наметил абрис европейской цивилизации, христианства буквы, а не дыхания. Тогда как живой фигуре Спасителя уделил огромное внимание в своих последних поэмах и стихах. Он старался не сводить в духовном сражении старую русскую веру и православие, но как мудрый художник и наследник всех эпох отечественной истории пытался восстановить в русском сердце разорванные страницы древности. Не разделять и доводить до чистоты, но понимать и беречь достигнутое, видя в этом единственный путь русского самопознания.

Михаил РЯБИЙ

О новой книге Олега Яненагорского «Отблески жизни на грешной земле...»*

О жизни на грешной земле эта новая книга. Почему же грешной? Ведь человечество, казалось, дожило до той эпохи, техническое устройство которой вполне бы могло способствовать построению рая на земле! Но увы, прожекты эти – только отблески мечты о счастливой жизни, ибо земля наша населена сплошь грешниками... Язычество погубило не одну, не две и не три империи, а гораздо больше! Все дело в противоречивости духа большинства народов, населяющих нашу землю, их эпикурейском лозунге, который исповедуют: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем»! У них полны карманы, а значит, и желудки, ну а дальше-то что? Где земной рай?

Однако новая книга – не об этом, а точнее – не только об этом!

К рассказам о писателях и художниках прозаика, скрывающегося под псевдонимом Олег Яненагорский, вполне подошел бы эпитафия: «Ничто не проходит». По преданию, такой была третья надпись на кольце царя Соломона. А до этого там было выгравировано еще два изречения мудрейшего царя. Первое – всем известное: «Все проходит», второе: «И это пройдет», а третье открылось царю, когда он почувствовал, что пора ему уходить. Он подумал: «Вот все и прошло». Но в этот момент на ребре кольца блеснула еще одна надпись: «Ничто не проходит».

Но об этом изречении почему-то мало кто помнит. Откуда оно стало известно Яненагорскому? Возможно, он сам как-то об этом догадался? По крайней мере автор без излишнего шума, интеллигентно и ненавязчиво восстает против ставшего всем привычным «Все проходит».

Свой литературный псевдоним – Олег Яненагорский – Игорь Александрович Ширманов, уверен, взял неспроста. Имя Олег окутано дымкой седой древности и пришло к нам из варяжской Скандинавии, но вряд ли оно претендует на какую-либо историчность. В ряде источников смысл имени Олег трактуется как *священный, светлый*.

В современном варианте Олег – практик-романтик. И вправду, тот, кто избрал для литературного псевдонима такое имя, не почивает на Олимпе, а трудится на земле! От вещего Олега его отличает то, что всякие пресмыкающиеся ему не грозят. Как всякий талантливый человек, он остался жив от ядовитых укусов еще более свирепых, чем у змей, критически настроенных собратьев по перу.

Юрист и ученый муж, он не забросил адвокатскую практику даже тогда, когда его однажды озарило: пора поделиться пережитым с читателями! И вот вполне успешный человек усаживается за письменный стол и примеряет писательскую маску – что-то среднее между Пьеро и Арлекином, согласно духу эпохи позднего романтизма.

А какое удовлетворение доставляет ему творчество, начинаешь понимать, когда страница за страницей углубляешься в его прозу. При таком погружении складывается образное ощущение, будто попадаешь под

* Олег Яненагорский «Отблески жизни на грешной земле. Книга прозы». Санкт-Петербург. Изд-во «Любавич», 2019.

очистительные струи источника на горе Геликон. Воды Ипокрены смывают с его литературных замыслов пошлость обыденности и притязания казаться лучше, чем он есть на самом деле.

Автор чем-то напомнил мне героя одного исторического курьеза. Еще за несколько столетий до наступления христианской веры однажды в афинской бане столкнулись киник Диоген и высокопоставленный аристократ Аристипп. Богач помылся первым и, уходя, рассеянно натянул рваную тунику Диогена, философа, сводившего все человеческие желания к самому минимуму. Сам же киник, вышедший следом, естественно, наотрез отказался предстать перед людьми в пурпурных одеждах Аристиппа.

Эти «пурпурные одежды», может быть, и есть главная фишка у Олега Янenaгорского как творческий соблазн нашего времени? Кто не мечтает об «аристипповской» тунике – почете и славе? Но романтик-практик Олег её-то нам как раз и не предлагает, а приглашает примерить на себя одеяния своих собратьев по духу – творческих людей разных эпох. «Примерить» – это, конечно, художественный образ: читатели благодаря своему воображению во время творческого погружения просто вынуждены залезать в шкуры исторических или придуманных литературных персонажей и, приросши к ним, сразу о многом задумываются.

Начинается все с того, что рассказчик неожиданно для себя застаёт плачущим молодого заводского художника. Подумаешь, украли с выставки его акварельные работы – еще напишет! Но дело разве в потере? Наоборот, в приобретении! Чего? Признания, конечно! Пусть оно и получено не общепринятым, а столь необычным способом...

Это и пытается объяснить плачущий от счастья и гордости за себя творец:

– Ты не понял... у меня украли **акварель!**

– Да понял я, понял! ...Ну и что теперь?... Понимаешь, поскольку укравшего не найти, то не рвать же волосы на голове и посыпать ее пеплом!

– Ты не понял... у меня украли **акварель...** значит, мои работы кому-то не только нравятся, но и нужны...

Почему раньше у художника не было признания? Потому что он не умел мастерски передать увиденное? Стало быть, считался бездарным художником – и уже смирился со своей участью? Придумал утешительное: «Они ничего не понимают в живописи!» И вдруг появляется надежда! Какое счастье испытывает человек, который, казалось бы, махнул на себя рукой... А если бы его работы так никогда и никого не затронули? Бездарность окружила бы себя еще бо́льшей воинствующей безнаказанностью – в черных делах тоже нужен особый талант!

Кто-то подметил: в каждой крупной личности есть что-то напечатанное мелким шрифтом. Я бы переиначил эту фразу применительно к большинству из нас: в каждой обыкновенной личности можно отыскать свой крупный шрифт!

Для меня как читателя во многом загадочным оказался рассказ «Рисунок неизвестного автора», где был запечатлен образ горящей свечи – образ символический, многозначный. В центре повествования – догадка автора о рисунке, таившемся до поры до времени в книге, приобретенной по случаю. Расследование, что легло в основу сюжета, содержит глухие намеки на связь авторского замысла с тайным орденом масонов.

«Полдень магов», «голубой арлеги» – все это не просто не связанные между собой обрывки фраз, а образы и персонажи из мистических легенд, что бытовали в СССР до тридцатых годов прошлого столетия. Освобожде-

ние от оков «голубого арлега» должно было по масонским предсказаниям спасти мир, избавив его от хаоса...

Какая роль здесь отводилась изображению горящей свечи? Это свет во тьме жизни, озарение, живительная сила огня или солнца, наконец, преобразование личности в горниле праведной жизни. Непродолжительность горения свечи – символ мимолетности жизни, а мягкость и податливость воска – символ готовности к послушанию и смирению. Белоснежность свечи символизирует просветленность желаний, очищение от суеты, созидание...

В то же время свеча – символ Божьей благодати и внутреннего света. Свет этот не только озаряет, но и просветляет наши души и в их глубине сохраняет самые высокие порывы. Свеча – образ духовного света во тьме невежества, она выступает важнейшим символом христианских традиций, являясь эмблемой Христа, Церкви, Благодати и Веры.

Без церковной свечи с благодатным огнем нельзя представить крестные ходы, странствия и паломничества. Она неперемнная участница церковных таинств и обрядов! Она – свет во тьме! Символ надежды. Символ горения человеческой души, ее стойкости и внутренней силы. Пламя всегда устремлено к небу. Три совмещенные свечи – Святая Троица, триединство мира.

Свеча напоминает человека, несущего свет: «Я трачу себя, служа другим». Зажигая свечи в храмах, люди присоединялись к небесному воинству. В Новый год тушили старые огни, зажигая новые, тем самым символизируя возрождение и обновление жизни.

Цвет свечи, несомненно, имеет значение: желтизна или золотистый восковой оттенок символизируют гармонию и порядок в мире. А еще это символ Божественного света при горении. В эпоху Возрождения появился девиз горящей свечи – *Sufficit unum (lumen) in tenebris*: во мраке достаточно одной (свечи). Лукавый любыми способами пытается задуть такую свечу, чтобы овладеть душой грешника!

В храме свечи имеют несколько духовных значений. Одно из них – жертва, готовность человека к послушанию и причастности к Божественному идеалу. Горящая свеча – еще и пламень человеческой любви к Господу, Божией Матери, ангелу или святым. Свеча кроме всего прочего символ памяти, когда ее ставят за упокой души перед распятием.

В повествовании Олега Янenaгорского свеча выступает символом веры человека и олицетворяет духовный свет во тьме невежества. Огонь свечи подразумевает трепетность и одиночество души. Не случайно же свечи возжигают у гроба умершего, чтобы их пламя рассеяло тьму смерти и способствовало переходу в иной сияющий мир.

Несомненно, что образ свечи в рассказе связан с преобразованием человека и двойственной природой самого Христа – человека и Бога. Свет свечи преображает хаос бытия: автор – поклонник высшей мудрости, и для него философская надпись на древнем свитке *Causarum cognito* (знание вещей по их высшим причинам) – не пустые слова! Он всегда следует двум законам в жизни – моральному (*Moralis*) и естественному (*Naturalis*).

Про дерзания настоящего художника нельзя сказать, что он напрасно тратит масло и труд, поэтому данная «алхимическая» формула – *Oleum et operam perdis* – подходит в большей степени персонажам из других рассказов Олега Янenaгорского – «Торс юной девственницы», «Подпись – это просто совратительница», «Моя коллекционная гордость». В них он

высмеивает людей, проявляющих свое отношение к искусству через претенциозность, глупость и суетность.

Невольно вспоминаются фламандские художники XVII века, изображавшие портретистов иронично в виде обезьяны. Это животное появилось на их картинах не случайно: обезьяна любит подражать и передразнивать. Искусство живописи, в конце концов, только имитация реальной жизни, а не сама жизнь! Поэтому авторская насмешка, которую можно обнаружить в рассказах Олега, – еще одно подтверждение латинской пословицы – *Ars simia naturae*: искусство – обезьяна природы. Воздав всем по заслугам, не забыв о праведниках и грешниках, автор строго придерживается принципа, известного еще со времен преданий старины глубокой: «Одинаково почетны и похвала достойных людей, и осуждение недостойных».

Многие герои Олега Яненагорского еще надеются: пробьет рано или поздно их звездный час! Они так же близки к истине, как многоугольник к кругу. И все же они на пути к ней! Ибо чем больше число углов вписанного многоугольника, тем ближе он к кругу, если считать эту фигуру символом вечности...

А по сути что мы знаем об истине? Автор исподволь нам пытается объяснить: ее невозможно постигнуть такой, какова она есть и чем представляется нашему разуму. Все писатели искали эту истину – и что же? – никто ее не нашел такой, какова она есть! Но чем глубже будет её безуспешный поиск, тем ближе мы подойдем к самой истине.

Согласно мысли Олега Яненагорского, его герои не рождены для счастья и наслаждений. Их жизнь полна страданий и катастроф, а они не всегда бывают готовы к ним. Однако лучшим из них присущи умеренность, мужественность, рассудительность и справедливость. В мире, где все предопределено необходимостью и подчиняется этой необходимости, рано или поздно они постигают простую мысль: покорность, выносливость и стойкое перенесение жизненных невзгод есть достояние свободы...

Собственно, приход к этой идее является сюжетом многих произведений автора. Если все предопределено, если ничего в мире нельзя изменить, надо найти такой достойный выход из сложившейся ситуации, чтобы он позволил уважать себя и сохранять хотя бы внутреннюю свободу.

Рассказы о писателях покоряют своей обнимающей и все оправдывающей сочувственностью. Здесь и речи нет о литературных посредственностях! Олег Яненагорский давно усвоил урок из чеховского «Ионыча»: бездарен не тот, кто не умеет писать и не стремится к этому, а тот, кто постоянно пишет и всем надоедает своей ничтожной значимостью! Так рождается горе не столько от ума, сколько от заблуждений в праве на собственный голос в обществе.

Проблема истинного и ложного творчества появилась в обществе не вчера: истоки её в том, что бездарность легче прощают, нежели талант. Ибо талант, помноженный на творческий поиск, и выворачивание собственной души наизнанку для его обладателя не просто дар, а в какой-то степени и адская мука. Но такой талант мучит не только его обладателя, но и в не меньшей степени его завистников. Однако люди творческие на своих недоброжелателей стараются не обращать внимания, ибо им гораздо важнее, уча других, самим не оставаться не наученными.

В рассказе «Пять дней и похмельное утро шестого...» автор демонстрирует читателям истинную цену творчеству, замешанному на нечеловеческих страданиях. Ведь неординарная личность в искусстве всегда

подобна горящей свече. Она рассеивает окружающий мрак, указывает путь другим, но и сама выгорает дотла...

Герой повествования – известный американский писатель О’Генри. Олег Яненагорский подбирает к описанию его страданий такие сочувственные слова, что и для читателей он становится поневоле близким человеком! И хотя истинный творец всегда одинок, Олег Яненагорский пытается разрушить границы подобного представления, отделяющих гениев друг от друга. Все они – далекие и близкие, древние и современные, отечественные и зарубежные – наше духовное богатство!

В благодарном читательском сердце настоящий мастер никогда не станет «нашим» или «ненашим». Все талантливые люди, воспевающие добро и справедливость, независимо от национальности для нас, читателей, всегда свои! Поэтому так по-родственному звучат его слова признательности и любви к гению американской литературы: *«Порою мне кажется, что я вижу этого несчастного человечка, мучимого похмельем и с тоской глядящего по сторонам... Его знакомые уже догадываются о том, что скоро он умрёт от цирроза печени. И только я знаю, что это не так! Точнее, не совсем так... Может быть, он умрёт вовсе от другого – мучимой его тоски?»*

Ах, Билли, Билли! Мне хочется присесть рядом с тобой на скамейку и утешить тебя добрым словом... Ты неожиданно вошёл в мою жизнь, когда мне было всего десять или одиннадцать лет, когда я впервые узнал о твоей жизни... Билли, Билли, вот уже больше сорока лет во мне живет частица твоей души... Я читаю и перечитываю твои веселые рассказы...

Наверное, это твоя мысль сейчас шевельнется во мне, пытаясь в глубинах памяти нащупать сюжет или ту единственную фразу, с которой начнётся и мой рассказ о тебе...

А пока он, мой старинный приятель Билли, каждую неделю относит в редакцию газеты то, что рождается на скамейке Центрального парка, и получает взамен за это свои сто долларов. Каждую неделю тысячи читателей с нетерпением ждут его нового юмористического рассказа.

Судьбы героев этого несчастного, забывающегося с помощью виски человечка с грустными глазами, будет гораздо успешнее, если не счастливей! Они намного переживут своего автора, сборники рассказов и повестей которого будут продолжать издаваться в десятках стран. Миллионы людей будут до слез смеяться над похождениями его славных жуликов... и проникаться его добротой и грустью, они станут свидетелями обаятельного мошенничества, постигнут всевозможные университеты жизни, запечатлеют себя вместе с литературными персонажами на фоне прерий и городских кварталов, скалистых гор и океанских просторов...».

Этот фрагмент рассказа замечателен тем, что являет собой не только признание читательской любви к художнику. Перед нами еще одна попытка национальной «всеотзывчивости». И она мне весьма симпатична благодаря своему глубокому и трогательному смыслу на фоне иных умных и проникновенных речей некоторых коллег Олега Яненагорского по творческому цеху о тех или иных недостатках творческих людей. Слушая их, начинаешь понимать, что порою произносят их в сущности тупые и бесчувственные типы. Мыслить им трудно, поэтому они все осуждают. Лучше уж наивная благожелательность неискушенного читателя!

И тут я сразу вспоминаю первую встречу героя Отечественной войны 1812 года, казачьего атамана Матвея Ивановича Платова с историком и

писателем Николаем Михайловичем Карамзиным. Генерал налил в чаши рому и сказал: «Очень рад познакомиться, я всегда любил сочинителей, потому что они все пьяницы».

После той исторической встречи прошёл век почти с четвертью, и уже новый литературный классик по-своему высказался не столько о личностях творческих, сколько привлекательных: *«Недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы. Такие люди или тяжело больны, или втайне ненавидят окружающих»*. Прошло еще несколько десятилетий, и теперь уже не писатель Михаил Булгаков, а его тезка – сатирик Жванецкий – провозгласил с эстрады: *«Нормальный человек в нашей стране откликается на окружающее только одним – он пьёт. Поэтому непьющий все-таки сволочь»*.

Складывается впечатление о героях Олега Яненагорского, что они тоже люди не второго сорта: любят погулять в застолье, но при этом ни в коем случае сознательно не употребляют ни осетрины второй свежести, ни помоев, которые барыги выдают за алкоголь...

Но здесь по большому счету дело вовсе не в пьянстве! Страдающего человека до конца сможет понять только такой же страдалец. В России, слава Богу, эта формула понимания еще действует. Такое духовное единомыслие, к сожалению, редкость в «сытом», бесконечно далеком от «голодного», обществе, хотя и в нём хватает пьяниц.

Давно подмечено, что там, на Западе, писатель – обыденная профессия, как официант или портье, и как-то неловко, упоминая о ней, размышлять об её издержках – муках творчества. С той поры, когда Евгений Евтушенко изрёк: «Поэт в России больше, чем поэт», – эту фразу никто так и не смог опровергнуть. Наверное, потому, что русскому писателю, как и большинству русских людей, свойственно копание внутри себя и личная неустроенность жизни. Даже чувствуя прилив творческих сил и успешное завершение очередной трудной задачи, он не хвалит себя, а напротив, бранит.

А случись перемена в жизни к лучшему, то пришедшие сытость и праздность начинают развивать в русском писателе, как бы сказал Чехов, самомнение, самое наглое, и такой деятель начинает использовать своё перо не по истинному предназначению, заставляя читательскую публику жить миражами в отсутствии настоящей жизни.

Олегу Яненагорскому ближе своя реальность. На примере упокоения Василия Розанова, национального мыслителя и публициста, он пытается намекнуть нам не о смирении и бунте вокруг творческой личности даже за гробом, хотя если вспомнить фразу покойного «смерть есть то, после чего ничто не интересно», то одно это должно нас примирить со всем прошедшим...

Богослов Павел Флоренский был настолько потрясен символизмом похорон своего товарища, что не преминул сообщить о случившемся художнику Михаилу Нестерову. Когда тело опустили в могилу бок о бок с Константином Леонтьевым – другом и наставником покойного, «все было мирно и благолепно, без мишуры, без фальшивых слов, по-дружески сосредоточенно. Однако это был лишь просвет. А потом и пошло, и пошло... Словно все бесы сплотились, чтобы отомстить...».

Месть за то, что Розанов ускользнул от них, не заставила себя ждать! Флоренский писал: «Для могильного креста я предложил из Апокалипсиса, на котором В.В. (Розанов – М.Р.) мирился со всем ходом мировой

истории: «Праведны и истинны все пути Твои, Господи». А далее Флоренский повествует об ужасе, охватившем всех, когда они прочли надпись на поставленном кресте: «Праведны и немилостивы все пути Твои, Господи».

Олег Яненагорский в своем рассказе-миниатюре этой символической фразой не собирается ставить финальную точку в судьбе писателя. Читатели, по его мнению, должны сами разобраться в произошедшем и сделать свои выводы. Кто-то из них не удивится: в конце концов, человек только лишь предполагает...

Кто-то вспомнит о том, что сам Розанов при жизни был личностью весьма противоречивой. И это верно! Он мог публиковать в различных журналах прямо противоположные мнения по одному вопросу, при этом справедливо считая, что ему не хватало ясности в понимании предметов, о которых он писал, открытости и настоящей деятельной доброты. Да! Таков русский человек – совсем не педант, застѣгнутый для других на все пуговицы.

Истинный писатель всегда творец, который сродни пророку. Он тоже пытается духовно служить людям. Когда Иисус Христос посылал двенадцать Своих учеников на апостольское служение, то заповедовал: повествуйте людям о приближении Царства Небесного, больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте (Мф. 10, 7–8).

Такова была сила Слова, дарованная Господом как драгоценное сокровище, которое нисколько не потеряло своей ценности, не оскудело, не отнялось и сегодня у людей крепких духом и талантом: им порою доступно многое непостижимое для нас.

Язык писателя не только с каждой новой эпохой кардинально меняется, но и становится проще, особенно в последнее время. Зачем современному сочинителю индивидуальный почерк? Читатели привыкли к тому, что для них в средствах массовой информации пишут как можно короче и с подачи компьютера не без помощи англицизмов.

Олег Яненагорский как человек достаточно мудрый не терпит резких движений в перемене литературного языка и стиля. Здесь он в хорошем смысле слова консерватор со своим ироничным подходом к изложению материала. Нормальный литературный язык стал в последнее время подзабываться, и «новаторы» по-холуйски пытаются следовать западным трендам, таким образом «прикрепляя» себя к новомодным открытиям постмодерна.

Если в Средние века центром мировоззрения был Бог, в Ренессансе – сам человек, а в эпоху Просвещения – разум, в XIX столетии – душа и сердце, то теперь уже и не Бог, и не человек, а свобода выбора, во что верить и верить ли вообще. Общество и каждый его член сами пытаются конструировать свою реальность. Нынешнее время не отражает какой-то единой цельной философской системы, оно – скорее «разочарованность» в былых ценностях.

Но для Олега Яненагорского реальный мир никогда не был иллюзорным, хотя его истины далеко не однозначны. Они многогранны! Да и сам человек творческий постоянно меняется – изначальное понимание бытия меняется и расширяет горизонты.

Познает художник этот мир или всего лишь интерпретирует его? Хороший вопрос!

Чтобы на него ответить, нужно быть духовно свободным и не идти за читателем, а быть впереди его, не угождая властям и дуракам. Для Олега

как практика-романтика неприемлемо быть крепостным художником, хотя еще три десятка лет назад в советской словесности некоторым это явление не казалось ярмом. Напротив, было итогом целенаправленных и выстраданных достижений или стечением обстоятельств для литературных мэтров. Иными словами, долгожданным было счастье поселиться «у власти за пазухой» со всеми вытекающими отсюда льготами. Впрочем, многое зависело от свойств лака, которым покрывалось содержание художественных произведений!

По этой причине Олег Янenaгорский не любит лакировки прошлого, но с другой стороны, не осуждает это прошлое: пусть все там остается так, как оно есть. Не любит он лозунгов, черно-белых тонов и наложения клейма даже на тех персонажей, которые ему явно не симпатичны. Хотя и у него как человека родом из СССР есть свои пристрастия...

В повествовании о художниках и писателях главными у Янenaгорского являются не сюжет, не язык, не нагромождение каких-то удивительно непостижимых образов, но умение рассказчика передать стиль эпохи и поведение своих персонажей. И тогда в описываемых историях не играет решающей роли отсутствие полной их достоверности. Мы просто верим на слово автору, когда он приводит нам поведенческие и этические модели всего происходящего с творческими личностями – известными и не известными истории персонажами.

Все его герои за некоторыми исключениями при внимательном знакомстве имеют немало общего. Оно проявляется в отношении к мирозданию и обществу, в принятии на себя ответственности за собственные мысли и чувства, устремления и поступки. Подобная мотивация требует от личности осознанного решения в выборе достойного поприща, связанного с искусством. Совсем не просто, а порою трагично преодолевается косность обыденного сознания. Творчество настоящего писателя призвано выйти за грань разума, чтобы не впасть в соблазн на пути истинного познания мира. Уверен, повстречайся с таким чудачком, что украшает мир, Фридрих Великий, он бы по достоинству оценил такую правдивую личность.

Почему я вдруг вспомнил этого прусского императора? Да потому что с ним произошел интересный случай, который уместен в наших рассуждениях на тему «Власть и писатель». Инспектировал он как-то берлинскую тюрьму. Все заключенные клялись, что невиновны, и только один признался, что сидит за ограбление. Что тут поделаешь? Фридрих приказал немедленно вышвырнуть из тюрьмы этого грабителя, чтобы тот не влиял дурно на собравшихся здесь порядочных людей. Так и в искусстве: все хотят быть причастными к нему, но при этом обязательно вкушать пряники, которых всегда не хватает на всех...

А вот у Сталина не хватило проницательности разглядеть до конца настоящий литературный талант! Он так и не смог окончательно спасти Михаила Афанасьевича Булгакова от гонений литературных бездарей, проходимцев, приспособленцев и просто мерзавцев. Своей судьбой Булгаков подтвердил мысль о том, что только через страдание приходит истина... Но за знание истины в стране строящегося социализма гонораров не платили и пайков не выдавали.

С болью читаешь строки О. Янenaгорского о последних днях жизни Михаила Афанасьевича на исходе 1930-х в СССР. Каждая фраза несет в себе особый, документально зашифрованный смысл. Эти обрывки фраз загнанного, но до конца не сломленного человека можно сегодня воспринимать как послание из прошлого.

Вот только несколько фраз оттуда, из самого пекла преисподней, когда писателя бросало то в жар, то в холод.

«И что там наверху? Звезды или лампы... Они говорят мне – не падай духом... мы еще мерцаем...»; «Что же делать мне с телом... Увы, я жалею его, но не могу оскорбить закон...»; «Мастером быть трудно, но им надо быть обязательно...»; «На Голгофу, на Голгофу ведут бродячего философа...»; «Против меня был целый мир – и я один...»; «Рукописи не горят... Горит бумага. А слова поднимаются к Богу...»; «Муза! Муза моя! Он вспоминал ее глаза, тот ужас, что отражался в них...».

Читаешь и уже не понимаешь, кто говорит с нами – сам Михаил Афанасьевич или Олег Яненагорский, перевоплотившийся в его образ.

А это, несомненно, означает только одно – «Ничего не проходит» или не проходит – просто так, само по себе. Следовательно, и рукописи не горят – и творчество продолжается, как и мышьяная возня рядом с ним. И все это фиксируется в глобальном информационном поле, буквально всё-всё, что когда-то происходило, происходит в данный момент и будет происходить в будущем. Надо только присмотреться и прислушаться, имея глаза и уши, как это делает Олег Яненагорский.

Сам он не претендует на гениальные открытия и предупреждает об этом своего читателя в обращении к нему, открывающим книгу: пусть её содержание «притормозит» бег по кругу всегдашней суетливой жизни, и потому, может, имеет смысл задуматься о сути человеческого Бытия?

Константин КРАВЦОВ

В ВЕСЕЛЬИ И ТАЙНЕ

– А все-таки мозги у вас, Осип Эмильевич, еврейские, – посетовал как-то, говоря с Мандельштамом, Сергей Клычков.

Тот не стал спорить, но заметил, что стихи у него русские. С чем его собеседник с радостью согласился.

Один мой знакомый писатель, помнится, спросил у иудейского ортодокса, что он думает о Мандельштаме. «Он был плохим евреем», – ответил ортодокс. Что это значит? По-видимому, то, что поэт-мученик был христианином, причем уникальным, единственным в своем роде. Христианином и русским поэтом.

Он пил *холодный горный воздух христианства*, еще не расколотого на конфессии – первохристианский воздух будущего, для которого, по его словам, и пишет поэт. Но уместнее в этом случае говорить не столько о будущем, которое, не успев стать настоящим, становится прошлым, сколько о *новом*. Новом в ново-заветном смысле: новом небе и новой земле.

Поэзия, по Мандельштаму, «наступающие губы»: поход и прорыв в то из-мерение, где

*Воздушно-каменный театр времен растущих
Встал на ноги, и все хотят увидеть всех –
Рожденных, гибельных и смерти не имущих.*

Здесь театр – то же самое «радостное богообщение, как бы игра Отца с детьми», которое по Мандельштаму и есть христианское, сиречь подлинно свободное искусство («Пушкин и Скрябин»). Это именно «театр времен растущих», «воздушно-каменный», небесно-земной, сочетающий две природы. Сама поэтика отсылает здесь к халкидонскому догмату.

Воздух и камень соединились в одно целое – в театр, религиозный в своем истоке и по своему изначальному замыслу «синтез искусств», который не перестает быть при этом воздухом и камнем – двумя наиважнейшими для Мандельштама библейскими категориями. И этот «воздушно-каменный театр», созидаемый «как бы игрой» Духа («воздух») на «камне» (вспомним обетование Петру) и из «живых камней», есть по сути Церковь: «зернохранилища вселенского добра и риги Нового Завета», тот же «свет в круглой храмине под куполом в июле», где «все причащаются, играют и поют». Это и зрелище, и виденье, оно же и видение, сверхвиденье – созерцание человеческой истории через ее преломление в культуре как ее истории, духовной сердцевине.

Истории, понимаемой как трагедия в ее первоначальном понимании как религиозного по своей сути действия, приобщающего к божественному бытию. Таким образом, это и богослужение, которое тоже может быть названо «как бы игрой Отца с детьми» (именно *как бы*), и «театр военных действий»: трагедия человеческой свободы, по завершении которой будет дано «всем увидеть всех».

«Воздушно-каменный театр времен растущих» Мандельштама и есть его «раздвижной и прижизненный дом». Дом «здесь, на земле, а не на небе», и такое ощущение тоже свойственно первохристианскому опыту

Царства как реальности, данной здесь и сейчас. Не языческое «бессмертие души», а действительность Воскресения, переживаемая как радость, делающая возможной *игру* как внутри тебя (а ты сам прежде всего и есть Церковь – «Царствие Божие внутри вас есть») так и вовне – в этом обсто-
ящем тебя «театре».

Одновременно иудей, эллин и христианин, Мандельштам воспринимает христианство не как католицизм, православие и протестантизм, которым – всем трем – симпатизирует, но как «неисчерпаемое веселье». Этой радости мы и обязаны уникальности мандельштамовской поэзии и судьбы. И та и другая следуют с неизбежностью из убеждения в том, что историческому небытию можно противостоять, лишь встав на путь «свободного подражания Христу» как «вечного возвращения к единственному творческому акту, положившему начало нашей исторической эре» («Пушкин и Скрябин»).

Но этот «акт» – распятие, и значит «подражание» не может не быть в конечном счете сораспятием. И неслучайно «Пушкин и Скрябин» начинается именно с характеристики смерти художника как его наивысшего творческого акта. Таким образом, «игра Отца с детьми» – это крестный путь, тем более неизбежный в эпоху, когда антиисторические силы крушат *хрупкий позвоночник христианского летоисчисления*.

Стихи о «кремлевском горце» Пастернак воспринял как безумие и самоубийство, и с точки зрения человеческой он совершенно прав. Но человеческая логика зачастую только логика инстинкта самосохранения. По логике Мандельштама, безумием и самоубийством было не совершить этого безумия и самоубийства. Подписать себе смертный приговор было, по-видимому, единственной возможностью глотнуть «ворованный воздух», отказаться от которого означало впасть в иудин грех «разрешенной литературы».

Деля *всю* мировую литературу на «мразь» и «ворованный воздух», Мандельштам отделяет зерна от плевел как ангел при последней жатве. Ангел, как известно, вестник, каковым и сознавал себя Мандельштам: «не бумажные дести, а вести спасают людей». А если так, то каждый пишущий поставлен перед выбором между культурой как «свободным подражанием Христу» и тем или иным отрицанием, уходом от этого «подражания». Поэтому сказать, что «разрешенная литература» – это повторение *уже решенной* кем-то художественной задачи, еще не сказать всего. Речь ведь идет не только и не столько о художественных задачах, сколько о сверхзадаче житнетворчества (творчества как жизни и жизни как творчества):

*И бороться за воздух прожиточный –
Это слава другим не в пример.*

Именно наличие или отсутствие *такой* борьбы и отличает одну литературу от другой, особенно когда воздух очевидным образом отнят. И отнят не только у поэта – отнят у всех:

*Из густо отработанных кино,
Убитые, как после хлороформа,
Выходят толпы. До чего они венозны,
И до чего им нужен кислород!*

Кислород этот может быть только украден, но у кого? Разумеется, у князя воздушного, представленного земными инстанциями и персоналиями. И потому-то это и *слава другим не в пример*, что вести такую борьбу означает не только «изменить что-то в самой структуре русской поэзии», но и в структуре «мира сего». Решить задачу, превышающую человеческие силы, так как литература, «на-писанная без разрешения», вообще не пишется («я ничего не пишу», заявляет он в «Четвертой прозе») – она записывается как свидетельство, необходимое как воздух и сама является воздухом. Тем воздухом, которым каждый задыхающийся ученик – ученик Того, Кто задышался на кресте и умер от разрыва сердца – дышит «в весельи и тайне».

Станислав ЛОМАКИН

К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского

Мыслитель, пророк, гений

Явление Федора Михайловича Достоевского (1821–1881) – событие мирового значения в истории русской литературы, философии в целом русской, мировой культуры. Его творения наполнены глубоким философским содержанием. Как мыслитель экзистенциального склада, он ставит человека в центр своей картины мира, картина эта покоится на воспевании человека, при погружении в самые темные глубины движения человеческой души.

В своих произведениях писатель-мыслитель поднимал гуманистические проблемы, мировоззренческие, социально-политические вопросы религии, философии, истории, этики и эстетики. Достоевский родился в семье врача в Москве. Предоставим ему слово: «Я происходил из семейства русского и благочестивого... Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть ли не с первого года; мне было всего лишь десять лет, когда я знал почти все главные эпизоды русской истории».

После окончания военно-инженерного училища в Санкт-Петербурге Достоевский работал в инженерном ведомстве, но вскоре вышел в отставку, посвятив себя писательству, начав свой творческий путь в традициях гоголевской «натуральной школы». Уже в первом своем большом произведении «Записки из подполья» после возвращения из Сибири, отсидки как участника кружка М.В. Петрашевского, Достоевский поднимает вопросы о свободе и материальном благоустройстве, противопоставляя их друг другу, подчеркивая, что свобода дороже всякого материального благополучия. Видимо, сказалась 4-летняя каторга и 6-летняя служба в солдатах.

Кульм материальных благ, к которому стремится «социалистический муравейник», он отвергает и пророчествует, что будущее общество должно на первое место ставить культуру, духовность, «сохранять нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность, духовность и нашу индивидуальность».

Достоевский гениальный диалектик, противоречащий самому себе. В романе «Преступление и наказание» писатель-мыслитель разоблачает «соблазны свободы», связанные с универсальными бинарными характеристиками любого конкретного индивида, подчеркивая, что беспредельная свобода приводит к богоборчеству. «Смирись, гордый человек», – взывал писатель в своей речи о Пушкине. Эти идеи не потеряли своей актуальности и в наше время. Характеризуя Раскольникова, не имевшего твердой нравственной опоры в голосе своей совести, «совесть без Бога есть ужас», Достоевский открывает перед ним и другими людьми два пути.

Один путь – это путь к Богу, святости ко всем людям, к миру. Второй путь – путь к самообожествлению «гордого человека о праве на преступление» для людей, стоящих по своему социальному статусу, развитию выше низких слоев социума. Вопрос о существовании Бога мучил мыслителя всю жизнь, все его творчество пронизано религиозно-философскими исканиями, попыткой глубоко проникнуть в «тайны человека».

Достоевского на всех этапах творчества занимали проблемы веры и неверия, добра и зла, смысла жизни, свободы и ответственности, страсти и долга, рассудка и морали. Эти вопросы поставлены в «Дневнике писателя», «Легенде о великом инквизиторе», «Братьях Карамазовых», «Идиоте», «Бесах», «Записках из подполья». В них философия Достоевского исполнена пророчеством духа, здоровой реакцией души на глубины и высоты, в которые проникал его гений.

В романе «Бесы» писатель предсказал этапы развития и потрясения России на целый век. Он высказывает такое суждение: «Я пытался изобразить те многообразные и многообразные мотивы, по которым даже чистейшие сердца способны к чудовищным злодеяниям. Это не у нас одних, это на всем свете так, всегда с начала веков, во времена переходные, во время потрясений в жизни людей, сомнений и отрицаний, скептицизма и шаткости в основных нравственных понятиях».

В «Бесах» Достоевский обличает теоретика Шигалева и практика-организатора Верховенского с их утопической идеей, она преподносится пророческому гению как реальная опасность, угрожающая человечеству. Писатель разгадал подлинный, сатанинский лик грядущей революции. Мыслитель был противником всяких революционных преобразований, полагая, что нельзя искоренить зло, заложенное на генетическом уровне, в человеческой природе.

Антропология Достоевского касается глубин человеческого духа, отражает этические начала в человеке, но и помутнение сердца и духа в разных ситуациях, ему принадлежат слова о том, что «все за всех виноваты».

Достоевский скептически относился к революционным идеям, идущим с Запада, исчерпавшего, по его мнению, ресурсы своего положительного влияния на русского человека. Можно не согласиться с пророком, так как до сих пор имеет место вестернизация России, а число либералов-западников не уменьшается до сих пор и в первой половине XXI столетия. «Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами», – призывал писатель общество обратить свои взоры на Восток, кстати, с этими призывами обращались М. Лермонтов и И. Ильин.

Главными пороками западной цивилизации, ее культуры Достоевский считал отсутствие в ней «братского» начала, превращающего общество в муравейник, эгоизм, утилитаризм, индивидуализм. Писатель выдвинул христианскую идею соборности и братства – идею «всечеловечества».

Многие исследователи творчества Достоевского причисляют его к славянофилам второго поколения, получившим название почвенничества, представленных выдающимися писателями, учеными Н. Страховым, К. Леонтьевым, Н. Данилевским, А. Григорьевым, В. Розановым. Достоевский в своих творениях, не идеализируя русский народ, противопоставляет его другим нациям, акцентируя характерные черты, такие как отсутствие национального эгоизма, неудовлетворенность собой, страстное стремление найти истину.

Эти черты, по мнению мыслителя, формировались общинным ведением хозяйства. Община, соборность, коллективизм – основа существования русского человека, величайшая форма человеческого общежития. «На Руси, – писал Ф. Достоевский, – общинное начало существует уже как данное жизнью и ждет благоприятных условий к своему большому развитию. А главным образом тут должно обратить внимание на то, с каким

упорством народ отстаивал целые века свое общественное устройство и все-таки отстоял...».

Русский человек, по мнению писателя-философа, существует и проявляет себя в православии. Великое множество людей исповедует христианство, но только один народ в мире есть «народ-богоносец» – это русский народ, который как никто другой верит во все догматы христианской церкви и ее предписания, исполняет их в обыденной жизни.

Хранителем и носителем православной веры, считал мыслитель, являются три части русского народа: крестьяне – истинные православные люди, носящие в своем сердце Христа; монашество, старчество, старообрядцы (Достоевский общался со старцами Оптиной пустыни), и это, видимо, не могло не сказаться на его отношении к институту старчества.

«Русский народ весь в православии и идее его, более в нем ничего нет – да и не надо, потому что православие все... кто не понимает православие, тот никогда и ничего не поймет в народе. Мало того, тот не может и любить русский народ, а будет видеть его лишь таким, каким желает видеть».

Мыслитель в своих произведениях часто возвращался к мысли о том, почему русский человек, будучи всечеловечен и милосерден к любому представителю другой нации, не имеет чувства уважения к своей нации, Родине. Эту точку зрения писателя разделяли многие русские мыслители в различные периоды развития России, их замечание очень верно и для нашего времени, людей, вступивших в третье тысячелетие.

Определенная часть людей в нашей стране становится ксенофилиями. Термин этот с греческого означает любовь ко всему западному и, соответственно, сопровождается неуважением и даже ненавистью к русской культуре, народу. «Стать русским – значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас начнет и нас самих уважать», – учит нас Достоевский.

Неожиданно вспомнил несколько строк А. Пушкина, посвященных отдельным русским индивидам, которым чужда Россия, ее культура и все, что связано с ней:

*Ты просвещением свой разум освятил,
Ты правды чистый свет увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил.
И мудро свой возненавидел...*

Отголоски такого отношения к западной цивилизации, почвенничества, мы обнаруживаем в произведениях выдающихся писателей второй половины двадцатого столетия и начала третьего тысячелетия: Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Белова, Н. Рубцова, В. Шукшина, Вл. Солоухина, В. Личутина. Их, наверное, по праву можно причислить к славянофилам третьего поколения.

Об одном пророчестве Достоевского, которое еще не осуществилось, хочу подчеркнуть особо, его интуиция стала духовным достоянием не только России, но и всего человечества. Писатель-философ считал, что в мире наступит такое, когда придет антихрист. Позднее с подобными идеями в своих философских трактатах обозначились великие мыслители: Вл. Соловьев «Повесть об антихристе», Ф. Ницше «Антихрист. Проклятие христианству».

Достоевский в «Дневнике писателя», обличая западную культуру, писал, что священные камни ее оплаканы, она уже не может влиять позитивно на другие народы. Люди соблазнились материальным благополучием и вследствие этого они ближе к антихристу, нежели к Христу, они поклоняются не Богу, а дьяволу. Надо признать, подобное наблюдается сегодня и в России, где социальное расслоение представляет угрозу социуму.

Мыслитель критикует католичество, которое, по его мнению, уже не христианство и переходит в идолопоклонство, протестантизм семимильными шагами переходит в атеизм – зыбкое, текущее, изменчивое (а не вековечное) правоучение. Западные стратеги ставят целью разрушить русский духовный национальный менталитет через разрушение и уничтожение православия в России. Об этом мечтал ярый русофоб, ныне покойный американский политолог З. Бжезинский, который считал, что православие мешает уничтожению России.

Достоевский во второй половине XIX столетия считал: спасти нашу страну от антихриста, недругов может только православное государство Россия. Удивительное явление в русской культуре – Федор Михайлович Достоевский. Чем больше читаешь его сочинения, тем больше находишь сегодня ответы на волнующие вопросы. Это означает, что философское серьезное осмысление его творческого наследия будущими поколениями еще впереди.

Великий этимолог, лексикограф XX столетия

«Академик Олег Трубачёв – гениальный учёный, один из самых крупных и высоких интеллектов в мировой славистике и индоевропеистике».

Л.А. Гиндин.

Великому учёному Олегу Николаевичу Трубачёву (1930 – 2002) в этом году исполнилось бы 85 лет. Он родился в Сталинграде в семье врача, с раннего детства его окружали книги, культ книги сопровождал будущего учёного на протяжении всей жизни. В воспоминаниях о детстве Трубачёв писал: «Я вырос в семье, где любили книгу, отец, врач, собрал неплохую библиотеку, мама научила меня немецкому, английскому, французскому языкам».

Вторым страстным увлечением Олега Николаевича было изучение иностранных языков, по словам жены академика, профессора Г.А. Богатовой, он выучил более 50 языков. Коллеги, работавшие с ним в Институте русского языка, утверждают, что академик владел 63 языками, в архиве учёного обнаружены заметки, пометки, записи на 68 языках.

Будучи школьником, Трубачёв проявлял большой интерес к географии, истории, филологии, ко всем гуманитарным дисциплинам. У него не возникло разномыслия относительно своего будущего, после окончания средней школы он поступил в Днепропетровский университет на филологический факультет. И уже на первых курсах начал заниматься научными исследованиями, связанными с историей славян-

ских терминов и их родством с некоторыми древнейшими терминами общественного строя. Этими же вопросами он занимался во время учебы в аспирантуре в Москве, написав несколько статей, которые были объединены в монографию, а затем вышли отдельной книгой в 1959 году. Книга «История славянских терминов» была замечена отечественными и мировыми славистами, получила высокую оценку учёных и переведена на несколько языков.

В данной работе ученый попытался рассмотреть эволюционный характер развития языковых терминов славянских народов, от индоевропейского состояния до современной лексики славянских языков, включая богатый диалектный материал. Посредством эволюции языковой терминологии, этимологического исследования Трубачёв запечатлел самую глубокую историю развития общества, народа и его культуру, привлекая огромное количество фактического материала и научной литературы.

Вслед за этой работой последовали другие: «Этногенез и культура древнейших славян», где показаны истоки словообразования, этимология их, этническая интерпретация, «Происхождение названий домашних животных в славянских языках», первый опыт исследования данной сферы славянской лексики, «Ремесленная терминология в славянских языках» – докторская диссертация, в которой подняты проблемы ономастики (топонимии, антропонимии), «Славяне и Европа», показаны различия культур и их носителей, созидателей, «К истокам Руси. Народ и язык», «Из истории языка Древней и новой Руси» и др.

Когда читаешь работы Трубачёва, испытываешь свободный полёт мысли живого русского ума, наполненность каждого слова глубоким смыслом, ёмкостью, краткостью, точностью. Во всех своих многочисленных книгах и статьях, выступлениях на международных конференциях, посвящённых славянским языкам, мыслитель выделял такие понятия, как русскость, духовность, справедливость, необходимость единения славянских народов, речь идёт о сохранении и развитии национального самосознания.

Единство славян, считал учёный, наиважнейшая тема, ибо сознание этого единства входит в самосознание самих славян. К сожалению, нынешние славянские народы разобщены, и как жаль, что они не следуют своим великим предшественникам, их идеям и помыслам, начиная с создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия.

«Подлинно великая страна не кончается там, где кончается её территория. Значительно дальше простирается влияние культуры великой страны, и это влияние идёт практически всегда через её язык, русский языковой союз – великое и достаточно уникальное наследие, в нём одна из гарантий сохранения единства страны и её культуры в будущем», – не раз доказывал академик, председатель комитета славистов России.

Особо необходимо отметить научно-публицистическую, просветительскую деятельность Трубачёва. Учёный читал лекции по ономастике, этимологии, лексикографии на семинарах «Славянский мир», «Высокое служение славянам». Циклы лекций, читаемые русским языковедом в университетах России, Англии, ФРГ, Франции, Сербии, Польши, США, Финляндии и др., пользовались большой популярностью, при этом лекции читались на языке приглашённой страны.

Трубачёв, работая в Институте русского языка, поставил перед собой задачу создать «Этимологический словарь славянских языков», к этому его подвигла работа над трёхтомным словарём Макса Фасмера «Эти-

мологический словарь русского языка». Многие коллеги сомневались в успехе мероприятия, для которого потребовалось бы, по их мнению, не один десяток лет, нужно было перевести с немецкого языка, сделать добавления и пояснения и т.д.

Учёный справился с этой работой за два года, превратив трёхтомник в четырёхтомник, введя в словарь множество новых этимологий, существенно пополнив лексический фонд. По подсчётам одного немецкого рецензента, дополнение Олега Николаевича составило больше одной трети по сравнению с немецким оригиналом. Главным делом своей жизни мыслитель считал создание «Этимологического словаря славянских народов».

Первые тома этого уникального труда появились в 1974 году, сегодня ученики и последователи академика издали 37 томов, до 14 тома весь текст принадлежит Олегу Николаевичу. Он называл себя шутливо «человеком-словарём». Этот колоссальный труд не имеет аналога в мировой славистике, отражающий бездонный кладёз народной мудрости, в которой не одно тысячелетие пульсируют богоносные смыслы славянских языков.

Поражает работоспособность учёного: в отечественной и мировой науке он явление своеобразное, уникальное. В последние годы жизни мыслитель хотел посвятить себя осуществлению грандиозного проекта «Русская цивилизация», однако развал СССР не позволил его реализации. Трубачёв писал: «Мы в большом долгу перед человеком в России, поэтому хотим любые знания рассматривать под углом зрения науки о человеке».

В последнем интервью Трубачёва, данном писателю Ю. Лошицу, разговор зашёл о статье члена-корреспондента РАН С. Арутюнова, опубликованном в «Независимой газете» от 7 августа 2001 года (делаю вольный пересказ статьи, не имея её под рукой). Речь в ней шла о том, что в процессе мировой глобализации и компьютеризации встанет вопрос о русской письменности, замене кириллицы на латиницу, чтобы Россия вошла на равных в число цивилизованных европейских государств. Академик с присущей ему честностью и принципиальностью сказал: «Автор разочаровал меня, подобные абстрактные рассуждения есть не что иное как антикультурный миф. Церковнославянская первооснова языка берёт начало в Кирилло-Мефодиевские времена IX века, эта азбука с нами столетия. И что же, мы всё это проигнорируем непонятно почему».

В разные периоды истории России сколько было нападков на русский язык! Вспоминаются слова М.В. Ломоносова, цитирую по памяти: «Языка нашего небесного красота никогда не будет поправа от скота» и Вл. Даля: «Я за русское слово, русский язык полезу на штык, на нож...».

Олег Николаевич Трубачёв – патриот земли русской из этой когорты людей, славянофил нашего времени, идеями которого будет подпитываться не одно поколение будущих учёных. Закончить свою статью хочу словами академика Е.П. Челышева, посвящёнными памяти мыслителя: «Иногда говорят, что незаменимых людей нет, однако пример академика Олега Николаевича Трубачёва опровергает эту мысль. К сожалению, так получается, что в нашей науке трудно найти ему замену».

КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр ЯРКОВ, Илья ЛОТКИН

«Тюменские таллинцы»

(к 80-летию начала Великой Отечественной войны)

Из тех, кто начинал воевать с 22 июня 1941 г., среди ныне живущих в нашей области – единицы. Между тем в Тюмени уже через два месяца оказалось более 300 человек, начавших свой боевой путь с тех первых дней войны. Речь идет о курсантах и командирах Таллинского военно-пехотного училища (ТВПУ), оборонявших столицу Эстонии, а затем эвакуированных в Сибирь. Судьба его выпускников и командиров пересекается с историей России и Эстонии. Лейтенант А.К. Грен (впоследствии заместитель председателя Совета министров Эстонской ССР, председатель Олимпийского комитета Эстонской Республики) в сентябре 1944 г. освобождал столицу вместе с другими «таллинцами». Н.В. Соловей стал членом Центристской партии Эстонии. Выпускником ТВПУ являлся и недавно ушедший из жизни профессор Тюменского госуниверситета Г.С. Бабкин.

В марте 2021 г. исполнилось 95 лет легендарному композитору А.С. Зацепину, написавшему более 300 песен и сочинившего музыку к 120 фильмам. В победном 1945 г. с историей ТВПУ пересекался его жизненный путь. Повоевать он не успел, но ветераном (как обучавшийся в военном училище в тот период) он является.

«За что воюем, братья?»

Судя по СМИ, большинство мужчин Эстонии в 1941–1945 гг. служили в СС и полиции, а оставшиеся были «зелёными» – лесными жителями, но с автоматами. Это не так: в РККА и партизанском подполье почти поровну с их численностью в подразделениях (включая вспомогательные) вермахта. Из «советских» погибло 21 200, ранено 19 600 человек, а 20 042 уроженца Эстонии отмечены наградами.

Заметим: разница в одну букву «н» в употребляемых в тексте названий символически отражает два подхода к истории войны. Это связано не только с ТВПУ, сочетавшего традиции Эстонской и Красной армий, но и правовыми аспектами межгосударственных отношений, как и симпатиями-антипатиями современников (16). Поэтому более важен ответ на вопрос: «Как поступал солдат, принявший присягу?».

Впрочем, ситуации встречались и «нелогичные». «Таллинец» Н.Г. Ваганов рассказал, что в 300-м стрелковом полку командиром и комиссаром (до войны служил в РККА) были эстонцы. Именно командир и комиссар «...изменили присяге и повели бойцов к немцам... Потом, когда Великие Луки были взяты нашими войсками, мы их пленили» (19).

Любопытно, что взаимопроникновение культур – эстонской и русской – проходило в армейской среде до того активно, что и в современной эстонской армии существует ненормативное *Tibla*. По мнению знатока, «...это калька с русского *Ti* и *Vla*, всем, думаю, понятных. Позаимствована она была тоже у военных-красноармейцев, пришедших в Эстонию в 1939–1940 годах».

Таллинское пехотное, ещё в Эстонии

В августе 1940 г. начато формирование ТВПУ. Оно создавалось не на пустом месте: в местечке Тонди располагались объединённые учебные заведения (KVÜÖA). Если в ТВПУ с 1 января 1941 г. там приступил к учёбе батальон, сформированный из участников боёв с Финляндией, призывников из Ленинградской, Новгородской и Псковской областей, то батальон из бывших граждан Эстонской Республики (эстонцев, русских, евреев, украинцев) начал занятия спустя два месяца (5).

Среди них оказался и И.А. Башманов. Он поступил в ТВПУ добровольно, отдавая себе отчёт, какой стране будет присягать. Н.Г. Ваганов вспоминал: «...наш полк стоял в Эльве... Оттуда был направлен, желал я того или не желал, на учёбу в Таллинское военно-пехотное училище... Среди первых 98 курсантов-политруков были А.К. Грен, Б.Т. Руднев, П. Гросс, Р. Киви и другие деятели Эстонии советского и постсоветского периода» (15).

В ЦК ВКП (б) 17 мая 1941 г. «подвели итоги» операции по превентивному выселению «антисоветского уголовного и социально опасного элемента», где по Эстонии арестовано 3 178, выселено 5 978 (2). Факты об участии курсантов ТВПУ в арестах разнятся даже в памяти участников» (15). За весь 1941 г., как установили источники, в советские лагеря было отправлено 4500 эстонцев, в т.ч. в Сибирь (17).

Сибирские эстонцы

Ещё в начале XIX в. в Тюкалинском уезде Тобольской губернии возникла лютеранская деревня Рыжкова. В 1861 г. на левом берегу Оми основана деревня Ревель (Viruküla), куда были подселены и участники антикрепостнических выступлений 1858 г. Появились эстонцы и в Восточной Сибири. И многие – в качестве ссыльноколотарных – «путешественников поневоле», питавших к труду стойкое отвращение. Лишь добровольно переселявшиеся с 1880-х гг. являли коренным сибирякам пример рачительных хозяев. К 1897 г. в Сибири жило 4 082 эстонца, больше 50% – в Тобольской губернии.

Перераспределение земли в Эстонии в пользу немцев привело к появлению в Сибири в начале XX в. более десятка новых поселений, которым давали имена: Эстония, Лифляндка, Оравская (Oravaküla), а созданное беженцами в 1917 г. именовалось только по-эстонски – Уускюла (Uusküla), что в переводе на русский означает новая деревня.

В отличие от других прибалтов эстонцы оказались менее политизированными, а созданная в марте 1918 г. в Омске эстонская секция РКП (б) имела лишь 40 коммунистов, где «почти все старые товарищи и активные деятели Эстляндии». Насильственная мобилизация в армию Колчака дала такой эффект: «мобилизованные латыши и эстонцы положительно ненадежный элемент».

Ситуация периода Гражданской войны во многом схожа с той, в которой оказались эстонцы в годы Второй мировой, где репрессии отражались не только на сибиряках (раскулаченных в 1930-х гг.), но и на самочувствии служащих бывшей Eesti sõjavägi, родственники которых оказались посланы в северные и сибирские области СССР.

Родной язык сибиряки не забыли, поскольку в сельской среде он законсервирован, а школы с эстонским языком и культучреждения поддерживали его бытование.

Война. Начало

Война застала взводы училища по отдельности, определив судьбу курсантов и их командиров. М.Г. Видякин вспоминал: «Утром 22 июня 1941 г. моё отделение за отличную учебу было поощрено увольнением в город. Но прежде нам надо было показать старшине оружие... Когда из репродуктора прозвучал голос Молотова о начале войны – у нас винтовки выпали из рук» (4, с. 42-43).

Курсанты строили «оборону от Пярнуского шоссе ... Примерно две недели мы рыли землю, а потом в Таллине стало беспокойно, и нас ... сняли с обороны и вместе с моряками ... бросили на наведение порядка в городе» (19). Из рассказа Н.А. Коваленко: «По ночам из окон верхних этажей зданий и чердаков, находившихся неподалеку от радиостанции, по нам стреляли эстонские националисты. Мы открывали по ним ответный огонь» (13).

В РККА было мобилизовано около 40 тысяч граждан республики (3, с. 617), а Эстонский корпус уже с 4 июля воевал. Именно в июле 1941 г. преподаватель училища капитан А.Б. Якушин и курсант В.А. Хохлов под огнём приближающихся танков противника взорвали мост, погибнув сами (5).

Будем справедливы: не все были верны присяге. Герой Советского Союза А.К. Мери вспоминал, что из 8 тысяч воинов корпуса около трети сдались в плен, а гитлеровцы распустили их по домам. «А остальные бились яростно... В живых осталось 620 человек. Их отправили в распоряжение военкоматов для того, чтобы обеспечить несколько месяцев отдыха».

Эвакуация. Сибирь

Насчет «отдыха» – спорное суждение. По распоряжению начальника главного политуправления и заместителя наркома обороны Л.З. Мехлиса остатки корпуса включили в трудовые батальоны, дислоцированные в Сибири.

ГКО СССР принял решение о передислокации ТВПУ в тыл (6, с. 98). Но была ещё дорога туда: «Когда наш поезд проезжал район Йыхви, нас с леса обстреляли бандиты ... эшелон остановился. Каждому курсанту были выданы боеприпасы: патроны и гранаты...».

26 июля эшелон прибыл в город Славгород, и короткое время училище даже именовалось Славгородским. Однако необходимой учебно-материальной базы на Алтае не оказалось, и училище перевели в Тюмень (20). Необычная форма («английская», образца 1936 г.) и незнакомый язык наделали много шума в провинциальном городе, а мальчишки забрасывали камнями. Не спасало и то, что среди курсантов были и тюменцы, такие как Д.П. Быков, гордившийся званием «таллинца» (4, с. 47).

Путаница же в наименовании от того, что первоначально Таллинское вошло в состав Тюменского, но уже с 20 августа стало называться Вторым Тюменским военно-пехотным училищем. Но и это название «не задержалось». В сентябре во исполнение приказа НКО СССР «Об отмене наименования военных училищ после их передислоцирования и с объявлением перечня наименований военно-учебных заведений Красной армии» имя «Таллинское военно-пехотное училище» восстановлено, сохранившись за ним до 14 декабря 1945 г. (4, с. 17).

Состав курсантов усилили, предпочитая уже имевших жизненный (как К.М. Эфрон – студент МГУ) (12) или боевой – как воевавший в

Ярвамааском истребительном батальоне В.И. Варе (впоследствии – генерал-майор).

Несмотря на разницу в возрасте и статусе, нагрузки на курсантов и офицеров неимоверны, но равны: подъём в 6 часов утра, отбой – в 23 часа. Теоретические занятия, огневая и строевая подготовка, ночные тревоги, марш-броски на большие расстояния – обычное явление (4, с. 49).

Г.С. Бабкин до последних дней жизни помнил, как фронтовик Васильев учил «...в первую очередь наблюдательности. На фронте важно видеть и запоминать все: окружающие строения, рельеф местности, растительность, отдельные объекты, их характер и расположение. Причем сделать это надо раньше, чем сделает твой враг. Это может спасти твою жизнь и твоих товарищей» (1, с. 64).

В политической подготовке «проседали» бывшие «буржуазные военспецы» и курсанты, плохо владевшие русским языком. Коммунистов-эстонцев, таких как А.К. Грен (7), было мало, а среди «русских эстонцев» оказалось немало «классово чуждого элемента» (в оценке коммунистов) подобных Н.В. Соловью. Из его воспоминаний: «Получил место псаломщика и регента хора ... Были планы продолжить образование в Духовной академии в Париже. Но пришёл 1940 год. И вместо Парижа оказался в ... училище» (18). Затем Соловей вместе с ТВПУ эвакуирован в Тюмень, где, полагаем, ему пришлось скрывать воцерковленность.

«Вам на фронт! А вам – отставить!»

Н.Р. Гушин был среди 550 лейтенантов первого тюменского (и досрочного) выпуска 10 сентября 1941 г., что отправились на фронт (8). Другая часть «таллинцев» вскоре тоже ушла воевать, не доучившись. Среди них оказался и будущий Герой Советского Союза В.А. Дышинский.

Ещё 24 октября 1941 г. секретарь ЦК КП (б) Эстонии Н.Г. Каротамм и зампреда СНК ЭССР О.А. Сепре обратились к И.В. Сталину с предложением создать Эстонскую стрелковую дивизию. Сообщалось, что большинство из 35–40 тысяч мобилизованных «...горит желанием бороться против гитлеровских бандитов». Судить о пафосности или искренности обращения не будем, приняв документ за импульс последующих событий.

18 декабря 1941 г. постановлением ГКО определён порядок комплектования рядовым и сержантским составом – из граждан Эстонской ССР (11).

Призвали и сибирских эстонцев, таких как А.Р. Саар (его сын – позднее бригадный генерал, командующий ВВС Эстонии), который служил в Еланске вместе с Х. Вазара, ставшим впоследствии солистом Таллинской оперетты. Как вспоминал Саар: «В формируемой национальной воинской части одно время даже не было советских уставов на эстонском языке и пользовались уставами старой эстонской армии, да и все команды в полку звучали тоже по-эстонски» (10). Ирбитским райвоенкоматом туда был призван и уроженец Нарвы, успевший послужить в эстонской армии А.И. Беляев (9).

К 11 марта 1942 г. военкоматы выявили на неоккупированной территории 30 631 гражданина ЭССР призывных возрастов, из которых 24 989 (по другим данным 26 445) выехали к месту формирования 7-й дивизии, что в Свердловской области (8). К 19 апреля там уже насчитывалось 9 738 эстонцев, 1 414 русских, 65 евреев, 2 татарина и 8 ингерманландцев, которых вообще-то должны были депортировать.

Военнообязанных эстонцев по стране выявилось больше, чем требовалось для одной дивизии. Было принято решение о формировании второй дивизии, а 6 марта ей дан номер 249. Туда направлены лейтенанты М.Э. Рооз, ещё в 1939 г. призванный Берёзовским райвоенкоматом (ныне в Тюменской области) (14) и знавший эстонский язык русский П.М. Рассторгуев.

Необычным было то, что находившееся в эвакуации руководство Эстонской ССР использовало дивизию как место сбора различных специалистов. Музыканты вошли во вновь созданные Государственные художественные ансамбли Эстонской ССР, постоянно выезжавшие на фронт. Среди них оказались Г.К. Отс и Ю.Е. Ярвет (Г.Е. Кузнецов), впоследствии ставшие народными артистами СССР.

Подлинные и мнимые «враги народа»

НКВД требовало не допускать «просачивания неустойчивых, классово-чуждых и морально разложившихся элементов, для чего ... личный состав, независимо от произведённой проверки на местах, пропустить через комиссию». Опасения оказались небезосновательны: выпускники ТВПУ встречали среди сослуживцев потенциальных дезертиров: «Далёкой родней мне был Колька Дмитриев... И он мне... предложил: «Давай перейдём к немцам»... В общем, крепко разругались мы с ним тогда».

Не стоит приукрашивать ситуацию – отмечены случаи неоправданной жестокости, скрытого сопротивления со стороны офицеров (да и курсантов) – бывших граждан Эстонской Республики. И.И. Бутенко вспоминал, что служба была тяжёлой, а эстонцы вели себя с украинцами и русскими довольно жестоко. В составе корпуса имелась и отдельная штрафная рота, которой командовал выпускник ТВПУ Белов.

В момент отправки на фронт в 249-й дивизии было 964 командира, 2 283 младших командира и 6 988 рядовых. Эстонцами являлись 857 командиров, 2 124 сержанта и 6 342 рядовых; русскими – 93 командира, 131 сержант, 513 рядовых бойцов, а 10 командиров, 13 сержантов и 79 солдат были евреями, и наконец 10 сержантов и 48 красноармейцев – эстонские шведы. Более того, указаны немцами младший лейтенант Э.А. Кох и младший сержант А.Р. Сальберг, что в условиях массовой демобилизации советских немцев из действующей армии (и направления в трудовые колонны) ещё осенью 1941 г. удивительно!

Заметим, что процент эстонцев в корпусе был выше процента эстонцев среди населения предвоенной Эстонской Республики (88,1% в 1934 г.), 82% воинов до войны вообще жили там. В рядах корпуса сражались многие будущие деятели культуры: композитор Р. Валгре (Р. Тийзель), поэт и публицист У. Лахт (Ону Таль) и другие, через творчество которых пролегла и тема войны. Так, в 1968 г. на студии «Таллинфильм» по мотивам романа «Два «я» Энна Кальма» бывшего политрука, а затем народного писателя Эстонской ССР и Героя Социалистического труда П.А. Куусерга был снят фильм «Люди в солдатских шинелях».

«Таллинские» традиции

Не все «таллинцы» ушли на фронт. С благодарностью говорил о них Ю.А. Шапотиленко: «...училище сформировало нас, а самое главное – научило дорожить честью офицера... Особенно запомнился капитан Коссе-салу. Комбат учил офицерской этике, даже как держать нож с вилкой,

как вести себя за столом, отработке командного голоса...». Э. Тульвисте прослужил всю войну в училище начальником боепитания (4, с. 46-49, 86).

Часть бывших «таллинцев», рассказывал тот же Ваганов: «человек 20-30, назначили командирами учебных взводов в своем Таллинском военном училище и в 1-м и 2-м Тюменских военно-пехотных училищах» (19). Преподавал «таллинцам» и недавний курсант – Е.С. Матвеев (впоследствии народный артист СССР), который рвался на фронт. В его воспоминаниях есть такой интересный факт: «Известен у нас в училище был аккордеонист Саша Зацепин. Сколько раз, бывало, после трудных учений говорил ему: «Саша, бери аккордеон – надо развеселить ребят!». Прошли годы, он стал известным композитором Александром Зацепиным».

«С самого начала службы, – повествовал А.Н. Бовкун, – не очень нравилась воинская дисциплина, требовательность командиров. Обидно было... Зато когда сам стал офицером, был благодарен своим командирам за полученную моральную и физическую закалку и воспитание. Чётко врезалось в сознание, что в армейской жизни мелочей нет, а дисциплина – основа существования армии» (4, с. 95). Офицеры на равных с курсантами переносили трудности (4, с. 126-127).

А.В. Нежданов с теплотой рассказывал: «Мне хочется отметить крепкую дружбу, войсковое товарищество, взаимовыручку. Своей задорностью запомнился курсант Григорий Чупок, ротный запевала. Наша любимая песня была «Ой, махорочка-махорка, породнились мы с тобой» (4, с. 78).

Н.Г. Ваганов обратился с просьбой отправить на фронт: «Он сказал: «Пиши рапорт!» Я написал рапорт и был направлен в 7-ю Эстонскую стрелковую дивизию. Кстати, тогда сразу в 7-ю дивизию влилось из нашего училища немало человек, – 400 командиров взводов и рот. В то время это была самая расходная единица во время войны, их, командиров взводов и рот, больше всего погибает в бою» (19).

«Таллинское» – интернациональное

К началу 1943 г. возможности пополнения эстонских частей, а не только ТВПУ эстонцами и бывшими подданными Эстонской Республики, были исчерпаны. В ТВПУ учились уже курсанты со всей страны. Так, в январе 1943 г. из аула № 5 Кустанайской области направлен в училище М.Н. Атагулов. Уже готовились курсанты к выпускным экзаменам, когда их направили на фронт. Из размышлений самого М.Н. Атагулова: «Что же заставило Верховного Главнокомандующего жертвовать подготовленными офицерами? Красной армии предстояло наступление с прорывом мощной и укрепленной обороны фашистов. Идти на её штурм могли только подготовленные курсанты, хорошо изучившие тактику прорыва обороны».

Всего за годы войны произведено 19 выпусков «таллинцев». И воевали они везде: под Москвой и Ленинградом, в Заполярье и на Украине, освобождали Эстонию, штурмовали Берлин, принимали участие в завершающем этапе Второй мировой – войне с Японией.

Были «таллинцы», как, например, А.С. Брундуков и И.Д. Воейкин, в составе расчётов парада Победы 24 июня 1945 г. (17). Трижды принимал участие в юбилейных парадах на Красной площади полный кавалер ордена Славы А.П. Табаков, выпущенный из ТВПУ курсантом.

Считалось, что пять «таллинцев» удостоены звания Героя Советского Союза: И.А. Беспалов, П.П. Молодых, А.Н. Логунов, И.А. Башманов,

М.В. Кропотов. В процессе подготовки материала выявлены ещё воспитанники ТВПУ, удостоенные этого звания: В.А. Дышинский, Н.А. Воронцов, Ф.И. Дозорцев. И уж совсем удивительно, но в 1995 г. звание Героя России за подвиг, совершённый в годы войны (и представленный тогда к награде), присвоено ещё одному «таллинцу» – В.В. Самойлину, впоследствии почётному гражданину города Снежинска.

1. Бабкин Г.С. Психология переднего края. Записки фронтового разведчика. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2018. – 240 с.
2. Дюков А.Р. Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии, 1940–1953 / Предисл. С. Артеменко. – М.: Алексей Яковлев, 2007. – 140 с.
3. История Эстонской ССР. – Т.3. – Таллин: Ээсти раамат, 1974. – 856 с.
4. Серков В.Т. О друзьях-товарищах, о боях-пожарищах (Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны выпускников Таллинского (Тюменского) военно-пехотного училища). – Курган: издательский центр Курганского государственного университета, 2014. – 191 с.
5. Кубочкина В. У истоков Тюменского военного института инженерных войск // Тюменские известия. 2011. 14 сентября.
6. Ларин П.А. Эстонский народ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Таллин: Академия наук Эстонской ССР, 1964. – 352 с.
7. <http://www.netinfo.ee/2001/07/14/bez-gneva-i-pristrastiya/> (дата обращения 17.04.2019)
8. https://vk.com/topic-51561784_29930521 (дата обращения 28.05.2014)
9. <http://infosila.ee/main/1455-bessmertnyu-polk-sillamyaee.html> (дата обращения 17.04.2019)
10. http://www.inforing.net/publications/infopress/newskj.php?ELEMENT_ID=15501 (дата обращения 17.04.2019).
11. http://www.e-reading.club/chapter.php/1003621/37/Petrenko_Andrey_-_Pribaltiyskie_divizii_Stalina.html (дата обращения 17.04.2019)
12. [HTTP://MILITERA.ORG/CARDS/SHOW.HTML?CARD=41234](http://MILITERA.ORG/CARDS/SHOW.HTML?CARD=41234) (дата обращения 17.04.2019)
13. <http://kniga-deda.ru/book/str-67.html> (дата обращения 17.04.2019)
14. http://komanda2010.ucoz.ru/index/uchastniki_vo_vojny_umershie_v_poslevoennye_gody/0-43 (дата обращения 17.04.2019)
15. <https://wolfschanze.livejournal.com/1344704.html> (дата обращения 17.04.2019).
16. <http://mahtrasass.livejournal.com/74140.html> (дата обращения 17.04.2019)
17. http://www.altaregion22.ru/region_news/e178310.html (дата обращения 17.04.2019)
18. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B9_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения 17.04.2019).
19. <https://iremember.ru/memoirs/minometchiki/vaganov-nikolay-gerasimovich/> (дата обращения 17.04.2019).
20. http://tvviku.mil.ru/O_vuze/Istoriya (дата обращения 17.04.2019)

ТРИУМВИРАТ

Эдуард АНАШКИН

ХРАНИТЕЛЬ ЖИВОЙ ВОДЫ

К 80-летию Владимира Крупина

Не раз мне доводилось писать о Владимире Крупине, и делал я это с удовольствием: писать о прижизненном классике – это честь. Да и поводы были приятные: как, к примеру, отмолчаться, когда Владимир Николаевич стал первым лауреатом Патриаршей литературной премии?..

Но на этот раз приступил я к эссе о Крупине с опаской. Причина опаски – славный юбилей Владимира Николаевича! Ох и велика опасность впасть в высокий слог, который не приемлет Крупин с его традиционной самоиронией. В литературных кругах давненько ходит байка о том, как однажды Крупин в вагоне метро увидел молодую красавицу, которая увлеченно читала его книгу «Живая вода». Воодушевленный столь наглядной любовью молодого поколения к своему творчеству, Владимир Николаевич подсел к девушке и сказал: «Девушка, а между прочим, книгу, которую вы так увлеченно читаете, написал я!». Девушка, не отрываясь от книги, лишь слегка подняла глаза на приставучего пассажира со словами: «Иди, дядя, проспись!». Показательно, что эту историю Крупин и сам не прочь рассказать – со смехом и самоиронично, не обижаясь на строгую читательницу.

...Целая эпоха прошла со времени моего личного «открытия» Крупина – это был его рассказ «Полонез Огинского» в журнале «Сельская молодежь»... А вот познакомиться лично с автором «Полонеза Огинского», уже к тому времени ставшего автором знаменитой «Живой воды» и других замечательных произведений, довелось мне много позже, в Москве, в правлении Союза писателей России.

Затем были встречи на Всемирном Русском Народном Соборе в храме Христа Спасителя. Неоднократно я был у Владимира Николаевича и Надежды Леонидовны в гостях на третьем этаже дома в Камергерском переулке. Квартира в доме находится рядом с Театральной площадью. Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна Распутины всегда после окончания премьеры заходили к Крупиным, делились впечатлениями о просмотренном только что спектакле, пили чай или кофе.

Потом были встречи на замечательном Всероссийском литературном празднике «Сияние России» в Иркутске, который многие годы проходит, осененный именем Валентина Распутина, близкого друга Владимира Крупина. Результат моих личных встреч с Крупиным почетно красуется в шкафу – собрание книг Крупина с его автографами!

Мало кто знает, что вовсе не строгий и высоколобохмурый писатель, но именно веселый и с виду простой балагур Крупин был в свое время первым, кто поднял вопрос о том, что наше телевидение стремительно деградирует в сторону низкопробности и пошлости. Словно предвидел на десятилетия нынешнее скопление пошлости, которое являет собой сегодня российский голубой экран. Еще в советское время своим чутким на всякую низкопробность чутьем художника-словотворца Владимир Николаевич уловил общественную опасность такого телевидения, ныне наблюдаемую уже всеми. За критику советской действительности Владимир Николаевич был подвергнут, что называется, партийным «ре-

прессиям». Но не унывал: чай, не впервой русским писателям страдать за правду!

Я еще потому пишу это эссе с опаской, что не хочу сбиться в повествовании на прошедшее время – говорил, писал, критиковал... Впрочем, в случае с Крупиним прошедшее время не подходит вовсе: столько жизни, радостного отношения к окружающему миру (при глубоком понимании несовершенства этого мира) в этом человеке, что прошлое время никак не подходит писателю, который по сути не только писатель настоящий, но и писатель будущего.

Тем не менее решил я обойти вниманием многочисленные литературные награды и регалии Владимира Николаевича. Их много, но сейчас не о них, ведь самая главная награда – любовь читателей и глубокое уважение коллег – всегда при Крупине. При одном имени – Крупин! – не нужны никакие уточнения, так как понятно, о ком идет речь! Он у нас один, как одним-единственным был Распутин, который в далеком 1985 году, когда у Крупина вышла книга «Дорога домой», в своем предисловии к ней определил прозу Крупина как «нечто особое в нашей литературе, нечто выдающееся и на удивление простое...». Писатели, наделенные таким глубинным даром слова русского, являют в XX и XXI веке непреходящую крепость русской литературы.

Как и миллионы читателей, меня не устает восхищать талант Владимира Крупина видеть в малом большое, в личном, сокровенном – общенародное, умение видеть в повседневном, обыденном вечное, непреходящее... Все это и сделало его одним из самых любимых и читаемых писателей нескольких поколений читателей, включая нынешнее молодое поколение. Вспомним девушку в метро, читавшую книгу Крупина и не подозревавшую, что автор сидит рядом с ней!

А укрепляющийся с годами совершенно особый талант Крупина не впадать в уныние при виде несовершенного земного мироустройства, несомненно, объясняется его православностью – и как писателя, и как человека. Может, именно сегодня, когда Россия переживает время испытаний, ей пуще безжалостной правды нужны надежда, вера и любовь, чтобы в наше смутное время не впасть в отчаяние и уныние как самый страшный грех. Мой вам совет: если почувствуете, что близки ко греху уныния – перечитайте произведения Крупина! Вдохните полной грудью его живое слово и боритесь за жизнь, за детей, за себя, за Россию дальше!

А вот где сам Крупин берет силы, чтобы не унывать? Вот уже многие годы Владимир Николаевич совершает вместе со своими земляками Велikorецкий крестный ход в честь обретения в вятском селе Велikorецком чудотворной иконы святителя Николая в 1383 году. Видимо, сам процесс христианского единения с земляками и людьми, приезжающими на этот крестный ход со всей России, помогает не унывать. И, конечно, творческую и духовную подпитку писателю дает жена и семья, но об этом позже...

Крупин не станет поучать вас жизни в своих произведениях. Ему это не надо, потому что он интересный лирический рассказчик, который меньше всего прячется за вымышленного персонажа. Он не дистанцируется от своего лирического героя, чтобы читатель понимал автобиографичность многих произведений. Это дает ощущение максимальной подлинности, что не противоречит художественности, а питает ее.

И еще творчество Владимира Николаевича последнего времени уникально тем, что публицистика и художественная проза у него органичны своим слиянием. Отталкиваясь от реального факта, он ненавязчиво вы-

водит нас, читателей, на широкие художественные и нравственно-эстетические обобщения, воспитывает в нас умение мыслить шире и видеть дальше сиюминутного. На это способен редкий автор, который абсолютно доверяет читателю, настолько доверяет, что ведет с читателем диалог, оставляя нам право на собственное мнение. В произведениях Крупина, как я уже не раз писал, и в очередной раз укрепляюсь в этом мнении, уютно, светло, хорошо. Хочется войти в эти произведения и остаться там!

Живительный поэтический слог крупинской прозы узнаваем с первых абзацев, с первых предложений. Его «крупинки», наблюдения за повседневностью с точки зрения православного русского человека, – золотые россыпи-миниатюры, подобные солоухинским «камешкам на ладони», астафьевским «затесям». Уметь в малом жанре сказать о большом – великое и нечастое умение!

Православная проза Крупина классична и духовна в самом высоком смысле. И тем не менее, как у всякого выдающегося писателя, у Владимира Николаевича есть произведение, которое критики назвали бы титульным. Как «Война и мир» Толстого, «Преступление и наказание» Достоевского, «Царь-рыба» Астафьева, «Прощание с Матерой» Распутина...

Первая публикация повести «Живая вода» состоялась в журнале «Новый мир» в 1980 году. Не стареющая с годами повесть в жанре притчи, фантазмагии, где главный герой дед Сашка, как односельчане называют сторожа лесобазы Александра Ивановича Кирпикова, рассказывает сказку внучке Маше. Сказка ложь, да в ней намек: вятские мужики, как говорится, делегируют своего представителя на небо – рассказать Богу, как поживают, ну и заодно попросить живой воды. Получив, всю выпивают, посылают снова того же мужика за добавкой, да не на небо, а в сельпо.

Показательно, что как только по весне наступает пора вспахивать огороды, дед Сашка сразу обретает полное свое имя, каковое прямо сродни титулу, становясь в одночасье ни много ни мало – Александром Ивановичем. А все потому, что единственный имеет в родном селе тяглогового мерина, состоящего на учете в лесобазе. Расплата за тягловую силу идет известной российской жидкой живительной «валютой». В итоге каждая весенняя страда становится для деда Сашки очередной попойкой, пока однажды он не решает переосмыслить свою жизнь и перво-наперво отказать от спиртного как фактора, мешающего этому переосмыслению.

Что такое жизнь деда Сашки? Обычная жизнь русского советского человека. Внешние обстоятельства этой жизни даже почетны. Дед Сашка – фронтовик, во Вторую мировую войну дошел до Померании и, несмотря на ранения, не помер там, а остался жив. Вернулся домой, воспитал и вывел в люди пятерых детей. Так что же тревожит и гложет деда Сашку? Вот она, вечная загадка русской души, вечный поиск смысла жизни...

А между тем в поселке начинают происходить события просто фантастические. Сосед вдруг находит на своем участке источник целебной воды, которая исцеляет от всех недугов, включая даже тягу к спиртному. А еще эта водица дарит вторую молодость всякому, кто ее отведаст. Другой сосед, бывший горожанин, сбежавший от благ цивилизации, в том числе и от жены, и ставший на деревне первым парнем и завидным женихом, от живой воды в одночасье помолодел, однако исчез источник – и человека, лишенного корней в земле, где бил родник, не стало...

О повести «Живая вода» написано много, не читал ее редкий читатель, потому пересказывать повесть – занятие ненужное. Но вот задаться вопросом, что такое есть живая вода, нелишне. И делать это надо время от

времени каждому человеку и каждому поколению читателей, потому что есть истины, которые нельзя получить в готовом виде, каждое поколение и каждый человек призваны открыть их для себя самостоятельно. Вроде бы ответ очевиден: живая вода – образ неиссякаемой чистоты и красоты, ведь в финале автор приводит нас к лесному роднику, отражающему небо. Но эту очевидность надо открыть не умственно, но – душой. «Живая вода» – художественное и образное исследование непостижимой русской души, о которой много говорят, но очень мало произведений, не просто коснувшихся этой темы, но этой темой пронизанных и пропитанных...

Уроженец древней Вятки, про которую пословица гласит, что Вятка – всем русским городам matka, Владимир Николаевич не ограничивается вниманием лишь к неповторимому вятскому-хватскому характеру, хотя и явно считает его одной из квинтэссенций русского видения мира. Через особенности вятского характера он выводит нас на такие художественные обобщения, что его произведения с одинаковым интересом читают и вятчане, и волжане, и сибиряки, и жители южных регионов России...

И не могу не сказать в этом эссе немного о женщине, которая обычно находится в тени всякого выдающегося человека. О жене. «Благословил его (*Крупина – Э.А.*) Создатель, послав ему в супруге клад». Никто не станет оспаривать, что мировая слава Достоевского или Толстого немало обусловлена самоотверженностью их жен, удивительным умом и проницательностью этих женщин, понимавших, какая миссия им выпала – стать спутницей жизни, вдохновительницей-музой и верным помощником выдающегося писателя.

С Надеждой Леонидовной Владимир Николаевич живёт уже 55 лет! Дочь фронтовика, штурмана тяжелого бомбардировщика, и фронтовички, что работала в штабе соединения, Надежда Леонидовна сразу после школы подала документы в педагогический институт. Отлично сдала все вступительные экзамены, и лишь один экзамен, сданный на четыре, не позволил ей набрать проходной балл в институт, где был огромный конкурс, столь велика была престижность профессии учителя.

Пришлось Надежде идти на вечерний факультет, и лишь на следующий год она перевелась на дневное отделение. Учитель по призванию, она проработала в школе 20 лет. На протяжении трех десятков лет практически в одиночку издавала всероссийский журнал «Литература в школе» и приложение к нему «Уроки литературы». То есть фактически 24 журнала в год!

До встречи со своей Надеждой Володя Крупин, по его собственному признанию, был очень влюбчив, что неудивительно, ведь начинал он как поэт-лирик. Вот такими, к примеру, стихами:

*Апрель для зимы горек,
вода пропалину вымыла,
поляна ладошку-пригорок
из варежки снежной вынула.
Листок одеяльцем стелет.
Но разве сладись с ребёнком:
проснулся, на нитке стебля
мотает своей головенкой.
Расправила хрупкие плечи
его двухнедельная участь,
я старше его и крепче,
но мне бы его живучесть.*

Впрочем, влюбчивость не мешала Володе Крупину совмещать учебу в Московском пединституте с работой, от которой он даже порой на лекциях засыпал от усталости. Влюбчивость не мешала ему учиться на удивление легко и радостно. Скорее наоборот: влюбчивость помогала его культурному развитию. Увлекающийся влюбчивый Крупин с одной сокурсницей ходил на концерты в зал Чайковского. С другой посещал Третьяковку. С третьей подружкой бывал в Пушкинском музее...

С улыбкой отдадим должное разносторонности интересов будущего выдающегося прозаика. Когда позже Крупин напишет о своей романтической юности повесть «Прости, прощай» и отдаст ее в рукописи для прочтения великому Василию Белову, тот сурово посоветует молодому талантливому коллеге: «Девчонок убавь!».

Надежда Леонидовна, полагая при знакомстве, что станет мечтой поэта, на поверку стала мечтой прозаика. А познакомились они очень романтично: на картошке, когда советских студентов по традиции послали на помощь сельчанам убирать урожай. На реке Оке, сидя у костра, Крупин впервые увидел свою Надежду, дотоле им не виденную.

Вот тут и выяснилось, что увлекающийся Крупин – по жизни однолюб. До того однолюб, что сразу позабыл ради своей Нади, жившей на далекой окраине Москвы, про потенциальных невест с квартирами в центре столицы. И каждый Божий день ездил до далекой Лосиноостровской станции, откуда было еще шагать и шагать на свидание с любимой. Случалось, даже в билетном зале ночевал ради того, чтобы лишний раз побыть со своей Надеждой, которая в свою очередь оказалась сродни жене декабриста.

Когда поженились, она годами терпела огорчения, бедность, идейные и духовные искания мужа, когда в голодные постперестроечные 90-е годы он наотрез отказывался от литературных премий в то время, как другие коллеги, куда менее талантливые, не чаяли протиснуться в премиальные списки.

У Владимира Николаевича и Надежды Леонидовны есть дочь Екатерина, выпускница МГУ. Она давно живет за границей, замужем за православным человеком. Ведет очень посещаемые и популярные просветительские сайты. Сын Владимир имеет два высших образования – социолог и психоаналитик. Подрастают внучка Анна и внук, по семейной традиции носящий имя Владимир. Живая вода православных устоев да хранит эту семью и впредь, ведь эта семья – родная почва, на которой рождается живое самоцветное крупинское слово...

Дай Господь ему здоровья, и здоровья его ангелу-хранителю, жене Надежде Леонидовне!

А новыми книгами он нас, своих читателей, еще порадует.

Лилия СТАРИКОВА

* * *

«Калмык» ли к нам пришёл из сальской степи,
дохнул горячим воздухом. Жара!
И музыканты, бросив оземь кепки,
танцуют у Гостиного Двора.
Чуть дальше у Казанского собора
читают рэп и, славою увит,
речитатив колонн коринфских взору
о ритмах Петербурга говорит.
Подъяли сцену «Книжные аллеи».
Витийствуют поэты в молоко.
А там уж новый парусник алеет,
гимнасты облачаются в трико.
Квадрига Ники бешенная взвита,
петровский конь неудержимо взвита, –
вот-вот прошьют белёсой ночи свиток,
наполнив, город музыкой копыт.

* * *

Куда пути-дороги заманили?!	Она очистит кровь мою от скорби,
Живительную злобу не унять:	укореняясь радостью во мне.
выхаживаю племя белых лилий,	Приходит ночь беззвёздная, глухая,
высаживаю белых яблонь рать.	и вижу я, что всё напрасный труд,
Я запускаю в почву пальцы-корни.	но слышу вдруг: цветы благоухают,
Я прирастаю сердцем к целине.	и слышу: яблонь саженцы растут.

* * *

Шокировать публику, выйдя в трико,
с павлиньим пером на уродливой шляпе.
Бесплодному времени в помощь ЭКО,
и тест на айкью – расшалившейся бабе.
Хот-дог на хот-дог, сверху пива рожок.
И сыто, и пьяно безумие века.
Не дьявол, не чёрт – ясноглазый божок
сосёт из бутылочки тёмное млеко.
Что Оссу в поту громоздить на Олимп,
слова перетряхивать снова и снова.
Так что же выходит? Душа-то болит!
Душа-то больная, а, значит, и слово.
Поэзия в ризах воздушных шелков
стоит чужестранкой в квасном балагане,
и всякий шелка её сдёрнуть готов,
чтоб бурю поднять в запотевшем стакане.

* * *

С камнем в тяжбе пенится Нева.
Буйную, в гранит одеть её посмели!
И она, что чёрная вдова,
мрачно смотрит на фантазии Растрелли –
завитушки Зимнего дворца.
Крыша в патине и пробу негде ставить.
И богов покрыла зеленца,
замерших у края, руферам на зависть.
Не испуг позеленил – недуг.
Безрассудство в наших генах образцово.
Ангел крест не выпустит из рук,
осаждённый праздной скукою дворцовой.
Ливни лупят город вкривь и вкось.
Снег ложится в ожидании чего-то.
Некогда пространство облеклось
в латы царские, смиrivшего болото.
Там, внизу, живучее оно,
заточённое, сидит в постылой яме
и, мечтая прорубить окно,
точит город мой носящий имя – Камень.

* * *

А ночь была темна, как чёрная дыра,
и тишина – томительно глубокой.
И вдруг явился звук – зуденье комара,
и следом свет моих коснулся окон.
За светом вспыхнул цвет. Полоской огневой
вставал рассвет над кромкой дальней рощи.
Так день входил в мой дом с улыбкой заревой.
Нет ничего обыденней и проще.
Пропел петух своё и где-то вдалеке
собачий брех рассыпался над стынью.
Я вслушивалась в жизнь, а на моей руке
сидел комар и упивался жизнью.

* * *

Не апокалипсис, конечно.
Всего лишь отключили свет.
Всего один щелчок, и нет
цивилизации беспечной.
Она, понятно, не погибла.
Всё пустяки и суший вздор.
Всего лишь твой компьютер сдох.
И тьма густая, как повидло,
вмиг поглотила нас живьём.
А мы начала света ждём,
в потёмках чёрный кофе пьём
и верим в чудо – божьи дети.

Сергей НИКОЛАЕВ

АЛЁША

– Алёшу забрали весной. Мы провожали его всей компанией. Помню, Витька так напился, что полез купаться в ванну и при этом кричал, что ему жарко, что перед службой в Афгане нужно обязательно искупаться дома, чтобы там было не жарко.

В нашей компании Алёша был самым весёлым и бесшабашным. Он никогда не грубил и не хамил девчонкам. А тот случай с Наташкой, когда он защищал её от троих. Ему здорово тогда досталось. Он лежал в больнице целый месяц, а мы ходили к нему и кормили его клубникой и яблоками с соседних огородов. Мы оборвали все яблоки и ягоды для Алёши, и бабки долго поминали нас недобрым словом.

А потом, как-то зимой, когда мы расходились поздно вечером по домам, он пошёл меня провожать, и мы до утра стояли в подъезде, и он первый раз поцеловал меня тогда. А потом всё завертелось. Ребята вначале посмеивались, но скоро перестали, увидев, что у нас всё серьёзно.

Мне с ним было очень легко. Алёша был добрый и внимательный, а наедине со мной он становился ещё лучше, чем с ребятами в компании. Он очень беспокоился за меня. Я тогда не ладила с отцом. Мы часто с ним ругались. Тот приходил домой пьяный и начинал издеваться над мамой. Мама у меня хорошая, но какая-то слабовольная. Он издевался над ней, а она терпела: «Доченька, а что ж сделаешь, он же отец». В гробу я видала таких отцов. Я и Алёше об этом сказала: «Если меня хоть раз пальцем тронешь, я уйду от тебя».

Алёша вырос без отца. Мать всю жизнь работала на фабрике. Кроме него в семье ещё двое. Алёше тоже было нелегко. Мать на работе, а он с сестрёнками возился: и в сад отведёт, и накормит. Девочки его очень любили. Младшая букву «р» не выговаривала и вместо «братик» говорила «батик». Придешь к ним домой и уже слышишь с порога: «Батик, а у моей Ляльки опять нога заболела». Или: «Батик, почитай мне сказку». Любил он сестёр. Но и строг был с ними...

Жить мы с ним стали за три месяца до армии. Он был у меня не первый. Но только с ним я почувствовала себя женщиной. Он хотел, чтобы я родила ему сына, но берёг меня. Говорил, за два года многое может случиться. Я тогда не думала об этом. И даже обижалась на него. Всё казалось, не верит он мне. А он как-то повзрослел за эти последние дни перед армией. Ответственность что ли почувствовал, а может, предчувствовал уже что-то. Я, дура, ничего не чувствовала. Я была счастлива. Эх, знать бы, не отпустила бы его никуда. Обняла бы, прижала к себе, и никто бы, никто бы меня не оторвал от него.

– Заплачу сейчас. Вы простите меня. Больно, очень больно. Год прошёл, а привыкнуть никак не могу. Всё кажется, вот сейчас войдёт и скажет: «Привет, Светик! Чего грустишь, нос повесила?» А то хохма у него была. Он в шапке ходил – лохматая такая. Сзади ко мне тихонечко подойдёт и на голову мне её – бах – и кричит: «Мышь, мышь!» А я как завизжу и шапку сбрасываю, а его это так смешило. А я больше играла, потому что ему это нравилось. Он долго-долго смеялся после.

Мы с ним много говорили. Мечтали о будущем. Решили, что распишемся после армии, осенью. Даже дату назначили себе – первое сентября. Он шутил: «Люди в школу, а мы в жизнь семейную».

Он мне много писал. Чуть ли не по три письма в неделю, а то и каждый день. Очень он скучал без меня. Я чувствовала это и старалась в письмах, как могла, его успокоить и приласкать. Он мало писал об армии. Больше о том, что любит меня. Да вспоминал ребят, как мы гуляли. Там он начал писать свои первые стихи. Я складывала его письма по порядку в коробку из-под конфет, и когда мне особенно было тяжело и тоскливо, перечитывала их одно за другим.

Он скоро должен был приехать. До приказа оставалось меньше ста дней.

– Не могу. Простите пожалуйста, – она вышла из комнаты.

Минут через пять наш разговор возобновился.

– Я шла по улице от Наташки. Вдруг вижу, его мать идёт. Лицо белое-белое. «Теть Тань, что с вами?» – спрашиваю её. А она не отвечает, а только шепчет, шепчет что-то. Я прислушалась, слышу: «Алёшенька, сыночек, что же ты, как же ты?» Я как закричу. Она и очнулась, увидела меня, да как ойкнет и повалилась. Я её еле-еле удержала, хорошо, лавка рядом была. Усадила её. Платок у неё свалился с головы. Гляжу, а волосы седые. Я ещё подумала, чем это она красилась, вчера же были другие. А сама, дура, не могу ничего понять. Ну не доходит до меня ничего.

Очнулась она и говорит: «Нету Алёшеньки, Свет. Нету твоего Алёши». И как заплачет. Я её трясти стала. «Как это, – говорю, – нет». Дура была, ничего не понимала. «Убили его в Афгане». Как обухом по голове меня стукнули. Сижую и ничего не понимаю: где я, что я, ни слезинки. «Пошли, – говорю, – тетя Тань, домой. Девочки должны из школы прийти». Я тогда у них часто бывала. За девочками приглядывала вместо Алёши. Взяла я её под руку, повела домой. Как дошли, не помню. Ничего не помню. Сжалось у меня всё внутри. И сердце остановилось, как клещами его сжало – оно и не бьётся. Пришли мы к ней домой. Сели на диван, вот тут меня и прорвало... Соседи прибежали, скорую вызвали.

Хоронили его торжественно. Друзья приехали из части. Привезли его в закрытом цинковом гробу. Даже поглядеть на Алёшеньку последний раз не пришлось, а может и к лучшему, что не видела. Рассказали: он горячее вёз на бензовозе и на mine подорвался. Машина сразу факелом загорелась. Спасти не успели. Только военный билет обгорелый да орден Красной Звезды после него остались. Военком речь произнёс на могиле. «Интернациональный долг», – говорил. А мне-то какое до него дело.

Куриль я тогда по-чёрному начала. Я раньше при Алёше только проговала, но он сразу мне запретил, когда мы с ним стали гулять. Говорил: «Тебе рожать ещё». Я и бросила, а теперь какой смысл? Пусто всё без него. Наташка ко мне заходит. Единственное, что спасает – водка. Напьюсь, и легче кажется. Родители ругаются, а мне всё равно. Тут ко мне один какой-то пристал на улице. Я на него так поглядела, он от меня аж шарахнулся. «Чокнутая», – сказал.

Ночью особенно плохо. Приходит он ко мне. Всё разговаривает. Зовёт меня. Я его спрашиваю: «Куда идти?» А он: «Сама знаешь». Говорит, что скучает без меня: «Сколько времени прошло, а ты не приходишь». Измучилась я совсем. Всё кажется, что прийти должен. Никуда не хожу, всё жду его. Сижую дома и жду...

Наши пути со Светой разошлись. Больше я её не видел и не встречал. Что дальше было с ней – не знаю. Хочется верить, что она смогла хоть за что-то зацепиться в этой проклятой жизни.

ОЖИДАНИЕ

Он ждал, ждал её уже три часа. Ждал, изнывая от нетерпения, считая минуты, секунды до её прихода. Это были муки – адские муки, страшнее которых не придумать. Лучше сгорать заживо, чем вот так – меряя шагами комнату из угла в угол, ждать, ждать, ждать, когда придёт она. А в подсознании удерживать мысль, что она может и не прийти. Но пока эту мысль не допускать, шарахаясь от неё как от чумной, продолжая ждать, ждать и верить, переходя от отчаяния к надежде и наоборот.

Это кошмар – клетка, которую создаёт себе влюблённый человек сам. Клетка из прутьев радуги счастья, к которой стремится каждый, а когда попадает в неё, испытывает такие муки, которые несравнимы ни с чем. И всё это – ради минуты, секунды бешеного, сумасшедшего счастья, которое уносит человека на такие вершины, что он становится равен самому Богу и ему по плечу любое дело, любой подвиг. Человек становится сильным, добрым и великодушным.

Но это после, после как награда за долгие, величиной в часы и годы ожидания путь. И он ждёт, ждёт, надеясь, что ожидания его не напрасны: награда воздастся сторицей. А сейчас, сейчас ждать, ждать, ждать. Взять своё сердце намертво, сжать его, чтобы не разорвалось от нетерпения.

Осталось полчаса. Ещё тридцать минут. Это тысяча восемьсот секунд. Как медленно, будто нехотя, ползут стрелки. Они словно прилипли к циферблату, и мужчина наклоняется, слушает мерный ход часов, а стрелки не двигаются. Но вот большая передвинулась на одно деление. Такое маленькое, но уже осталось не тридцать, а двадцать девять минут. Двадцать девять маленьких промежутков на циферблате и таких огромных, когда ждёшь. И каждый из них отсчитывается не только часами, но и сердцем.

Мужчина сел у окна. Она должна выйти из-за угла того дома. Но оттуда появляется какая-то бабка. И снова пустота. Город будто вымер, обезлюдел, и осталась только она одна и угол противоположного дома с обсыпанной штукатуркой и красными кляксами кирпичей.

Сколько же времени? Мужчина быстро встаёт и идёт к столу. Часы показывают без двадцати. Ещё двадцать минут! Двадцать минут. Господи! Как это много: двадцать минут! За это время можно сто раз умереть и воскреснуть. Он берёт часы, направляется к окну и ставит их рядом с собой на подоконник. Вот показалась какая-то женщина. Нет, не она. У неё не такая походка.

Мужчина обхватил голову руками, крепко сжал её и вперил свой взгляд в угол дома. Сейчас, сейчас она должна выйти. Вот, вот сейчас. «Я сосчитаю до ста, и она появится. ...90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99 – ну, ну же, тянет он, давая ей ещё несколько секунд. – Ну где же ты?! Сто!» Женщина не появляется. «Сколько же времени? Осталось десять минут. Десять минут! О Боже! Где ты?! Я тебя жду! Неужели ты не чувствуешь?! Я же жду тебя! Где ты?! Я измучился! Ну сколько же мне тебя ждать?! Приди! Приди, и я всё прощу, всё забуду».

Сколько же времени? Без пяти.

Время, казалось, увеличило свой бег.

Без четырёх.

Без трёх.

Куда ты так понеслось?!

Подожди, она ещё не вышла, наверное, из автобуса. Без двух. Ну где ты? Где?! Без минуты! Ровно десять часов. Из-за угла, словно в насмешку, вышел мужчина и не торопясь направился к дверям магазина.

В голове вихри мыслей сбились в сиротливую кучку и стали потихоньку сжиматься, куда-то утягиваться, а на их место стала закрадываться та мысль – такая подленькая, как предательство.

Она не приедет. Она просто не приедет.

Вот уже пять минут прошло. Десять.

Время рванулось вперёд со скоростью курьерского поезда. Можно было подумать, что кто-то специально подгоняет его. Двадцать минут, полчаса, час. Всё. Она действительно не придёт. И бесполезно было ждать. И мир меркнет. Меркнет в своём беззвучии, серости и обыденности. Мужчина как-то враз состарился, сгорбился и тяжело встал со стула. Он бросает последний, жалкий в своей надежде взгляд в окно и уходит, бредёт вглубь комнаты. Вначале он пытается чем-нибудь занять себя – берёт книгу. Но строчки сливаются в сплошные чёрные полосы, а затем ползут, ползут вниз кляксами его слёз. Книга падает из рук. Мужчина ложится на диван лицом к спинке, свернувшись калачиком, как зверь, который уполз в нору зализывать свои раны.

Она не пришла...

МАРИШКИН ОМУТ

Долго и безуспешно проплутав по лесу в поисках дороги домой, я вышел к незнакомому мне лесному озеру. Оно очаровало меня какой-то своей особенной, романтической красотой. На его берегу, заросшем камышом и осокой, стояла избушка, которая отражалась в зеркальной поверхности озера своими замшелыми стенами и покосившейся крышей. Кувшинки жёлтыми цветами, словно веснушками, усеяли всю его гладь и тихо колыхались от случайного ветерка, залетавшего сюда из леса.

Дверь избушки была приветливо распахнута, и солнечные лучи, проникая сквозь её проём, освещали тёплым закатным светом чистые, словно только что вымытые половицы пола. День клонился к вечеру, и ночевать в лесу, в его ночной сырости и темноте особого желания у меня не было. А тут – на тебе! – лесная гостиница. И я обрадовался неожиданному везению, решив заночевать здесь, отложив поиски дороги до утра.

Шагнув в распахнутую дверь, я вошёл в чистую комнатку. Деревянный лежак, укрытый пёстрым лоскутным одеялом, стоял у окна. Ещё здесь был стол с табуреткой, а на нём крынка молока, покрытая сверху приличной краюхой хлеба. Деревянная солонка, наполненная до краёв крупной солью, стояла тут же, на столе. В углу, при входе, висел глиняный умывальник на медной цепочке, а под ним стояла деревянная кадушка. Вот и всё убранство этой избушки.

Я снял рюкзак с плеча и, положил его в угол, вымыл руки и лицо. Затем, подумав, что хозяйева вряд ли обидятся, сел за стол и с удовольствием поужинал. Почувствовав в теле сладкую усталость, я неторопливо встал из-за стола, поблагодарил хозяев, обращаясь к пустым стенам, и решил выйти на крыльцо покурить перед сном.

Устроившись на ступеньках и вынув сигарету из мятой пачки, я закурил, отгоняя дымом комаров, налетевших на меня со стороны озера. Я сидел и любовался природой, поджидая хозяев, но усталость дня давала себя знать, и, выкурив сигарету, я встал, потянулся с хрустом и, громко зевнув, решил идти спать, полагая, что ждать больше нечего и некого. Глаза были словно мёдом намазаны и слипались на ходу. Едва добравшись

до лежака, я упал на него, как подкошенный, и моментально провалился в глубокий сон.

Не представляю, сколько времени я проспал, но проснулся я от острого стука в окно. Сплю я чутко, поэтому стук этот я сразу услышал, и сон мой как рукой сняло. Я прислушался, но стук не повторился. Спать вдруг расхотелось. В маленькое оконце светили лучи закатного солнца, и я, решив, что неплохо бы прогуляться по лесу, встал и, выйдя из избушки, направился к ближайшим сосенкам, решив далеко не углубляться, а побродить вокруг озера.

Вечерело. По земле потянуло прохладой и свежестью. Ветер, вначале робко, затем всё смелее и смелее затянул колыбельную, пробегая по верхушкам деревьев. Последние лучи заходящего солнца нежно, едва касаясь своими ладошками, ласкали зелёные листья и траву, прощаясь с ними до утра. Я шёл по лесу без какой-либо цели и направления. Неожиданно впереди себя, за деревьями, я увидел девушку.

«Здесь, в этой глуши? Откуда она могла появиться? Не мираж ли?» – подумал я. Но мираж не рассеивался, и мне пришлось согласиться, что чудеса бывают не только в сказках. Я попытался догнать её, чтобы рассмотреть поближе. Первое, что мне бросилось сразу в глаза, – это её волосы, которые широкой пенной волной сбегали по плечам. И когда она наклонялась за очередным цветком, они ложились на траву, словно покрывало. И она вынуждена была каждый раз поправлять их рукой. В один из таких моментов девушка случайно оглянулась, как мне показалось, и увидела меня. Но не испугалась, а улыбнулась приветливо и ласково, словно старому знакомому.

Я догнал её и пошёл рядом. Сейчас, конечно, трудно это представить. Но тогда, много-много лет назад, окружающий нас вечерний лес, пение птиц, краски закатного солнца, сама природа и девушка с букетом цветов в руках удивительно, восхитительно красивая в своём совершенстве и чистоте, одетая во что-то воздушное, лёгкое, совершенно прозрачное... Всё это вместе создавало такую атмосферу вокруг, что я напрочь забыл про всё, что было до этого момента, до этой встречи, и погрузился, буквально утонул в каком-то нереальном мире-сне.

Слова казались лишними. Появилось ощущение, что мы знаем друг друга давно – просто не было возможности встретиться раньше, но пришло время, и мы встретились. И это было в порядке вещей. Как само собой разумеющееся.

Девушка шла, склонив голову, разыскивая какие-то только ей известные цветы, находила их и срывала. Это был сон. И ощущение его не проходило, а всё окружающее вокруг как бы резче проявило свои контуры, обозначив границу света и тени.

– Кто ты?

– Я? – спросила она. – Разве это так важно – кто я? Важнее, наверное, то, что ты встретил меня. Ведь так?

И она поглядела на меня снизу вверх тем ласковым, тёплым, нежным взглядом, который так тронул меня вначале. Она остановилась.

– Ты любишь лес? – и, не дожидаясь ответа, сказала: – Любишь. Я про тебя всё знаю. Ты очень устал. Но теперь всё позади. Сегодня мы вместе.

Она говорила тихо, едва шевеля губами. Это был сон, наваждение, но я этого ещё не осознавал.

– Давай будем идти и собирать цветы. Ты согласен?

И, не дожидаясь моего ответа, она пошла вперёд.

Солнце всё ниже и ниже опускалось за макушки деревьев. Вот и вечерняя роса уже появилась на траве. Края её длинного платья намокли. Мы вышли к озеру.

– Пошли искупаемся, – сказала она и первая, скинув свою одежду, встала на берегу. – Что же ты? Я жду тебя...

И она протянула мне руку. И это выглядело так просто и так естественно, что не вызвало и тени смущения у меня. Я поспешно разделся, подошёл к ней и взял её за руку. Мы вступили в тёплую, как парное молоко, воду, и стайки рыб, гревшихся у берега, разбежались прочь. Шаг, ещё шаг. Всё дальше и дальше уходили мы от берега. Идти было легко. Волны тихо плескались вокруг наших тел, очищая меня и смывая всю грязь, накопленную за эти годы. Вода коснулась подбородка. Девушка ещё крепче сжала мою руку.

– Не боишься? – спросила она.

И снова этот взгляд – ласковый, нежный, словно прозрачной, лёгкой тканью накрывающий мой разум; и тепло её руки, которое как бы проникает в меня через кончики пальцев, согревая и успокаивая, и я делаю этот последний шаг...

Круги на воде сомкнулись, и зеркальная гладь озера вновь приобрела свой первозданный вид, словно ничто не тревожило её чистоты. На траве одиноко лежали мужские брюки и рубашка. Солнце последний раз сверкнуло сквозь листву деревьев и окончательно скрылось, погрузив лес во тьму. Луна бледным одиноким фонарём повисла над озером, отражая в нём свой грустный лик. Где-то в глубине леса заухал филин, какая-то птица вскрикнула во сне. Лес наполнился ночными звуками и тенями.

– Вот мы и пришли, – сказала она.

Мы стояли на берегу озера среди света и теней вечернего леса. Но это был другой лес, другое озеро. Была какая-то неуловимая разница между тем, что было тогда, и тем, что было сейчас. Несмотря на свою похожесть, всё почему-то казалось чужим, незнакомым. Чувства обострились. Но удивительно было то, что я не чувствовал тревоги, а наоборот, ощутил разлитую вокруг себя любовь.

– Где я?

– Ты у меня дома.

– Кто ты?

– А разве тебе это так важно? Я с тобой, и это, наверное, важнее, и я люблю тебя.

Она стояла обнажённая, в лучах заходящего солнца такая тонкая, гибкая. Казалось, солнце насквозь просвечивало её тело, и от этого оно излучало какой-то тёплый, словно лепестки роз, алый свет. Она поправила волосы рукой – и вновь этот взгляд, который уже не раз за сегодняшний вечер повергал меня в состояние сна и лёгкой эйфории.

– Ты хочешь вернуться?

– Нет.

– Я знаю.

– Откуда ты всё знаешь?

– Как-нибудь после, а сейчас обними меня. Я хочу быть рядом с тобой. Я хочу быть твоей.

Мы лежали на траве, я крепко прижимал её к себе, словно боялся потерять. Какой длинный вечер... Вот последние тени мелькнули, и тихая тёплая летняя ночь накрыла нас своим плащом. Лес погрузился в сон, и я тоже заснул, поддавшись всеобщему чувству покоя и неги, ощущая сквозь

сон тепло её тела, слыша стук её сердца. Она спала, доверчиво прижавшись ко мне. Вокруг царили мир и любовь. А мы лежали, обнажённые, в траве, словно Адам и Ева в зелёной колыбели природы, и казалось, никто и ничто не сможет потревожить наш сон.

Проснулся я от острого чувства тревоги. Она спала рядом, доверчиво положив свою голову мне на плечо.

Что-то неуловимо изменилось вокруг. Сквозящее чувство надвигающейся беды стало проникать внутрь. Я осторожно приподнял голову и увидел вдалеке, в прозрачном лунном свете дорогу, которую не замечал прежде. Расстояние было большое, да и неверный свет луны искажал все предметы. На дороге происходило какое-то движение. Но кто или что это было, я не мог разобрать, как ни напрягал своё зрение. Кто-то или что-то переместилось до видимого конца дороги и скрылось за деревьями. Чувство опасности и тревоги не покидало меня, и я разбудил девушку.

– Что, милый?

– Я что-то видел.

– Где?

– Вон там, на дороге, но я не смог хорошо рассмотреть. Кажется, человек, а может быть несколько. Не могу точно сказать.

По её лицу пробежала тень.

– Тебе пора возвращаться назад. И чем быстрее, тем лучше. Я хочу, чтобы ты жил.

Она встала, взяла меня за руку, помогая подняться, и быстро, почти бегом, повела за собой. Луна освещала нам путь, ветки хлестали по лицу, а мы всё дальше и дальше уходили от дороги, от той поляны, на которой я впервые почувствовал себя таким счастливым, как никогда не был за всю свою прошлую жизнь. Вот мы вышли к берегу лесного озера. Она остановилась.

– Милый, мы пришли. Обними и поцелуй меня.

Но в ответ я взял её на руки и вошёл в воду.

– Глупенький, – сказала она и, доверчиво прижавшись ко мне, затихла.

Вода сомкнулась над нашими головами, и только круги указывали место, где это произошло.

Я вновь стоял на берегу. Но мои руки держали пустоту, в то же время ощущая, прижимая к своей груди что-то реальное и физически ощутимое. Руки чувствовали тяжесть только что бывшего в их объятиях живого тёплого женского тела. Я смотрел на них и не верил в их пустоту. Медленно, нехотя, я опустил их, до конца не осознавая, что же такое произошло со мной.

Капли воды стекали по ладоням вниз, мерно стуча по воде, словно досчитывая последние мгновения времени счастья, дарованного мне судьбой. Подул свежий утренний ветер; я ощутил его прохладу кожей своего тела и, увидав на траве перед собой одежду, стал механически одеваться.

В этот миг я совершенно не ощущал себя в окружающем меня мире, но утренний ветерок, овевая своим свежим дыханием мою голову, рассеял последние остатки душевного покоя и счастья от происшедшего сегодняшней ночью. И тут мысль о потере её для меня навсегда безжалостным острым клинком пронзила мой мозг, всё моё существо. И я ощутил это так болезненно ясно, что, не выдержав этой боли, застонал и упал на траву.

Очнулся я в избушке на лежаке, заботливо укрытый старым лоскутным одеялом. За столом сидел старичок благообразной внешности с длинной седой бородой. Он ел суп из глиняной миски, черпая его деревянной ложкой. Вот он не торопясь доел его и, подняв глаза от миски, встретился с моим взглядом.

– Ну наконец-то, – произнёс он. – А то уж я начал волноваться. Что же ты, мил человек, не зная броду, лезешь в воду?

– Где она?

– Это ты про кого?

– Где девушка, которая была здесь?

– А-а-а, вон ты про что. Значит, и тебе удалось повидать её. Ладно, давай вставай, тут у меня ушица знатная, а потом и поговорим.

Дед налил мне полную до краёв миску ухи, положил рядом деревянную ложку и, развернув чистую тряпицу, подвинул мне початый каравай хлеба. Почувствовав сильный голод, я не стал ждать дополнительного приглашения и, усевшись за стол, начал жадно есть.

Уха была густая, жирная и очень вкусная. Я поглощал её, словно не ел по крайней мере неделю, и постепенно силы возвращались ко мне. Старичок смотрел на меня с интересом и только время от времени подвигал ко мне очередной отрезанный кусок хлеба.

– Ну, жить будешь. Значит, пожалела она тебя. Мил ты ей показался. Хотя, разобраться, что это за жизнь: душу-то забрала, а жизнь оставила. Я ведь тоже с ней встречался. Давно, правда, это было, да вот с тех самых пор так и не нашёл покоя. Всё тянет меня сюда, к ней. И не уехать мне от неё никуда, не уйти. Держит, за самое нутро держит она меня.

А потом мы сидели на ступеньках крыльца и курили.

– А я уж хотел за людьми идти, а потом думаю: мужик молодой – выдюжит. Рад, что не ошибся.

– А какое сегодня число? – словно предчувствуя что-то, спросил я.

– Дак двадцатое, сынок, двадцатое августа.

– Не может быть! Ровно месяц?

– Может, мил человек, может. Радуйся, что ещё живой выплыл. Тут давеча, в том году, двое с концами сгинули. Так и пропали. Лишь одёжка их на берегу и осталась. А дно тут топкое. Местами как в болото затягивает. Да ещё омут тут знаменитый – Маришкин. Так и называется он. Ох и глубок! До дна раз пытался достать, да так и не достал. Люди поговаривают: Маришка балует. Кто его знает? Укромное это место. Иной раз даже я сюда не могу дорогу найти. Ходишь-ходишь, плутаешь-плутаешь, а словно что-то не пускает тебя, и всё тут. Всё вокруг да около ходишь. Так и вернёшься в деревню ни с чем. Только заметил, что вот после этого и появляется на берегу чья-нибудь одежда.

Так и тебя стерёг. Примета верная: если Маришка не пускает к себе, значит, опять с кем-то балуется. Тут уж я держу ухо востро. Сразу, как допустит к себе, бегом бегу. Некоторым удавалось помочь, а кому и нет. Круто она обходится с теми, кто ей не глянется. Прошлым летом одного так и пришлось в больницу отправить. Совсем тронулся парень. Только сидит на берегу и смотрит так печально да жалостливо в воду, что аж у меня слезу прошибло, глядя на него. Я его, как малого ребёнка, всю дорогу за руку вёл, а он всё оглядывался назад и плакал. А взгляд у него до того жалостливый, что и я всё сердце изорвал, пока его уводил от омута.

Я понимаю, конечно, а что сделаешь? Любовь – штука сурьёзная. Её не всякий может выдержать да на сердце принять. Воз-то вон какой, а силёшки-то совсем маленькие; вот и надорвался, сердешный. Но вдруг-горядь сюда уж никто не попадает. Не пускает она никого, кроме меня. Я у неё вроде сторожа приставлен. Каждому своё. Ну что, сынок, давай собираться. Тут недалеко.

Во время нашего разговора какое-то решение зрело в моей голове. Я не гнал его от себя, позволяя до конца оформиться и созреть. И вот, уже полностью одевшись и закинув рюкзак за плечи, я ясно понял, что должен теперь делать. Мы вышли из избушки, спустились по ступенькам вниз, и я сразу же повернул к озеру.

– Ты куда, милоч?! Пстой! Нельзя туда!

Но я молча шёл туда, к ней. Я видел её лицо перед собой, её улыбку, глаза, ставшие для меня такими дорогими, и её тело с упругой молодой грудью, бархатистой кожей, покрытой капельками росы, излучающее розовое, тёплое, нежное сияние, и не мог остановиться. Решение окончательно созрело и оформилось у меня в голове, и менять его я не хотел, да и не в силах был это сделать. Я шёл к своей любви, которую не раз видел в мечтах и снах, и никто и ничто не могло остановить меня на этом пути.

– Стой! Не примет она! Назад! Утопнешь!

Дед догнал меня и схватил за руку. Но я лишь отмахнулся от него, как от надоедливой мухи, и шагнул в воду. Я стал, как и тогда, медленно погружаться в прохладную глубину озера. Мне казалось, что вода затягивает меня, расступается, как бы приглашая в своё царство. Она обнимала меня, словно это были Маришкины руки, и я чувствовал себя вновь в её объятиях. Я взглянул в воду прямо перед собой, и там в глубине увидел её лицо и глаза. Её губы шептали мне что-то. Она звала меня к себе, манила. Я был уже рядом, совсем рядом. Мы сделали последний шаг навстречу друг другу и протянули руки. И в то же мгновение кончиками пальцев я ощутил упругость её молодого горячего тела. Я обнял её, прижал к себе, и наши губы слились в долгом, длиною во всю оставшуюся мою жизнь поцелуе.

18.. год

* * *

Много воды утекло с тех пор. Вот и я, сменив в своё время дедушку Поликарпа, состарился на берегу этого тихого лесного озера. Так всю жизнь и прожил один. Ты скажешь, зря жизнь прошла. Нет. Не зря. Если бы мне сейчас вернуть всё назад, я бы вновь поступил в точности так же, как и тогда. Всего-то и были мы с ней вместе второй раз один годочек, но пролетел он, как один день, а счастья, которое я испытал за то время, хватило мне с лихвой на всю оставшуюся жизнь.

19.. год

* * *

Я уходил от лесного озера, от Маришкиного омута, и оглядываясь назад, видел седого, как лунь, старика, сидевшего на брёвнышке на берегу и гревшегося в лучах заходящего солнца. Я вспоминал его глаза, в которых было столько счастья, покоя, умиротворённости и мудрости от познания настоящей, сильной любви, что я завидовал ему белой завистью. Мне не суждено было этого испытать, хотя я и плавал, и нырял в прохладную глубину этого озера.

Лес кончился. Показалась деревня. Рейсовый автобус уже поджидал меня на остановке, чтобы увезти навсегда от волшебной голубизны глаз Маришкиного омута, в которых мне так и не суждено было утонуть.

2000 год

Яков ШАФРАН

БЕССОННИЦА

* * *

Ночь становится длиннее,
И луны прохладней свет.
Осень, осень, всё сильнее
Ощущаю тяжесть лет.

Дольше ждать рассвета стало –
Всё не разгорится он.
Солнце, видно, задремало,
Сладок, видно, утром сон.

Ждёт восхода молча роща.
Птицы замерли в ветвях.
И ничто вокруг не ропщет –
Утонув в осенних снах.

Купола, что в липах дальних,
Тоже свой волшебный час –
Диво-солнце встретить – ждали,
Наш земной вседневный Спас.

О, приди скорее, утро,
Заалей скорей, восток,
Выйди, солнце златокудро,
И развей всю тьму тревог!

Пусть становится длиннее
Ночь, луны прохладней свет,
Пусть и осень – свет сильнее,
С ним поменьше тяжесть лет!

* * *

Бледнеет небосвод, сереет роща,
Берёзы с полутьмой слились.
Луна за тучами лучи полощет –
Беззвёздна сумрачная высь.

Не спится мне, под утро нет покоя.
Пройдусь, хотя ещё темно.
В поре такой есть что-то колдовское,
Как будто в мир иной окно.

Иду, стволы берёз рукой лаская
И взором – розовый восток.
И видится душе: там жизнь иная,
Живительной воды исток.

* * *

*Молчит, молчит глухая ночь,
И ветер тоже сник.
Вокруг всё спит, а мне невмочь –
Заснуть хотя б на миг.*

Царица ночь, молчи, молчи,
Не надо, не морочь,
Былым в меня ты не мечи –
Оно умчалось прочь.

Вокруг во мгле – покой и тишь.
Хотя б на час уснуть.
За что меня ты не щадишь?
За что болит так грудь?

Почто тобою не забыт
Я среди дел твоих?
Почто душа моя болит
О днях моих былых?

И отвечает тихо ночь
Мерцаньем звёзд своих:
«Наверно, потому невмочь
Заснуть хотя б на миг,

Что и в ночной тиши к себе
Всё тянут вновь и вновь,
Упущенные по судьбе
И дружба, и любовь!»

Тогда взмолился Богу я:
«Господь, благодарю
За всё, что было от Тебя,
За всю любовь Твою!»

И тихий сон ко мне сошёл.
Душа нашла себя.
Неважно ведь, что ты обрёл –
Живи, благодаря.

* * *

*Я прошёл по росе, босиком свою землю лаская,
Каждой жилкой своей ощутил безмятежный покой.
Как доверчива ты, о Россия моя дорогая.
Как ответственные мы, дорогая страна, пред тобой!*

Как не спится в ночи в мире, полном страдания и горя.
О душа, не кричи, не услышат тебя – все глухи.
Ближний мне небосвод, моему настроению вторя,
Пишет строчками звёзд соразмерные скорби стихи.

Дальний мир весь наполнен божественных слов всезвучаньем.
Но душе погрузиться в него – значит стать не от мира сего.
И стремится она к золотой середине, к венчанью
С этой жизнью, полна откровений, иллюзий и снов.

Дни за днями бегут, убегают они в беспредельность,
И выносит на суд память мне из бывшего следы,
И терзают мой разум подобия и параллельность.
Взять бы всё это разом – и подале куда от беды.

Но как ночь ни длинна, а рассвет всё алей и алее.
Он для суток – весна, он – надежда и чаянье дня.
Солнце нашего мира сражается с тьмой тем вернее,
Когда в душах людей больше света, любви и огня.

Я готов прошагать босиком всю от края до края
Землю-Русь, землю-мать, чтоб навеки в народе её
Не иссяк её дух, не иссякла душа вековая,
Невзирая на слух, не иссякла она самое!

* * *

Снова музыку слышу, видя мой засыпающий город,
Как нежна и как дышит всеми гаммами струнной души.
Кто поймёт – приобщится и духовный почувствует голод.
Не уйти ведь, не скрыться от неё в этой дивной тиши.

Только днём можно слышать перетолки, злоречье и сплетни,
Что ещё можно выжать из расстроенных клавиш толпы?
Не помогут артисты, не помогут молебны, обедни,
Не очистить им тех, состраданием кто так скупы.

Как устала земля от ненастий людских и туманов.
И взывает моля: «Поскорее бы снег и мороз,
Чтобы вымерзла сплошь вся энергия лжи и обманов,
И на них ни на грош не осталось желанье и спрос!..»

Но когда спят в ночи все хотения, страсти и мысли,
Как поёт, как звучит эта дивная музыка сфер,

Как мерцают, горят на всём Млечном пути-коромысле,
Как снежинки, парят наши звёзды стремлений и вер.

И по нервам и венам растекается радость по телу,
Этим сладостным пленом проявляет себя благодать...
Но как ночь коротка – с краю небо уже заалело.
Нынче днём снова бой, снова бой с непогодой держать!

* * *

*От холода в воде дрожали звёзды.
Дорожку к берегу стелила им луна...*

Не убегать от жизни, а тянуться к звёздам,
Минуя козни розовой луны,
И радоваться дню и новым птичьим гнёздам,
Берёзовому сну родимой стороны.

За тьмой – рассвет, за ночью – день, так длится вечно.
От света тень, а не наоборот.
И это утро обещает нам сердечность –
Не вековечен зла круговорот.

И хоть ещё темно, но видится далёко:
За горизонтом – всполохи зари.
И зрит душа своим бессмертным оком,
Что новый мир стучится у двери.

Владимир МИТЮК

Ворона и Лисицын

Так случилось, что Лисицын остался один в старой двухкомнатной квартире. В старом же трёхэтажном доме, который тоже был старше него. Квартира давно не ремонтировалась, но Лисицын этого не замечал. Он привык к скрипу половиц под ногами, к свисту ветра в окнах. К тому, что иногда нужно выходить из дома за продуктами и в сберкассе оплатить счета.

Целыми днями он просиживал перед телевизором или смотрел в окно. А там – зелёный двор летом, снежный – зимой, покрытый разноцветными листьями осенью. Деревьев во дворе было много, они охраняли его дом с трёх сторон. Напротив – такой же дом, но четырёхэтажный. Ближе к нему, под деревьями, стоял столик со скамейками. Некогда Лисицын саживал за ним с бутылочкой пива. Не с собутыльниками, а с такими же пенсионерами, забивающими от скуки козла.

Прошло время, естественная убыль – кто уехал в более престижный район, кто-то переселился к детям, а кто-то – в лучший мир. Лисицын смотрел в окно, и его обуревала тоска.

И в один прекрасный день, когда солнце согревало уставшую за зиму землю и только что выросшую зеленую травку, раскрашенную одуванчиками и первоцветами, Лисицын оделся потеплее и вышел во двор. Медленно подходил к скамейке, опираясь на палочку. С каждым шагом сердце билось всё отчаяннее, в памяти проступали воспоминания.

Сел на скамейку и заплакал. Остался один... Над головой каркали бездушные вороны, не замечавшие произошедших изменений. По земле лениво топали голуби, подбирая крупу, рассыпанную сердобольными старушками. Меж ними сновали шустрые воробьи, желающие ухватить свою долю.

Но жизнь продолжалась, и с этим ничего нельзя было поделать. На следующий день он заранее приготовил термос с чаем, бутерброды. Завернул в газету – местные ведомости ему доставляли регулярно, вышел во двор, сел на скамейку. Тепло, солнце не обошло своим вниманием и сидевшего в тени Лисицына.

Он разложил бутерброды, налил чай в крышечку. Сделал глоток, второй. В чае – малина, черника. Летом Лисицын так выбирался в лес, собирал грибы и ягоды, просто гулял по лесу. Спешить ему было некуда, и это давало ему силы. Он медленно старел, но хвори его миновали.

Откусил бутерброд. Сыр свежий, вкусный. Положил на место. Некуда спешить, и это самое страшное. Но не сидеть же перед телевизором в такую погоду! Он задумался и не заметил, как к нему на стол прилетела ворона и пристроилась на самом краешке.

Она тихо сидела и внимательно смотрела на Лисицына. «Странно, – подумал он, – ворона не пыталась украсть бутерброд – они же всегда хватают всё, что плохо лежит. Или хорошо, но не под присмотром».

Эта же не пыталась ничего стащить, а только сидела и смотрела. «Да, у них же хорошая память, может, она и меня помнит?» – подумал Лисицын. А ворона переводила взгляд то на сыр, то на Лисицына. «А, сыру хочешь?» Он отломил кусочек и положил прямо перед вороной. Но та

только сказала: «Кар» и не притронулась к угощению. Лисицын покачал головой: «Ух ты, какая гордая!» Он немного подумал, взял кусочек, положил на ладонь и протянул вороне. Та, сделав шажок, аккуратно взяла сыр в клюв, и полетела. «Наверное, деток кормить», – догадался старик, покачал головой и углубился в воспоминания.

На следующий день он нарезал несколько кусочков сыра специально для вороны, взял бутылочку с водой и старую пиалу.

И всё повторилось. Только на этот раз, унеся сыр и выпив воды, ворона спустилась, сделала «круг почёта» и снова прокаркала.

А Лисицын вновь обрёл смысл жизни.

И так повторялась изо дня в день. Он уже ждал, когда прилетит его новый друг. Меж тем Лисицын слабел – возраст давал себя знать или притаившаяся хворь. Иногда ему было трудно даже встать с постели. Однако находил в себе силы сходить в магазин, купить неизменный сыр и хлеб. И ждал с нетерпением часа, когда вновь сядет за столик, разложит нехитрую снедь и предастся воспоминаниям. Привыкшая ворона прилетала каждый день в одно и то же время.

Иногда он что-то рассказывал вороне, та с пониманием качала головой, и ему казалось, что он возвращается в то время, когда напротив него сидели соседи, щёлкали кости домино или стучали по шахматным часам. Но видения рассеивались, и он снова оставался в одиночестве. Допивал чай и медленно-медленно поднимался на свой второй этаж.

И однажды не вышел во двор. Ворона прилетела, прокаркала. Ходила по столику и смотрела вокруг. Но Лисицына не было.

Через несколько дней в яркий солнечный день к старому дому подъехала чёрная карета, два крепких санитара вынесли из открытых дверей упакованное в чёрный мешок тело.

Ворона, будто что-то почувствовав, полетела следом и сопровождала машину, пока та не остановилась возле приземистого мрачного здания, а чёрный мешок переместили за стальную дверь. Ворона же взлетела на дерево и стала наблюдать.

* * *

Удивительно, но проститься с Лисицыным пришло много народу: и живущие в городе племянники с детьми, и соседи, и какие-то родственники. Немногие из тех, с кем он сидел за деревянным столиком...

Бросили горсти земли. Утерли слёзы. И оставили на столике угощение – рюмку водки, хлеб и сыр. И никто не обратил внимания на кружащуюся над свежей могилой ворону...

Через несколько дней кладбищенские работники, пришедшие поправить могилу и вырыть новую, заметили лежащую на земледохлую ворону. «Давай похороним и её. Негоже оставлять неприбранной, всё ж живое существо было»... Лопата, земля.

И будто не было ни вороны, ни Лисицына. Только одна табличка в изголовье.

ЭВТАНАЗИЯ

Рассказ

Луч, пробившийся сквозь неплотно задёрнутые шторы, рисует нечто на потолке. Я лениво поворачиваюсь, следя за ним. Мне чудится, что это размытые буквы, я пытаюсь прочесть. Но изображение быстро исчезает, унося за собой причудливые узоры. А машина проехала. Через несколько минут или секунд – что-то в обратном направлении. Трамвай – он не звенит, но я его слышу. Значит пора вставать. Сегодня мне удалось проснуться до звонка будильника. Я встаю, выключаю его, чтобы не разбудить жену. Она спит в соседней комнате, ей спешить никуда не надо.

Мне на работу, но это недалеко, всего пару кварталов. За полчаса я управлюсь, даже идя по свежавыпавшему снегу. Палочка – а я, увя, вынужден на неё опираться, мне поможет. И я успею поднять жалюзи, открыть киоск, включить обогреватель ещё до приезда машины со свежей прессой. Рашид, как всегда, будет немногословен, но дружески улыбнется. Я проверю накладные, разложу газеты и журнальчики, и приму пост.

Постоянные посетители приходят чуть ли не к открытию. Метро далеко, целый квартал, и я, так сказать, ближний и надёжный источник знаний. Луч, если можно так выразиться, света.

Вы про тёмное царство, да? Я так не считаю, у каждого нечто своё, и даже мой, казалось бы, незначительный пост открывает определённые возможности. И пока что жаловаться на судьбу нет оснований. Разве что...

Но что обо мне – рассказывать неинтересно, у меня есть небольшая подушка безопасности, а в ней – кубышка, в которую я периодическикладываю доход. Даже к пенсии не притрагиваюсь. Сидеть и наблюдать интересно, народ спешит, заглядывает, что-то спрашивает. А я запасливый, у меня все есть. Сегодня зайдут Гафтыч и Геручик, писатели. Они отчаялись хоть что-то продать, а я им помогаю, рекомендую. И десяток-другой книжек каждый месяц уходит в народ. И писатели довольны, и мне приработок.

Ещё пользуется спросом «За здорово живёшь», журнальчик на газетной бумаге. Или газета? Два раза в месяц, некоторые аж прямо охотятся, чтобы не пропустить очередной номер. Признаться, я его не открывал, так, обложка, и всё. Не верю я ни в чудодейственные рецепты, ни в поликлинику. Скриплю пока. А вот некоторые...

Вот пожилая парочка – может, около шестидесяти, часто останавливается. Муж – высокий, прямой, как... и женщина. Она заинтересованно спрашивает, пришел ли журнал, а он стоит в стороне, скептически смотрит и покуривает. Я понимаю его, но если женщине интересно, так пусть читает. Моя тоже, но привыкла, что делать это надо не в моём присутствии. Вот и сегодня вечером они зайдут, уже отложил новый номер...

Народ идёт на работу и просто желает узнать, что пишут наши газеты. Будто у каждого нет телевизора или интернета! Наверное, с Булгаковым они не знакомы, а зря: «И – боже вас сохрани – не читайте до обеда советских газет. Пациенты, не читающие газет, чувствуют себя превосходно». Я это понял и не заразился. Наши газеты, как бы это сказать. Я продаю, а не читаю. Ну разве там напишут, что у нас сейчас самый длинный период стабильности, то есть застоя за всю историю России, даже застойбище. И что МРОТ в Гондурасе в два раза выше. И что «Спартак» опять под-

судили. И что печатают только то, что сказали наши, а противоположная сторона. Что вообще молчала. Вроде правда, да вот не вся.

Отвлёкся.

Да, эта парочка. Иногда он проходил мимо один, я, если не был занят, выходил с ним покурить, поговорить о том о сём. Он, конечно, скептически относился к увлечению жены медицинской литературой и народными средствами. Та выглядела ещё о-го-го, и никто не дал бы ей те самые роковые шестьдесят. Могу побиться об заклад, что она, если и читала, то не использовала на практике. Да и зачем, когда всё хорошо?

Только что-то давно их не было. Вот писатели – те да, наведываются, интересуются. А супруги – то ли переехали, то ли изменили маршрут. Как и я – в середине декабря днём мой киоск совершенно неожиданно перевезли поближе к метро с целью оптимизации. Что говорить, покупателей стало больше, а свободного времени соответственно меньше. Но я не ропщу, ко всему привык.

Контингент сменился, но многие заходили по старой памяти, это мне знакомо. Как и та женщина, Галина. Она пришла промозглым февральским днём, когда в воздухе стоит снежно-дождевая пыль, ветер противно бьёт в лицо. Вам-то прекрасно известно, какая у нас зима – то дождь, то заметёт, ну и гололёд... Убирай не убирай, само растает.

Я сразу узнал её, хотя она изменилась и выглядела уже не так бодро. Спросила странную газетку, я достал несколько номеров – знаете ли, придерживаю для постоянных покупателей. Расплатилась, и тут чёрт меня дёрнул:

– Что-то вас, Галина Иосифовна, долго не было. И Семёна тоже.

Она мгновенно помрачнела и...

– Случилось что? Неужто... – ум-то у меня не поспевает за речью, вот какая беда.

– Нет, хуже.

Из глаз женщины брызнули слёзы, тут уж я подсуетился, раскрыл дверь:

– Заходите, у меня просторно, сейчас чайку с бальзамчиком.

Поставил табличку «Технический перерыв», опустил жалюзи.

Через некоторое время женщина перестала плакать, отогрелась, да и бальзам своё дело сделал.

– В больнице он, неподвижен. Кома, что ли... Да, кома – это почти аут. Наслышан. Не дай бог кому.

– И давно? – глупей вопроса задать я не мог, но опять сорвалось с языка.

– Давно, – похоже, Галина Иосифовна привыкла к подобным вопросам, – извините, не сдержалась. Всё было хорошо, пока с этими пенсиями. Реформа, а он...

– Вроде у него всё было в порядке, так?

– Да, он на пенсии, и работает, конструктор, теперь-то специалистов мало, все в бизнес пошли. А потом... Я не знаю, как всё случилось, только мне сказали...

Она замолчала, а я не стал дальше расспрашивать, чувствуя, что ей тяжело и говорить, и слушать. Только сказал:

– А если я его навещу, может, поможет? Обычные воспоминания могут быть толчком, что-то сдвинется, мы же совершенно не представляем механизма. В общем, как мозг работает.

– Да, да, пожалуйста, – я чувствовал, что женщина готова ухватиться за любую соломинку, используют все возможности. Вот вернётся домой,

и будет читать жёлтые газеты с надеждой. А потом в отчаянии выбросит в мусор. Или сложит в аккуратную стопочку.

– Вас проводить?

– Не стоит, я живу рядом, да дочка приехала. Спасибо вам...

Женщина ушла, может, немного взбодрилась. За что спасибо?

Я стал думать. Впрочем, теперь это моё почти основное занятие.

* * *

Меня даже не спросили, к кому. Наверное, вид мой был весьма убедителен. Да и кто обратит внимание на пожилого человека с палочкой, к тому же в больничном халате? В общем, найти палату было несложно, имея определённый навык. Обычная, даже не реанимация, отдельная. Ах да, там же по страховке.

И плата – будь здоров. Или уже семья платит?

Народ снуёт по этажам, лифты, пандусы, каталки, посетители. Эпидемии нет, ходи где хочешь, только с уверенным видом.

Номер – на двери, палата одноместная, с туалетом, душем и диванчиком. Только ему-то зачем, если обездвижен? Зато родственники или друзья могут переночевать со всеми удобствами.

Правда, узнать его сложно: Семён осунулся, нос заострился, повсюду колбочки, шланги, штатив, капельница, самописец. Дышит сам, хотя аппарат искусственного дыхания стоит, но не подключен. Значит, какой-то шанс есть. Да он есть всегда, только после того уже нет, а необратимые процессы? Я далёк от этого, даже фаталист. Но ведь не все же такие!

Дышит, дышит. Может, это вовсе и не кома, а некое промежуточное состояние? Я что-то об этом слышал, но так далёк от медицины. И здорового могут залечить, а уж что с больным... Недаром народ подался к знахарям. Хотя я не прав, всяко бывает.

Я вздохнул и сел на стул рядом. «Как же тебя, бедного? Ты-то меня хоть слышишь?» Я даже вздрогнул – слабо шевельнулись ресницы, хотя заметить было сложно. Я кивнул головой, мол, понял. «Да, слышу, а говорить...». Опять слабое движение ресниц. «Значит, пойдёшь на поправку, я точно знаю...»

Да ничего ты не знаешь и понять не можешь. Я могу шевелить ресницами, слышу и понимаю всё, ты это хотел узнать? Так слушай.

Он смотрел на меня, я точно понимаю! Связь между нами установилась. Неужто ментальное общение существует? Я напрягся, заставив себя выбросить все посторонние мысли, почувствовал, даже пот выступил.

Время вечернего обхода ещё не пришло, капельницы почти полные, жидкость бежит по тоненьким трубочкам, поддерживая жизнь в обездвиженном теле.

* * *

Ты же знаешь, я жил неплохо, на жизнь вполне хватало, и даже больше – мы довольно-таки много могли себе позволить. Не бедствовали, в отличие от многих. Я не спрашиваю, как ты сюда пробрался. Не отвечай, не отвлекайся. Злополучный указ с пенсиями. Вроде бы меня не касается, и жены тоже, живи и радуйся. Но сердце-то болело – что будет, как будут жить-то? И так – да ты сам всё знаешь, что рассказывать. Слышал, что будут акции протеста, но предвидел, что никакого результата не будет. Всё заранее за нас решили, и ясно почему. В тот далеко не прекрасный

день я просто вышел прогуляться. Нет, день был хороший, жена уехала по делам, я был свободен. Здоровье позволяло, и я пошёл пешком по городу, даже не выбирая маршрут.

А тут народ. Много народа с транспарантами и полиция. Нет, всё тихо, мирно так, для проформы. Я невольно смешался с толпой, стал расспрашивать, что да как. Большинство тоже попало случайно – увидели и присоединились. Но разговоры только на одну тему, и уже неинтересно. А народу всё прибывало. Милиция, то есть полиция, вела себя мирно, зная, всех реформа коснулась. И то понятно – несколько лет поработаешь, приработок и пенсия к тому же. Многие, многие ждали момента выхода на пенсию и не думали бросать работу.

Я понял, что мой собеседник вздохнул. Взял его за тёплую руку, кивнул, а мысленно не встревал, опасаясь прервать контакт.

Он продолжал: и в какой-то момент я даже не понял, все куда-то ломанулись, и я тоже. Помнишь Ходынку и потёмкинскую лестницу? Я ничего не почувствовал – то ли меня толкнули, то ли сам упал. И всё, даже боли не почувствовал. Вижу, слышу, но не могу пошевелиться. Народ как-то сразу расступился, откуда-то появилась скорая помощь, и я здесь. Беспомощный, наедине со своими мыслями.

Да ты уже иди, скоро обход. Хотя тебя в телевизоре видно.

Я оглянулся: висящие на стенке белые часы с тёмными стрелками показывали половину шестого, и мне тоже пора, работа, которую терять нельзя. Я кивнул и сказал, что приду завтра. Семён сигнализировал движением ресниц и отключился. И я не позволил себе пожалеть его – я понял, что он мужественно переносил своё нынешнее состояние и не надеялся на выздоровление.

Я успел на вечернюю смену, пришли мои писатели с новыми книжками. Продам, конечно, если они будут пользоваться спросом, постараюсь. Понимаю, как всем непросто. Пообщались, но о сегодняшнем визите я умолчал, хотя сюжет... Но это только моё, я не имею права, и даже жене ничего не скажу. Завтра приду в это же время, надеюсь ни с кем из родственников не пересечусь.

* * *

«Пришёл? Ну как там, на воле?» – Семён телепатировал мне, когда я взял его за руку.

Странно, она по-прежнему была безжизненно-безвольной, хотя в ней пульсировала кровь. «Сколько?» – «Пятьдесят шесть. Это нормально, даже слишком», – я позволил себе усмехнуться. Хотя какой тут смех! Лежит абсолютно беспомощный человек, обвешенный трубками, аппаратами, поддерживающими жизнь, всё понимающий, но... «Да не жалей меня, я ничего не чувствую. Немного неудобно, когда за мной убирают, переворачивают, моют, но это неизбежно». – «Потерпи, будет улучшение, ты встанешь на ноги или сядешь в инвалидное кресло...» – «Нет, я знаю, когда-то читал, не помню где. Если нарушена связь со спинным мозгом, её нельзя восстановить. Я это понял даже из обрывков разговоров. При мне стараются ни о чём таком не говорить, но всё-таки понял, что процесс необратим».

Несколько минут молчания. Да, не позавидуешь Семёну. Родные приходят, тоже берут за руку, но контакта со мной установить не могут. Но рассказывают, думая, что я понимаю. Я и слышу, и понимаю, но сиг-

нализировать глазами не хочу. Зачем? Они только будут осторожнее, я вообще ничего не узнаю. Нет, мне совсем не скучно, как можно предположить. У меня появилась масса свободного времени, и я могу думать, свободно думать. Но анализировать жизнь бесполезно, что было, то было. А что впереди? Мысли закончатся, пойдут воспоминания друг за другом, до сумасшествия. Но никто не решится отключить меня от аппарата...

Кстати, когда... ну ты понял, всё закончится. У меня есть небольшие сбережения. Вклады, карточки. Запоминай, потом ты скажешь Гале, но только потом. Я знаю своих. Скоро, через пару недель, страховка закончится, и тогда... Истратят всё, но зачем? Пользы от этого никакой. Ты сделаешь это?

Я кивнул. Память у меня прекрасная, не могу пожаловаться. На последней работе я был завскладом – выдавали рабочим инструмент, а там необходима внимательность. Но до того работал слесарем, окончил заочно институт и получил повышение. Однако ничто не вечно – завод находился в престижном районе, и много желающих занять эту территорию. Кого-то уволили, кто-то, как и я, вышел на заслуженный отдых и нашёл заранее присмотренную работу в киоске.

– Так вот, – продолжил Семён, – я не могу понять, зачем ввязался? Или это было predetermined заранее? Не могу пройти мимо несправедливости. Хотя сейчас думаю, а так – смирился и жил. Приспосабливается народ, и я ничуть не лучше. Кстати, ты не знаешь, как там с реформой?

Меня это тоже не затронуло, сто-двести рублей, отнятых у работающих пенсионеров, – да бог с ним. А вот несколько сот тысяч – совсем другое дело. Народ у нас терпелив, только до какого предела? Вот, пересчитываю Салтыкова-Щедрина, сколько там лет прошло?

А я не читал, ты мне расскажешь? В школе проходили, я ничего не понял, а сейчас, ты говоришь...

Я немного рассказал, а он только качал головой. Нет, реально Семён был неподвижен, но я чувствовал.

В коридоре послышались шаги – наверное, сегодня пробыл чуть дольше.

– Вы из какого отделения?

– Из травмы был, а теперь в терапию перевели.

Мой честный взгляд, голос и больничная одежда не вызывали никакого сомнения в том, что я тоже один из обитателей этого лечебного учреждения.

Мне пришлось отпустить руку Семёна, и контакт между нами прервался.

Медсестра меняла капельницы, колбы, поправляла подушки. Стала перестилать постель, я спросил:

– Помочь?

– Да, не откажусь, поддержите здесь.

Уход – на хорошем уровне, похудевший Семён переносил процедуры стойче. Ведь он ничего не чувствовал! А мне стало жутко жалко и непонятно – за что это? Человек жил, работал, приносил пользу государству, и вот... пройдёт некоторое время, и его безжалостно выкинут отсюда – страховка не вечная. А родственники начнут собирать деньги по сусекам, продавать всё, что можно, без малейшей надежды на выздоровление. И ждать. Как там у Пушкина? И наступит момент полного разорения, а надежды не будет, не будет! И всенародный клич – да не будет этого, не молодой усталый мужчина кому интересен?

А Галина Иосифовна ничего не знает о моих визитах. Зайдёт – расспрошу, но очень осторожно, чтобы не выдать себя. Понимаю, как ей тяжело. А мне не переключиться на другие мысли, я вынужден всё держать в себе. Вечером кто-то из пенсионеров принёс листовку – «Все на митинг против...». Но я не пойду. Мне стало страшно: а вдруг подобное приключится со мной, и я окажусь в беспомощном положении...

* * *

Митрофаныч ушёл, а я остался наедине со своими мыслями. Много чего приходит в голову, когда целыми днями практически один, даже если кто-то приходит.

Родные сидят, смотрят с сожалением, что-то говорят в надежде, что я услышу. Я-то слышу, но мне не нужны слова утешения. Интересно, когда дадут согласие на отключение? Ужас, ответственность на себя брать и потом корить до конца уже собственной жизни. Да и никто не решится – пульс нормальный, кровь бежит по жилам, сердце бьётся. Так это почти убийство. Разве что случайно.

Когда закончится страховка, переведут куда-нибудь похуже, здесь не оставят, я ж не Стивен Хокинг, но не выбрасывать же пока живого человека. Висит календарь, я вижу даты. Осталось меньше недели. Приходили с работы, принесли цветы – вот они, в вазочке, и гладили по руке, будто я уже в последнем пути. Но никто ничего не понимает, не знает, что я... Рассказывают, как дела, я всё слышу и понимаю, говорят, чтобы я держался. Оптимисты.

Но обратной связи нет! И даже телепатической, как с киоскёром. Почему именно с ним? Подумаю, но знаний не хватает. А он не решится отключить меня, как бы случайно, или... Хотя понимает. Вот сейчас. Я мысленно напрягаюсь, пытаюсь ускорить ток крови. Получается ли? И кто это заметит? А сейчас? Я решил продолжить.

* * *

Пришёл молодой доктор, бегло посмотрел на меня – без изменений, потом – на компьютер, что-то увидел и вдруг вскочил...

Достал мобильник и вышел из палаты. Значит, что-то заметил? Но я понял, что могу управлять движением крови! А остановить? Интересно. Надо попробовать, но потом. Пока же... Жажда жизни есть у всех, даже у полностью обездвиженных и безнадежных.

Я спрашиваю себя: ввязался бы в эту историю, если бы знал последствия? И не нахожу ответа. Мой порыв был случайным, но подготовленным прошлой жизнью. Можно спросить, был ли я борцом за справедливость? А что, собственно, назвать справедливостью? Я не знаю, и не буду искать ответ. А насчёт несправедливости – это ясно. Нельзя обижать слабых, немощных и т.д. Но я сделал разве что-нибудь, чтобы изменить положение? Помог ли кому? Нет, сам терпел и пытался выживать. И получалось неплохо. Не думая, вернее, надеясь, что до меня дело не дойдёт.

А теперь я в беспомощном положении, и никаких шансов. Я знаю, так будет всегда – усталые родственники, родные – ну когда же? Это в душе, но никто не признается. Более того, будут стараться продлить моё бесцельное и беспомощное существование. Истратят все накопления, продадут остатки валюты и, не дай бог, заложат квартиры. Как я буду смотреть им в глаза, с облака, когда неизбежное произойдёт...

И у меня остаётся один выход. И никто не узнает настоящей причины, не будет ни митингов, ни шествий. Спрячутся в свои скорлупки, пока их самих не достанет. Разве что активисты. Но что о них. Кроме самопиара – ничего! Значит мне необходимо найти способ ускорить процесс, пока не поздно. А времени всё меньше.

Чему удивился доктор? Что кровь стала бежать быстрее? Ну и что. А... идея. Если сконцентрироваться так, чтобы в какой-то момент в определённой точке – так, где воткнута иглока, ток крови усилился. Нет, не пойдёт, всё крепко-накрепко зафиксировано, не дай бог что. Значит, надо выбрать такой момент, когда будут менять капельницы. Удастся ли что-то выдавить? И я стал готовиться, никто об этом не знал.

Каким-то образом мне удалось найти именно эту точку. И когда медсестра вытаскивала иглу из – ну не знаю, как точно назвать, выдавить капельку крови. Сестра вздрогнула, быстро поставила зажим, но результат я всё-таки получил. Но смогу ли я, хватит ли? Да, можно превратить энергию микроэлементов... Что там? Магний, калий... Но тогда мозг перестанет соображать, и мне не удастся осуществить задуманное. Или... Всё-таки надо попробовать.

Завещание. Я давно написал, никаких официальных прощаний, речей, отпеваний. И минимум родственников, что им делать? Разве что поддержать вдову. И на работе говорил то же самое, правда, мало кто воспринимал всерьёз. Шутили. Вот и дошутились. Оглядываясь назад – наверное, в последний раз, думаю, правильно ли я тогда поступил? Не проще ли было пройти мимо, свернуть в переулок, зайти в кафе, а потом посмотреть по телевизору, прочесть в новостях и осудить «преступные действия» или бессмысленность протестов? Наверное, я и сейчас сделал бы то же самое.

Просто наступает такой момент, когда ты уже не можешь оставаться в стороне. Но только не у всех одновременно наступает он. И никакой революции. «Верхи не могли, низы не хотели, но всё же терпели, терпели, терпели». Да, жизнь стала лучше, но относительное обнищание и растущее бесправие. Теперь каждый может говорить всё, что хочет, а смысл... «Вихри враждебные веют над нами, тёмные силы... гнетут». Мысли путаются, я не могу чётко сформулировать даже не знаю что... И киоскёр не приходит. Хотя у него свои дела, да и возраст. А мне есть что сказать.

Устал я от мыслей. Кровь бежит, подгоняемая аппаратом, мне нужно отдохнуть, чтобы сконцентрироваться на главном. Если получится, кровь просто перестанет питать мозг, и я ничего не почувствую, даже не успею испугаться. Что, думаете, мне нестрашно? Только надо подождать, пока мои уйдут, чтобы не видели.

* * *

Не смог я выбраться в больницу к Семёну. Что-то нога подвела, еле доходил до киоска, а там сидишь себе. Побаливает, мазью натрёшь – на время полегчает, но о том, чтобы пойти далеко, и речи нет. Неделью так маялся, думал даже на процедуры записаться. Только к ревматологу в нашей поликлинике можно попасть по записи. Так же и с невропатологом. Ничего, я привычный, интернет всё расскажет. Только сердце стало пошаливать. Никому не говорил – и так известно – от старости. А врач скажет, даже думать не надо: «Ну что ж вы хотите, голубчик! Возрастное у вас». Мол, дышишь пока и живи, и не морочь занятым людям голову. И

то верно. Дышу и никому не мешаю. И вправду – врачей мало, стариков стало много, зажились. Ещё и пенсию им плати.

Галина Иосифовна не заходила. Может, мне уже и спешить не к кому. Вздрогнул – нет, ещё поборемся. Я попробую внушение – чем чёрт не шутит, что мышцы у Семёна могут сокращаться, что он сможет ими управлять. Да что я, даже моих поверхностных знаний хватало, чтобы понять: процесс необратим. И если он сможет общаться – пусть только со мной, это облегчит последние дни его существования.

Наконец я почувствовал в себе силы, нога отпустила, вызвал такси и поехал в больницу. Иду себе с палочкой да в халате. Меня наверняка уже заприметили, почти своим стал. Случись что, сюда и привезут. Поднялся на этаж, там – суета. Санитары с каталками, молодой озадаченный чем-то доктор. На меня – ноль внимания. А я – к палате. Возле неё – суета. Заглянул – весь потолок забрызган кровью, и пол тоже, штатив с капельницами опрокинут, а постель пуста.

Сердце ёкнуло. Неужто его замысел сработал? Как только он смог! Бедный Семён.

Молоденькая медсестра сидела за столиком в коридоре и тихо плакала.

– Милая, что случилось-то?

– Да вот, – она глотала слёзы, – Семён Петрович. У нас-то всё под наблюдением, особенно тяжёлые, но не будешь же всё время в телевизор смотреть. Датчики стоят, чуть что – сразу сигнал, туда и бежишь. И сейчас, буквально через десять секунд, мы были в палате. Но было поздно. И как назло, полчаса не прошло, как родные ушли. И теперь им надо сообщить.

– А как?

– Да выскочила игла, по которой раствор капали. Ума не приложу, такого на моей памяти не было. Будто вырвали её с корнем, и из раны – фонтан. Зажали, чтобы прекратить поток, тут же – за физраствором и кровью, но слишком много потерял. Наверное, и внутреннее кровотечение. Не уберегли.

Девушка разрыдалась:

– Это я виновата, если бы была пошустрее, то может, и успела бы. Он же совсем был беспомощный!

«Нет, не беспомощный, раз сумел сотворить такое», – подумал я, а вслух сказал:

– Не корите себя, видно, судьба так распорядилась, и Господь его к себе позвал, чтобы не мучился.

* * *

С утра Гафтыч и Герунчик обошли несколько точек, книги продавались плохо, но несколько сотен наскребли. Посидеть с пивом, поделиться творческими планами, посетовать на жизнь да помыть косточки таким же неудачливым коллегам. Что может быть лучше? Напоследок решили наведаться в киоск, может, и старик продал что-то? Не продал, да и бог с ним, зато поговорить можно. Даже угостить. «Интеллигентный он человек», – сказал Герунчик, а Гафтыч согласился.

Почти стемнело, когда за разговорами они наконец добрались до киоска, приговорив по дороге полторашку «Охоты». И недорого, и эффект есть. По крайней мере настроение повысилось.

В киоске горел свет, дверь была приоткрыта. Они нагнулись к окошку. Старик сидел неподвижно, рядом – разбросанные листки рукописи.

– Вызывай скорую помощь, что-то не то.

– Да, похоже, Митрофанычу она уже не поможет.

Однако вызвали – мол, так и так, с киоскёром неладно. И помочь уже нельзя.

Подобрали листки, испещрённые пометками.

– Смотри сюда, похоже, Митрофаныч заделался писателем! Теперь каждый графоман мнит себя...

– Ого, дай-ка и я гляну. Прочёл заголовок: «Застойбище», гм...

Пробежал опытным взглядом по тексту, перебирая пронумерованные странички.

– Послушай, ему-то они теперь ни к чему, а нам сгодятся.

Кто сказал первым, неважно, главное – думали они в одном направлении.

Сложили листки в папку, положили в портфель рядом с запотевшей бутылкой и стали ждать скорую.

Николай КОТОМИН

Прыжок

Не вырваться из замкнутого круга...
Не прыгнуть даже выше головы...

Конец настал. И гордая Гертруда
Споткнулась о видение молвы.

Короток мир. И жизнь... Страданий ад...
Всё ослепляет степенью обмана.

И кто спешит – медлительней в сто крат.
Но тот живет, кто выше прыгнул рано.

* * *

Вот и всё. Со мной один лишь ветер.	Говорит со мною... Он мне снится
Он со мной гуляет. Он сидит,	В сонной, вновь вернувшейся тиши...
Если я устану... Тих и светел	
Взгляд его... Лишь душу бережит.	Рано ли? Иль долг миг прощанья...
	Он сей час. Он рядом. Навсегда.
Говорит со мною... Веселится –	Зелен лист, далёк от увяданья...
Если я пляшу – так от души!	И бурчит, как талая вода...

На открытие... Памятнику А.А. Ахматовой напротив Крестов...

Уж пленено пространством время,
И сдвинут аж булыжник вековой.
Зачем же ты опять надела бремя?
И вновь стоишь с поднятой головой?

Не дали на простор взглянуть с улыбкой
И, не скорбя, пройти по мостовой...
Опять в тюрьму пространства меры зыбкой
Уходишь с непокрытой головой...

Уходишь...
Не уйти – тут притяженье душ!
Дороги нет, пути – булыжники и сушь.
Сойди! Душа навзрыд! –
И памятник оставь...
Уйди от черни, былд.

Но – тишина.

* * *

Расставанье – это не разлука.	В голове одни метели.
Расставанье – не было любви.	Весь ты обалделый в землю врос.
Расставанье – это крик! Без звука.	
И паришь – не в небе, а в пыли...	Расставанье – это вечно слезы...
	Расставанье – вовсе не беда.
Расставанье – крылья улетели.	Всё пройдет. Как у моей берёзы –
Расставание – застыл вопрос	После плача – сладкая вода.

По листве бреду по прошлогодней...

По листве бреду по прошлогодней.
Вспоминаю – было что, прошло.
Вот листы плывут по глади водной –
Исчезает время... Уплыло.

Я зажат пространством и душою.
Пес резвится, раздвигая даль.
Солнца луч дробится в водоеме.
И не жаль мне прошлого, не жаль.

Я люблю – и в этом всё пространство.
Вновь мелькают лица предо мной.
Вот рыбак подсматривает страстно.
Ловит он. И ищет он покой.

Вот и лист взлетел над суетою,
Вспомнил будто молодость свою.
Только всё суетное – земное –
Каждый жив в своем родном краю...

А шаги бредут бесповоротно,
Всё идут, и всё – вперёд, вперёд.
И ласкает ветер приворотно
И глаза, и щеки, нежный рот...

Что-то исчезает...

Что-то исчезает... Не вернёшь.	Улетают птицы, как всегда,
А уходит – точно навсегда!	Оставляя звезды за собой.
Так за каплей капля – или дождь,	Все в движении!.. Мчатся кто куда!..
Или радость тает, иль беда...	Где же мне обещанный покой?

Догорает медленно свеча.	Не молчи! Открой любви глаза –
Пламя – в прошлом. Где оно теперь?	Уж она стучится в нашу дверь!
Уж рубить – так уж не сгоряча!	Непослушна катится слеза...
Даже осень – вся вновь из потерь!	Я нашел тебя!...
	Молчи теперь.

Притяжение потеряло силу...

Притяжение потеряло силу.
Словно мир споткнулся. И упал...
Укатил далёко милый, милый...
Даже солнца луч светить устал.

И окно открыто – может, кто-то
Забредет. Заблудится не вдруг.
На второй, десятый день иль сотый...
И избавит от великих мук.

А в окно свежайший ветер дует –
Всё живет величием весны.
Где ж мое веселье? – Будь что будет!
Мне его одежды все тесны.

Плач по позавчера

И как будто не было вчера.
Я молю, чтоб так оно и было!
Чтобы солнце было бы с утра,
Как обычно чтоб оно светило!

Чтобы птицы пели у двора!
Чтобы звезды спали на ладони!
Я молю тебя: «Верни позавчера!»
Я кричу, но звук в тумане тонет...

Плачу я опять... Плачу частями
Вновь растерзанной моей души.
Вновь плачу я солнцем, что не с нами...
Стонет вновь душа моя в тиши...

Я молю тебя: «Вернись, вчерашний!»
Я молю тебя: «Назад! Назад!..»
Но скрипит старухи глас смердящий:
«Вырубают твой вишневый сад!..»

Стонет всеми древо голосами,
Потому что был вчерашний день.
Я опять с угасшими очами...
И от сада пень, пень, пень, пень, пень...

А какое было утро раньше!
Замер колокольчик у дверей.
На пороге только ангел падший,
И стеклянен взор его очей.

Изабелла КРОТКОВА

Дар Господень

Игорь Семёнович Качанов, врач третьей детской больницы, возвращался домой после напряжённой смены. По тропке, ведущей к небольшому, затерянному в отцветающей зелени дому, он подошёл к низенькой калитке и уже собирался открыть её, когда неожиданно услышал шорох – неподалёку кто-то завозился в траве.

Врач остановился и прислушался. Шумное, хриплое дыхание донеслось до его слуха.

– Кто там?..

Шурша листвой, сияющей под ногами, как тёмное золото, он прошёл несколько метров вдоль забора и увидел лежащего бродягу – всклокоченного, небритого, в давно не стиранной одежде. Голова его нелепо откинулась набок, на щеке засохли пятна грязи. Наклонившись над ним, Игорь Семёнович сразу ощутил характерный запах перегара. Мужчине было около сорока пяти лет, и он был мертвецки пьян.

Однако вместо того чтобы брезгливо отойти, врач пристально вгляделся в валяющуюся на земле фигуру. Присев на корточки, он расстегнул пуговицы на задранный рубаше, мягко ощупал живот, грудь, сжал запястье, улавливая пульс... Потом выпрямился и постоял, о чём-то сосредоточенно раздумывая. Огляделся по сторонам.

Вокруг было безмолвно и пусто, улица в этот сумеречный час казалась вымершей. Решительно ухватив нежданного гостя за подмышки, Игорь Семёнович затащил его в сад и тихо прикрыл за собой калитку. Отдышавшись, взвалил храпящую ношу на плечо, занёс на террасу и аккуратно опустил на кушетку. Там ещё раз внимательно осмотрел, ощупал уверенными опытными руками. Да, подойдёт. В этом нет никаких сомнений.

Достав из кармана сотовый, Качанов набрал номер жены – медсестры того же отделения, где трудился сам. Сегодня она осталась на ночное дежурство.

– Тоня, ты сейчас одна? С тобой рядом никого? – спросил он взволнованно. – Мне нужно сказать что-то важное.

– Никого, – отозвался женский голос. – Но могут войти. Если ты о...

Игорь Семёнович понизил интонацию.

– Да. Об этом. Как стемнеет, привези сюда одного пациента... – он прикрыл трубку рукой, хотя кроме бродяги, лежащего на кушетке, поблизости никого не было. – Мальчик из седьмой палаты, вчера поступил. Виталик, кажется.

– Колотков? – так же негромко уточнила Тоня.

– Точно, Колотков. Шесть лет, диагноз...

– Да-да, я помню. Появился донор для пересадки? – последнюю фразу Антонина произнесла шёпотом.

Игорь Семёнович бросил профессиональный взгляд на мужчину, храпящего с открытым ртом.

– Похоже, да. Не задерживайся и соблюдай осторожность.

– Скоро буду, – коротко ответила жена.

В тот же день и час на другом конце города, на лавочке в заросшем ивами уголке городского сада сидели два неприметных человека. Один был худой, но жилистый, в кепке, майке и серых широких штанах с глубокими карманами. Закинув ногу на ногу, он с аппетитом поглощал жёлтый медовый банан.

– Пора подвести итоги месяца, Иезеум, – начал разговор второй, высокий, плотный, одетый в тёмный костюм, с бутылкой пепси в руке.

Щуплый Иезеум облизнул губы и не спеша очистил от кожуры ароматный фрукт.

– Ну что, Донован, – начал он, откусив очередной кусочек, – я потрудился неплохо.

– А кто у тебя, художник?

– Художник, – кивнул Иезеум. – Я давно не встречал таких, очень редкий талант! Надеюсь, моё усердие Хозяин оплатит дорого... И вот что закономерно: бездарные мазилы себя гениями мнят, а этот – нет, скромный, какой-то безропотный, хотя обставит этих «гениев» на сто очков... Про таких говорят «не от мира сего». Его пока нигде не признали. Но близился тот час, когда вынуждены были бы признать. Я вмешался очень вовремя! – он ухмыльнулся. – Теперь благодаря моим стараниям он будет творить всё реже и реже, всё меньше и меньше...

– Конкретно, – потребовал Донован.

– В понедельник на рынке я прикинулся настоящим красавцем – высоким, косая сажень в плечах – ну бабы это любят...

– Короче, – Донован не любил лирических отступлений. Он сузил и без того небольшие глазки и впился ими в собеседника. Заломив кепку за ухо, тот продолжил:

– Короче, подцепил в рыбном ряду его жену, помог донести сумки, начал выпытывать, осторожно, ласково, мешая в равных пропорциях негодование и сочувствие. Как, мол, такой красавице муж разрешает таскать тяжести... Вон какие женщины, не ей чета, а все с машинами да с заботливыми мужьями, да и с детками... Она сначала не поддавалась на провокации: не поддакивала, не жаловалась – в общем, стойко держалась! Открылась уже, когда я оттоптал все больные мозоли. Она нервная – с непризнанными гениями жить непросто! Глаза постоянно на мокром месте...

– Соблазнил в этот же день?

– Да, а чего тянуть-то? Поначалу она всё рвалась к своему художнику, слегка всплакнула... Но было промозгло, мы зашли в полупустое кафе, выпили вина. Когда она отлучилась в дамскую комнату, я добавил в её бокал немного порошка №1. Конечно, не очень чистая победа... Но главное, что в итоге она оказалась в номере «Легенды» со мной...

– Так.

– Тем временем я подослал к художнику одну «хорошую женщину» – из тех доброжелателей, с которыми и врагов не надо. Она ему всё рассказала, где и с кем видела – он помчался в гостиницу и застукал нас.

– Чудесно! – улыбнулся Донован.

– Ну а дальше вообще проще пареной репы... – заявил Иезеум хвастливо. – В тот же вечер возле подъезда я подсунул ему старого друга, которого он не видел лет десять, а за углом за неделю до этого открыл новый бар. Они, стало быть, посидели, выпили... На завтра договорились встретиться ещё. Утром в магазине я подложил ему в корзинку буклет со скидками на алкоголь, а позже запихал в почтовый ящик газету о пользе коньяка,

сухого вина и натуральных бальзамов на спирту. Процесс долгий, но конец один – подохнет где-нибудь под забором...

– Кто ещё?

– Подающий надежды юный фигурист, паренёк двенадцати лет. Лёгкий, порывистый – иногда кажется, будто за спиной у него крылья... Гибкий, как змея, и вертлявый, как вьюн! Не мудрствуя лукаво, я устроил в ту же секцию сына спонсора спортивной школы. И по логике вещей, побеждать должен именно он. Парню это уже доходчиво объяснили серьёзные люди, и скоро он не выдержит и уйдёт из секции. А другой в городе нет.

Донован хохотнул, а Иезеум продолжил:

– На городском состязании у меня руки чесались подставить мальчишке невидимую подножку, чтобы он шлёпнулся на ровном месте! Но уж больно он был прекрасен, и я захотел досмотреть до конца. Однако придумал кое-что получше: наш мальчуган откатал просто гениально, а победил-таки сын спонсора. Он, кстати, довольно крепкий середнячок, но увы, талантом там и не пахнет...

Без меня не видать бы ему победы! А я расстарался вовсю. Накануне конкурсных выступлений одного неподкупного судью уложил с гриппом, а вместо него посадил продажного, у того-то здоровье железное! Его баллов вполне хватило, и в итоге бесталанного сынка отобрали на областные соревнования. А наш пацан был просто раздавлен, мне даже жаль его стало...

При этих словах Донован недобро зыркнул на Иезеума, и тот сразу поправился:

– Ну буквально на секундочку, не больше... В тяжёлый момент я послал поддержку в лице соседа-хулигана, он всего на два года старше, но уже прошёл огни и воды. Новый приятель успокоил бедолагу-фигуриста, посоветовал выкинуть коньки в мусорный контейнер и предложил выпить пива. Пива пацан с горя выпил, а коньки пока не выкинул. Но к тому уже идёт, он их выкинет если не через полтора месяца, так через два. До этого я должен устроить дома у мальчишки крупный скандал родителей, чтобы им стало не до него, а в секции создать ещё более невыносимую обстановку. На днях дружок за душевным разговором снова предложит пареньку пивка, а то и чего-нибудь покрепче. Ситуацию в будущем просматриваю как благоприятную.

– Превосходно! – Донован похлопал в ладоши. – А у меня одинокая женщина, писательница. Строчит и строчит свои романы, как из пулемёта, фантазия просто неуёмная, наделил же Бог... Уже начала печататься, а лет через десять – я немного заглянул в будущее – должна была стать – как это?.. – он наморщил лоб, – а-а, вот: живым классиком!

Донован жутковато улыбнулся. Даже Иезеум, давно привыкший к этой страшной смертоносной улыбке, невольно вздрогнул. Чтобы скрыть своё нечаянное судорожное движение, он быстро отвернулся и отвлекающим картинным жестом закинул шкурку от банана в урну на другом конце скамейки.

– ...Но этого не произойдёт. Я распаковал для неё полный пакет «Женский»: болезнь матери, увольнение с работы, ссору с единственной подругой. Потом вечерний город, дождь, одиночество. И на контрасте подослал одного подонка к памятнику, где она остановилась покурить и поплакать, есть у меня один на примете – выглядит прилично, говорит красиво, сразу и не понять, что мразь редкая. Вселю в её сердце любовь к нему, потом отниму его руками квартиру – и сопьётся как миленькая, никуда не денется. Так и вижу, что её ждёт через три года – холодный

чердак в девятиэтажке по улице Гончарова, случайные собутыльники... Ещё через год, зимой – пневмония, койка в коридоре первой городской и место на самой окраине Свиридовского кладбища.

Рассказчик перевёл дух. Иезеум, вернув кепку в первоначальное положение, одобрительно кивнул.

– И ещё один объект – студент-гений, классический «ботаник». По уши в науке, и кроме неё для парня ничего не существует. Он буквально стоял на пороге открытия века в микробиологии; правда, не до конца понимал это. И чёрт его дёрнул (ну собственно, это и был я) поделиться идеей с честолюбивым профессором, который сей факт прекрасно осознавал... Он даже затрясся при виде формул и расчётов!

Взял студента под крыло, стал направлять, подсказывать, а со временем присвоил идею себе. Доказать авторство и восстановить, так сказать, справедливость невозможно – где тощий заикающийся первокурсник в очках, а где солидное, умудрённое опытом и наделённое должностью светило науки! Парень слабохарактерный, ранимый, даже доказывать ничего не стал, просто замкнулся, ушёл в себя, институт бросил... А ведь мог бы через несколько лет изобрести лекарство от смертельной болезни!

Иезеум ахнул, а Донован самодовольно поднял бровь.

– Живёт он с отцом-алкоголиком, они уже с горя выпили раз-другой по чарочке. Организм слабый, генетика опять же, так что здесь моя миссия окончена, папаша доведёт дело до конца.

– Ну что ж, отличная работа, – не слишком весело подытожил Иезеум. – Родители гордились бы нами – держим марку потомственных бесов-искусителей в человеческом обличье!

Он сделал паузу, словно собираясь с духом, и наконец деланно небрежно произнёс:

– Да, всё забываю спросить... Ты так и не видел Терио с тех пор, как Хозяин изгнал его из школы?

– Нет... Ни разу за двадцать лет. А ты?

– И я – с тех пор никогда. Станным он был, наш непутёвый младший братец. Тянулся к добру, такому неблагодарному понятию... Служил плохо, психологию искушений не учил, итог закономерен – зачем он нашему Хозяину?

Будто стесняясь собственных слов, Иезеум неловко прибавил:

– А знаешь, Терио прав, что переметнулся... Ведь если честно признаться, мы с тобой обычные, а у него был этот, как его называют... дар Господень!

– Какой ещё дар Господень... – недовольно возразил Донован, впрочем, не слишком уверенно. – Нашим он не полагается! Хотя я тоже замечал за ним кое-что эдакое... – нехотя добавил он после паузы.

Донован скривил и без того угрюмое лицо и пренебрежительно продолжил:

– Так уж и Господень... Этого не может быть. Ну если и был – незнамо уж откуда, – то так себе... Слабенький. Ничего особенного.

Они помолчали.

Наконец, Иезеум вздохнул.

– Пора, брат!

– Пора, – согласился Донован, взглянув на часы.

Коротким отточенным движением он зашвырнул в урну пустую бутылку. Ударившись о глубокое дно, она разлетелась, как граната. Горло

её подпрыгнуло, отскочило в другой угол, и по зелёному стеклу поползла тёмная струйка пепси-колы, похожая на кровь. Со зловещим шипением бутылка наконец упокоилась на дне урны, а братья разошлись в разные стороны: Иезеум вразвалочку, засунув руки в глубокие карманы штанов и посвистывая, а Донован – высоко задрав голову, шагая прямо и солидно, с каменным выражением лица.

Сидя на краю кушетки в нетерпеливом ожидании, Игорь Семёнович напряжённо прислушивался к тишине снаружи. Наконец в глубине сада раздались тихие шаги.

– Тоня! – окликнул он чуть слышно, приоткрыв дверь дома и выпустив из комнаты бледный луч света.

Вошла Тоня, жена и медсестра в одном лице, длинная, некрасивая, конопатая.

– Привезла мальчишку? – спросил он, не глядя ей в глаза. Взгляд скользнул куда-то чуть выше левой груди.

– Мальчик в машине, – сообщила жена слегка запыхавшимся голосом. – Спит. Я вколола ему снотворное, как обычно.

– Никто вас не видел?

– Нет.

– Умница.

Врач прошёл к машине и вынес оттуда спящего маленького мальчика с перевязанной стопой.

Жена поднялась на террасу, бросила взгляд на кушетку – донора на ней уже не было. За столько лет подобной практики ей ни разу не довелось увидеть ни одного из них, – ни до, ни после тайных операций, которые время от времени проводил её муж. Он не посвящал её в подробности загадочного действия. Когда Игорь Семёнович уверенно направился в дальнюю комнату, Тоня смотрела ему вслед почти не дыша...

Едва дверь за ним закрылась, она ушла на кухню и сидела там, подперев щеку конопатой ладонью и глядя на шелестящий за окном сад, мысленно представляя эту комнату, обустроенную под операционную. Вот он укладывает маленького пациента, вот плотно задёргивает оконные шторы, вот сосредоточенно моет руки... А рядом, на соседней кушетке, лежит ещё один человек...

Тоня была преданной женой, покорной, любящей, никогда не перечила мужу и ни о чём не спрашивала, только помогала, если тому требовалась помощь. Она не представляла, что происходит там, за дверью. Просто верила, что всё во благо – верила без расспросов и сомнений, сердцем, как безгранично и слепо доверяют врачу и любимому в одном лице. И каждый раз была твёрдо убеждена, что после пересадки все останутся живы и всё будет хорошо, даже лучше, чем прежде.

Она сидела неподвижно, и лишь рука под щекой слегка подрагивала, выдавая то ли волнение, то ли боязнь, как пройдёт всё на этот раз.

Через два часа Игорь Семёнович вынес ребенка из операционной. Мальчик по-прежнему сладко спал.

– Можно вернуть. Скоро он придёт в себя.

Каждый понимал, что пересадка прошла успешно, и они улыбнулись друг другу, он – сдержанно, она – облегчённо.

– Устал... Ужинать будешь? – спросила жена с нежностью.

– Нет, позже, всё позже. Отвези пациента и возвращайся скорее! Я займусь донором.

Внезапно черты его смягчились, и он ласково чмокнул её в щёку. Она ответила ему взглядом, полным любви.

Через несколько минут во дворе затарахтел мотор и послышался звук отъезжающей машины.

Игорь Семёнович подошёл к окну и стал смотреть, как дождь шевелит листву на асфальте, как путается ветер в тёмных деревьях. Вспомнил, как из этой увядающей природы сегодня вышла его удивительная жена – его Тоня. Какая она красивая!.. Он видел её красивой. Он смотрел на неё не так, как смотрят люди – не на лицо, а внутрь сердца – и наискосок, вверх и влево, туда, где пряталась душа. А она была у неё редкой, можно сказать, исключительной – просторной, как сад, и излучающей почти видимый ясный свет.

Вот и ещё одна операция проведена. Каждый раз так больно, словно он не обладающий силой Терио, а и впрямь обычный человек, детский травматолог Игорь Качанов. Он посмотрел на лежащего на кушетке алкоголика. Жаль беднягу! Терио чувствовал в его сломанной судьбе присутствие своих братьев – как и учили в «Школе психологии искушений», они выбирали для своих чёрных дел самых лучших, самых одарённых! Подстраивали ситуации, ловушки и капканы, не давая Божьему дару проявиться, и слабый человек попадался в них и ломался...

Вот и этот – лицо опухшее, взгляд отсутствующий, еле ворочает языком... Но его талант! Почти умирающий, талант пульсировал, трепетал под руками, когда Терио водил ими над грудью пациента. Столько лет, никому не нужный, он сидел в этом теле, как в тюрьме! Сейчас он был всё тот же – невероятный талант музыканта, но измученный долгой болезнью, слабеющий с каждым днём, чуть живой.

Талант, данный Богом.

Он до последнего цеплялся за хозяина, за тело, в которое поместил его Господь, дышал надеждой, спасался воспоминаниями... А они отдалялись, становились всё более прозрачными и отрывочными: длинные гибкие пальцы, касающиеся клавиш, тонкий слух, музыкальное чутьё, чувствительная душа... Теперь от всего этого осталось нечто пьяное, грязное, неразумное...

Божественный дар давно ушёл из трясущихся пальцев, из мутной головы. Он оставался только в сердце, сжавшись и забившись в дальний угол, откуда Терио еле-еле его вытаскил. Извлечь его было труднее, чем глубоко сидящую пулю.

Терио закрыл глаза и вновь представил шестилетнего мальчика Виталика, который поступил вчера в отделение травматологии с вывихом пальца ноги – налетел с разбегу на торчащую из земли трубу. Через пятнадцать лет он станет очень известным пианистом. Пересаженный талант должен хорошо прижиться. Он раскроется, расцветёт в теле, где ему будут предоставлены все условия для развития. Только бы бесы-искусители не встретились на пути мальчика... Много их бродит по свету, высматривая узкими цепкими глазками, вылавливая из глубины человеческих душ истинный дар Господень, а потом медленно, день за днём, убивая его.

Алкоголик на кушетке шевельнулся, приподнял голову, оглядел комнату бессмысленным взглядом.

Терио подошёл к нему, засучил рукава.

– Тебя мне не спасти, дружище... Ты принадлежишь алкоголю, и он – твой бог. Попробую только немного восстановить физические силы... Извини, друг... Всё, что умею.

Уже рассветало, когда Терио закончил. Он встряхнул руками, вытер пот с лица. Организм несчастного очищен, здоровье и силы частично восстановлены. Но полностью избавиться от зла, которое пропитало всё существо мужчины, бес, перешедший на сторону добра, не мог – не хватало мощи. Донован в своей жестокой прямолинейности оказался прав – дар Господень, по какой-то случайности или ошибке данный Терио, по меркам потустороннего могущества был не таким уж сильным... Так себе.

Донор приподнялся на кушетке, взгляд его прояснился. Пациент явно чувствовал себя гораздо лучше.

– Спасибо, спасибо, доктор!.. Благодарю вас! – забормотал он с признательностью.

Трясущейся рукой алкоголик полез было в карман, но врач остановил его.

– Не стоит благодарности... Всего доброго!

Когда садовая калитка захлопнулась за донором, Терио с горечью добавил:

– Прости...

И выражение боли на миг промелькнуло на его лице.

Бродяга не услышал последнего слова. Немного пошатываясь, он медленно побрёл по мокрой листве. Чего-то не доставало в его сердце, но он так и не понял, чего. Непривычно пусто было в левой стороне груди, но зато ничего не болело больше, не сжималось и не жгло изнутри.

Он остановился на мгновение, неясно ощутив, что что-то очень важное, что-то родное, кровное безвозвратно ушло... Потом недоумённо пожал плечами, и чувство невосполнимой потери исчезло без следа, уступив место обычному незатейливому ходу мыслей. Алкоголик потряс давно не мытой головой, сунул руку в карман, вынул несколько мятых бумажек, внимательно пересчитал... Пожалуй, хватит! Только бы было открыто...

Озабоченно взглянув на часы, человек, навсегда утративший бесценный божественный дар, облегчённо вздохнул, решительным шагом прошёл через жёлтую кленовую аллею и завернул к ближайшей рюмочной.

12.09.2019

Андрей КОЗЫРЕВ

САД КАМНЕЙ

Дома, дворы, бетонные панели, кирпич и мрамор, гравий и щебёнка. Огромный мрачный город	обрубки памяти, обрубки мысли бегут с работы, на работу, в бар.
превратился в угрюмый молчаливый сад камней.	Кубы, кубы, кирпичные коробки, растущие упрямо друг над другом в узорном многоярусном инферно, в пространстве, состоящем из углов.
Пустые заводские корпуса заполонили серое пространство. По улицам запущенной промзоны уныло бродит пасмурный сентябрь.	Труба давно не выпускает дыма, но дым спускается на город сверху, и в дыме бродят призраки рабочих, брезентовыми крыльями шурша.
А люди превращаются в обрубки, скитающиеся по трубам улиц, –	

* * *

Так вот она, моя дорога в рай:
маршрутка-дом-работа-крематорий,
откуда испарюсь я невзначай,
спрямив круги астральных траекторий.

Я в небеса взойду, сложив мотив
о нищете, о чести и о жести,
на собственной хребтине изучив
всю инфернальность городских предместий.

Пиит, придурок, лишний человек,
храбрейшая из всех дрожащих тварей,
здесь встретил я обильный честью век,
обласканный опалой государей.

И мне от грозных и смешных царей
в удел достались – вопреки заветам –
жёлчь фонарей и слякоть пустырей,
где так привольно дышится поэтам.

Я здесь торчу, шепчу и грязь топчу,
блистательною праздностью увенчан,
брюзжу, брожу кругами и ворчу
на спесь друзей и недоступность женщин.

Дорога в рай ведёт сквозь грязь и слизь,
и ей брести хоть глупо, но не стыдно,
ведь путь по кругу – он выводит ввысь,
хотя кому-то это и не видно.

Пустыри

1

Я уже давно живу по средствам,
Словно в пьесе, без мечты, на дне.
Но одно воспоминанье детства
Тлеет, обжигая память, мне:

Серый, весь заросший сорняками,
Мертвенный окраинный пустырь –
Он от спячки, длившейся веками,
Пробуждает, словно нашатырь.

...Воздух весь покрыт гусиной кожей.
Грязный дождик шепчется с травой.
Деревянный дом с разбитой рожей
Кашляет вдали, едва живой.

Вечереет, и ползут туманы.
С высоты стекает синий мрак.
Ночь таит заштопанные раны.
Тишина шершава, как наждак.

Свалка жизни – ни конца, ни края...
Тих метафизический пустырь.
Просто Вечность здесь простёрлась злая
В полстраны, во всю земную ширь.

Вечность грязи, нищеты и пьянства...
Дзинь-бутылок острые куски...
По слепому серому пространству
Тусклые блуждают огоньки.

Я живу, расту, ползу всё выше,
Но пустырь во мне скрипит: «Всё ложь.
Помни, помни, из чего ты вышел.
Помни, кто ты и куда придёшь».

И как только, злой, упрямый, стойкий,
Вытерпев и смех, и тумак,
Я приду домой, нырну на койку
И сожму ладонями виски, –

Снова между мной и небесами
Розовый туман стеной встаёт,
В нём пустырь всплывает пред глазами
И отраду тайную даёт.

2

В вечеряющем сумраке строгом
начинают чадить фонари.
Пролегли между нами и Богом
пустыри, пустыри, пустыри.

Как пустые глаза невидимки,
то близки, то опять далеки,
пролетают в кружащейся дымке
огоньки, огоньки, огоньки.

Безнадёжно, туманно и сладко
в эту серую дымку смотреть,
и вдыхать синий запах упадка,
и скучать, и незримо стареть.

...Эта наших скорбей быстротечность,
эта мудрость библейских пустынь,
эта пепельно-пыльная вечность,
лопухи, лебеда и полынь;

Это траурно-жёлтое с серым,
словно горький подавленный крик,
эта боль, без причины, без меры, –
это может понять лишь старик.

Листья в лужах спокойно-застылы,
баки с мусором строятся в ряд,
и осколками битых бутылок
в небе вечные звёзды горят.

Только шум городской замерзает,
только серенький дождь моросит,
смутный рокот к ушам подступает,
пробуждает, зовёт и грозит.

И сквозь сумерки – к сердцу всё ближе –
шепчет совести строгая жизнь:
не уйди, не забудь, не прости же,
стой, смотри, не страшись, но молись.

3

Упрямый неприветливый бурьян
Заполонил угрюмое пространство.
От стен заброшенного комбината
До неба – только серость, пыль и стынь.

Бутылочные острые осколки.
Оторванная ножка старой куклы.
Грязь, серый ветер, шприцы и окурки.
Осмысленная тщетность бытия.

В глазах рябит от серости и скуки.
Едва вздохнёшь – вдыхаешь разложение.
Сухая пыль от пыли прошлых жизней
Роится в напряжённой пустоте.

Стой! – Так пустырь живёт, живёт и дышит,
Захватывает время и пространство,
Растёт и мыслит, любит и тоскует
В пустой мечте наполнить мир собой.

Шесть миллиардов лет земля дышала,
Производила плоть и душу живу,
Чтоб завершиться славой и позором
Промышленных прекрасных пустырей.

Бурьян лопочет что-то по-китайски,
Шприцы пересекаются, как шпаги,
Осколки смотрят в небо, ищут солнце,
И солнце тщетно прячется от них.

Момент истины

Серый ветер. Поздний час.
Желтизна угрюмых стен.
Сухость близоруких глаз.
Синева припухших вен.

Это странно – невпопад,
под конец большого дня
явственно увидеть ад,
окружающий меня,

спешку, пляску на костях,
ловлю денег и людей,
сладострастный пошлый страх,
фальшь и ложь больших идей,

слёзы, сопли, боль и грязь,
чью-то жизнь в своей горсти,
и вздохнуть, не горячась,
и плечами повести.

Вспомнить всё и всё понять,
посмотреть на плоский свод,

и вздохнуть, и замолчать,
и без слов шагнуть вперёд.

Посредине пустоты
торжествуй, живи, умри,
но о том, как умер ты,
никому не говори.

Только кашель в злой кулак,
только сдержанный смешок.
Пусть танцует серый страх,
в нас живущий юркий бог.

Тише, тише, тишина, –
ты не тот, не та вина,
эта вечная война
не для нас одних страшна.

Нет ни истин, ни красот,
есть лишь трезвый, горький взгляд, –
и последний шаг вперёд,
в коем ты не виноват.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Исторической библиотеке Тюмени присвоено имя купца первой гильдии, Почётного гражданина Тюмени Андрея Ивановича Текутьева. А всего в этом году четыре библиотеки города получают имена писателей. Это Михаил Пришвин – «певец русской природы», как назвал его Константин Паустовский. Пришвин жил в Тюмени у своего дяди всего несколько лет и по окончании Тюменского Александровского реального училища уехал в Елабугу, где экстерном сдал экзамены за полный курс гимназии.

С января по разным объективным причинам переносится торжественное открытие библиотеки, получившей имя последнего тюменского классика Зота Тоболкина. По романам Тоболкина снимались художественные фильмы, по его пьесам ставились спектакли во многих, в том числе столичных театрах.

Другой тюменский писатель – Станислав Мальцев, чьё имя получает одна из детских библиотек города, хорошо известен нескольким поколениям жителей Западной Сибири. Его «Приключения Зайки Пети и его друзей» и «Кузя Щучкин – рыжий нос» на протяжении более полувека много раз переиздавались, и сегодня эти книги читают своим внукам те, кто сам вырос на этих увлекательных сказках.

За последние несколько лет имена писателей, оставивших после себя большое литературное наследие, получили уже полтора десятка библиотек в городах и районах области.

* * *

Журнал «Литературные знакомства» половину августовского номера посвятил тюменским писателям. В «Тюменской тетради» опубликованы произведения двенадцати авторов. Это Анатолий Омельчук, Антонина Маркова, Анатолий Кондауров, Андрей Маркиянов, Аркадий Захаров, Владимир Шугля,

Василий Полушкин, Виталий Огородников, Вячеслав Софронов, Дмитрий Сергеев, Леонид Иванов, Елена Русанова, Станислав Ломакин.

Предисловие к «Тюменской тетради» написал известный прозаик, секретарь Союза писателей России Павел Кренёв.

* * *

В областной научной библиотеке г. Екатеринбурга прошла презентация тюменской литературы. Председатель регионального отделения Союза писателей России Леонид Иванов рассказал о писательской организации, наиболее известных тюменских писателях, своём творчестве, провёл презентацию литературного альманаха «Врата Сибири» и передач «Литературные встречи» с участием молодых и известных писателей России.

Почётный гражданин Тюменской области, известный писатель Анатолий Омельчук поведал участникам встречи о творческих планах, представил только что изданную книгу «Мудрость легкомыслия. Легкомыслие мудрости» и рассказал об уникальном писательском проекте «Уроки родиноведения» на Первом интернет-телевидении, которые ведёт вместе с Леонидом Ивановым.

* * *

В Тюмени началось создание музея литературы.

Три года назад к 55-летию областной писательской организации в гостинице «Восток» появился писательский этаж, где каждый номер оформлен в духе произведений литераторов региона. Теперь в просторном холле этого этажа установлены витрины, наполнение которых началось экспонатами из личных архивов известных тюменских литераторов.

Краеведческий музей гостиницы создан благодаря руководству гостиничного комплекса – директору Михаилу Илию и его заместителю, замечательному краеведу, кстати, руководителю областного клуба краеведов «Тюменская старина» Сергею Егорову.

* * *

Литературный марафон, который ежегодно Тюменская городская централизованная библиотечная система и Тюменское региональное отделение Союза писателей России проводят в День города на площади перед ЛКЦ, нынче прошел в онлайн-формате на базе Литературно-краеведческого центра.

В это же время в онлайн-режиме проходила викторина, в которой принимали участие жители области, а победители становились обладателями редких книг, которые они смогут получить лично в ЛКЦ. Писатели в узком кругу пили чай со своими самыми благодарными читателями – библиотекарями и делились новостями. Тут же проходила автограф-сессия.

В литературном марафоне приняли участие Леонид Иванов, Сергей Козлов, Дмитрий Сергеев, Станислав Ломакин, Антонина Маркова, молодые поэты Маргарита Чекунова, Екатерина Рубан, Даниил Сизов, Талиесин Ил-Лиорве, Светлана Глебова.

* * *

Тюменская писательская организация на Первом интернет-ТВ начала новый сезон передач писательского проекта «Уроки родиноведения с Анатолием Омельчуком». Первый выпуск посвящён реальному, а не официальному возрасту Тюмени, которая, по известным в Европе документам, может смело называть возраст почти вдвое больший. Так уж сложилось, что летосчисление издавна принято называть от прихода в сибирские края войска атамана Ермака, хотя задолго до этого Тюмень, на месте которой тогда был город Чимги-Тура, являлась столицей огромного государства, границы которого простирались от Байкала до Балтики, и была перекрёстком торговых путей всей Азии.

* * *

В Тверской областной научной библиотеке с большим успехом прошла творческая встреча с тюменским писателем Леонидом Ивановым. Помимо своих книг Леонид Иванов провёл презентацию альманаха «Врата Сибири», редактором которого работает уже более семи лет.

Издание свыше двадцати лет выходит на средства бюджета области и бесплатно доставляется в библиотеки на всей территории некогда единой Тюменской области. Для участников встречи удивительным стало то, что региональный журнал без участия федеральных структур и дополнительного финансирования смог выйти на международный уровень.

Большой интерес и много вопросов вызвала передача на Первом интернет-ТВ «Литературные встречи», которую уже несколько лет ведёт

Леонид Иванов. При поддержке газеты «Тюменская область сегодня» эта программа стала всероссийской. Только за прошлый сезон в ней приняло участие полторы сотни писателей из разных регионов России, включая Читу, Крым, Алтай, Киров, Вологду, Санкт-Петербург, Москву...

* * *

На базе Тюменской областной научной библиотеки им. Д.И. Менделеева открыл очередной сезон областной клуб любителей литературы, заседания которого проводятся каждый последний вторник месяца.

На первом заседании с большим успехом прошли презентации книг Сергея Козлова, Лидии Жебутинской, Александра Новопашина, Сергея Шатохина.

* * *

На базе Тюменской областной научной библиотеки получил продолжение писательский образовательный проект для членов литературных объединений муниципальных образований.

Этот проект был начат весной нынешнего года и сразу получил большую популярность у людей пишущих.

Семинары вели члены Союза писателей России Антонина Маркова, Дмитрий Сергеев, Ольга Гульяева.

* * *

В Тюмени прошёл Второй открытый Филофеевский конкурс духовно-нравственной литературы. В нём приняло участие более 100 писателей России, которые представили территорию страны от Камчатки до Калининграда и от Мурманска до Краснодара.

Победителями Второго открытого Филофеевского конкурса признаны Александр Кердан (Екатеринбург), Леонид Иванов (Тюмень), Лола Звонарёва (Москва). Дипломами отмечены Наталья Лодеева (Ленинградская область) за поэтический сборник «Смотрит небо на землю» и книгу очерков о священниках «Ближе к небу», Алексей Федотов (г. Иваново) за книгу «Свет во тьме», Владимир Скиф (Иркутск) за книгу стихов о Байкале «Он место в космосе искал», Александр Ронжин за исторический роман «Во Владимире и Вщиже».

Коротко об авторах

БАКЛАНОВА Людмила Васильевна родилась и долгое время жила в Белоруссии. По семейным обстоятельствам в 2004 году уехала в Тюмень. В настоящее время – руководитель информационного центра в Тюменской областной общественной организации «Союз-интеграция братских народов», член клуба ЮНЕСКО «Содружество Сибири» и ТООО «НКО «Автономия Беларусь». Преподает на факультете журналистики Университета третьего возраста «Областной геронтологический центр».

БОРОВСКИЙ Сергей Брониславович родился в 1959 году в древнем городе Торопце Тверской области. После службы в рядах Советской армии работал на авиационном заводе в г. Киеве. С 1980 года жил и работал в г. Москве. Окончил Московский строительный техникум МО СССР. Основная специальность – техник-строитель. Стихи пишет более двадцати лет. Изданы книги «Сторона ты моя златоглавая», «Русь», сборник «Добрые русские сказки» – два издания – в Ишиме и Кургане, «Сказка о царе и кузнеце». Дипломант Международного литературного конкурса имени Петра Ершова. С 1996 года живёт и работает в Тюменской области.

БОРОДКИНА Наталья Михайловна родилась в 1958 году на Кубани, в казачьей станице. С 19 лет живёт в Сибири. Стихи и сказки были опубликованы в литературно-художественном журнале «Смена» (г. Москва), сборнике современной поэзии «Краски жизни» (г. Москва), сборнике современной отечественной поэзии «Живое слово» (г. Тюмень), литературно-художественном журнале «Берега» (г. Калининград), литературно-художественном альманахе «Врата Сибири» (г. Тюмень), историко-краеведческом альманахе «Явлутур-городок» (г. Ялуторовск). Автор трёх поэтических сборников: «Миру с любовью», «На тонкой грани двух миров» и «Звенит строкой душа моя». Член Союза писателей России. Живёт в Ялуторовске.

ВОИНСКИЙ Тодор Иванович (1953-2021) родился в городке Тараклия Молдавской ССР. Учился на филологическом факультете Кишинёвского госуниверситета, окончил факультет журналистики Уральского госуниверситета (г. Свердловск). Работал корреспондентом различных газет Свердловской области, в редакциях газет «Вечерний Кишинёв», «Тюменский комсомолец» («Наше время»), «Тюменская правда», «Тюменские известия», в региональном общественно-политическом журнале правительства Тюменской области «Сибирское богатство», директором тюменского представительства газеты «Труд-7», редактором приложения к газете «Тюменская область сегодня» – «Жизнь национальностей».

Член Союза журналистов России, лауреат всероссийских профессиональных конкурсов. Награждён Почетной грамотой Союза журналистов Тюменской области.

ЕРМАКОВ Дмитрий Анатольевич родился в 1969 году в Вологде. Работал рабочим. Служил в армии. Более 10 лет работал тренером дзюдо и самбо. Прозаик, автор десяти сборников прозы (первый сборник рассказов вышел в свет в 1997 году). Рассказы, повести, романы Ермакова

публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Москва», «Север», «Сибирские огни», «Алтай», «Подъём», «Двина», «Воин России», «Российская Федерация сегодня» и многих других. Лауреат международной литературной премии «Югра» (2012), литературных премий журнала «Наш современник», им. В. Шукшина «Светлые души», ряда других премий и конкурсов. Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

ЕРМОЛАЕВА Екатерина (Катя РУБАН) родилась в 1990 году в Казахской ССР, в небольшом селе Чермошнянка, что на севере страны. Стихи начала писать с раннего возраста после трагической смерти отца в 1999 году. Творческий путь начинала с публикаций в районной газете «Тайыншинские вести», затем последовали альманахи, журнальные публикации, выступления на концертах и литературных вечерах.

В 2008 году поступила на филологический факультет СКГУ имени Манаша Козыбаева и начала публиковаться на просторах интернета. Стихи Кати были опубликованы на сайтах «Проза.кз», «ЛитКульт», «Альтерлит» и других. Во время учёбы в университете Катя играла в студенческом театре, пробовала себя в роли автора пьес. Победитель Всемирного конкурса «День поэзии» и областного конкурса молодых авторов.

Живёт в селе Нижняя Тавда Тюменской области.

ЕФИМОВИЧ Игорь Аркадьевич (Егор КОСИН) родился 27 февраля 1955 года в г. Перми. Окончил Тюменский машиностроительный техникум и Тюменский индустриальный институт, аспирантуру. Публиковался в местных периодических изданиях и коллективных сборниках. Автор книги стихов «От тоста – к тосту». Руководит литературным объединением при Тюменском региональном отделении Союза писателей России. Кандидат технических наук. Живёт и работает в Тюмени.

ЕФРЕМОВА Людмила Георгиевна родилась в Киргизии в семье рабочих. Окончила филологический факультет Фрунзенского государственного педагогического университета. Работала на заводе, затем корреспондентом и редактором многотиражных газет в городах Фрунзе, Сургуте, Надыме. Стихи Людмилы Ефремовой публиковались во многих журналах, альманахах и газетах, в том числе «Литературная газета», «Наш современник», «День поэзии», «Урал», «Бийский вестник», «Эринтур», «Врата Сибири». Автор десятка поэтических сборников, лауреат нескольких литературных премий. Много лет была членом редколлегии альманаха «Врата Сибири», с 1990 года руководит литературным объединением «Надым», с 2012 года – ответственный секретарь Ямальского отделения Союза писателей России. Живёт в Надыме.

ЗВОНАРЁВА Лола Уткировна – известный литературный критик, доктор исторических наук, академик РАЕН и ПАНИ. Автор более полутора десятков книг и более 600 статей, переведённых на 11 языков, член творческих союзов (секретарь Союза писателей Москвы, член правления Союза художников Подмоскovie, постоянный участник международных конгрессов, приглашаемый профессор, Почётный работник сферы молодежной политики РФ, крупный специалист по развитию личности через творчество. Лола Звонарёва создала новое культурологическое направление, признанное в СНГ, странах Западной Европы и США.

ИВАНОВ Леонид Кириллович родился в Вологодской области. В 1977 году участвовал в семинаре молодых писателей северо-запада СССР под руководством классика советской литературы Василия Белова. Автор двадцати книг прозы, лауреат Международных и Всероссийских литературных премий. Книги выходили в Тюмени, Вологде, Екатеринбурге, Москве. С 2014 года возглавляет альманах «Врата Сибири» и Тюменское региональное отделение Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

КАРТАШОВ Борис Пантелимонович (1951–2019) родился в посёлке Печеневка Серовского района Свердловской области в семье репрессированных, учился в лесотехническом техникуме и на факультете журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС, служил в рядах Советской армии, работал в леспромпхозах Томской, Свердловской областей, Ханты-Мансийском автономном округе стропальщиком на строительстве газопровода Уренгой – Помары – Ужгород, журналистом, директором типографии. Повести и рассказы Бориса Карташова печатались в журналах «Проталина», «Уральский следопыт», «Зверобой», «Югра», альманахе «Эринтур», в сборнике «Под созвездием Кедрa». Автор более десятка книг.

КЕРДАН Александр Борисович родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Окончил Курганское высшее военно-политическое авиационное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооруженных силах политработником, преподавателем военного вуза и военным журналистом. Полковник в отставке. Доктор культурологии. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Автор более 70 книг стихов и прозы, вышедших в России, Азербайджане и США. Стихи и проза Кердана переведены на английский, итальянский, болгарский, азербайджанский, белорусский, хантыйский, башкирский, коми и другие языки. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Екатеринбурге.

КЛИМОВИЧ Марина родилась в Тюмени, учится в ТюмГУ на филолога. Стала писать зарисовки с 14 лет, стихи с 18 лет. Печаталась во «Вратах Сибири» в 2018 году со стихами, публиковалась в тюменских группах «ВКонтакте». Не участвовала в специализированных конкурсах.

КОЗЫРЕВ Андрей Вячеславович – поэт, прозаик, издатель. Автор девяти поэтических сборников, среди которых – «Любовь чайника» (2013 г.), «Дневник одного путешествия» (2014 г.), «Человек говорит» (2014 г.), «Расшифровывая снег» (2015 г.), «Осень в Византии» (2016 г.), «Запретный город» (2018 г.). Публиковался в различных литературных журналах. Главный редактор литературно-художественных альманахов «Точка зрения» и «Менестрель». Глава оргкомитета Международной литературной премии им. И.Ф. Анненского. Организатор регионального движения «Красная книга культуры». Администратор областного сайта молодой омской поэзии «Молодежный проспект». Руководитель литературной студии «Магнит». Лауреат литературной премии им. Ф.М. Достоевского. Член Союза писателей Москвы.

КОТОМИН Николай Васильевич родился 21 ноября 1950 года в деревне Любыни Новгородской области. В 1967 году поступил в Ленинградский государственный университет и окончил его в 1972 году. Математик. Первая книга стихов «Пред дорогой» издана в 2004 году в Санкт-Петербурге. Вторая книга «Прикосновение» вышла в 2011 году. Отдельная история издательской деятельности Н.В. Котомина – издание произведений поэта и актёра ВГИКа Евгения Михайловича Красавцева (1939–1986). Это книги – «От имени Отца» (СПб, 2005), «Возвращение» (СПб, 2009) и «Откровение» (СПб, 2014).

КРАВЦОВ Константин Павлович родился в Салехарде, окончил Нижнетагильское художественное училище, затем Литературный институт им. Горького. В 1999 году принял сан священника православной церкви. Служил в храмах Ярославля, Москвы, Подмосковья. В настоящее время – клирик московского храма Благовещения Пресвятой Богородицы. Печатался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Русская поэзия. XX век», «Наше время» и др. Автор четырёх книг стихов. Лауреат Филаретовского конкурса христианской поэзии в интернете (2003).

КРОТКОВА Изабелла Анатольевна по образованию музыкант, работает артисткой Тамбовского симфонического оркестра. Прозу пишет с 2009 года, основной жанр – мистический детектив.

Четыре романа издано в Za-Za Verlag (Дюссельдорф). Рассказы опубликованы в журналах и литературных альманахах, в том числе «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф). Роман «Безумные каникулы Дарьи Буранюк» вышел с продолжениями в литературно-художественном журнале «Испанский переплёт» (Мадрид).

Дипломант Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года», лауреат конкурса короткого рассказа имени В.Г. Короленко (2017). Живёт в г. Тамбове.

КРУПИН Владимир Николаевич – русский советский писатель, публицист и педагог. Один из представителей «деревенской прозы». Пишет в основном на православную тему. Родился в Кировской области, по окончании школы начал работать в редакции районной газеты. Окончил Московский областной педагогический институт, много лет работал в различных редакциях газет и журналов, был главным редактором нескольких литературных журналов. С 1994 года преподаёт в Московской духовной академии. Первый лауреат Патриаршей литературной премии. Сопредседатель Союза писателей России. Почётный гражданин Кировской области. Живёт в Москве.

КУРГАНОВА Евгения родилась в Москве, окончила филологический факультет МГПУ им. Ленина по специальности русский язык и литература, долгое время работала в ТАСС. Первые рассказы опубликованы в газете «Московские новости». Печаталась в журнале «Приокские зори», «Московский Парнас», в альманахах «Лесной орех», «Ясноцвет», болгарской газете «Есенински булевард», литературном журнале «Страна и мы», сборнике «Вечерами у балкона». Вышли в свет книги «Люблю и верю» и «Снежный вальс». Лауреат литературного конкурса «Страницы семейной славы» и Международного фестиваля «Русский лад». Член Союза писателей России.

ЛОМАКИН Станислав Константинович родился в 1941 году в селе Кыштовке Новосибирской области. После седьмого класса окончил училище механизации сельского хозяйства, работал механизатором. Учился в лётном училище. В 1966 году окончил Томский государственный университет. Более сорока лет преподавал в вузах Тюмени. Литературным творчеством занимается с 1965 года, его рассказы печатались в журнале «Уральский следопыт», в местной периодике. Автор нескольких книг и многих научных работ по истории философии, краеведению. Член Союза писателей России с 1997 года. Живёт в Тюмени.

ЛОТКИН Илья Викторович родился в 1966 году в г. Омске в семье инженеров. В 1984 г., окончив среднюю школу № 77 г. Омска, поступил на исторический факультет Омского государственного университета.

В 1989 г. после его окончания направлен в аспирантуру при кафедре этнографии и современной отечественной истории Омского государственного университета. После окончания аспирантуры работал ассистентом на кафедре этнографии и музееведения ОмГУ, старшим преподавателем, доцентом. В январе 1994 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Современные этнические процессы у латышей и эстонцев в сельских районах Западной Сибири». С 1993 г. – исследователь Гарвардского проекта «Изучение этнических конфликтов в постсоветском пространстве» (исследование причин национальной напряженности в Западной Сибири). Автор двух монографий по политологии и этнографии, более 50 публикаций в российских и зарубежных журналах. Преподаёт на историческом факультете. Владеет английским, эстонским, латышским языками. Живёт в Омске.

ЛЮТЫЙ Вячеслав Дмитриевич – литературный и театральный критик. Родился в семье советского офицера. Окончил Воронежский политехнический институт и Литературный институт им. Горького (семинар критики). В настоящее время – заместитель директора – главного редактора журнала «Подъём». Член Союза писателей России, председатель совета по критике Союза писателей России. Публиковался в журналах «Подъём», «Сура», «Дон», «Наш современник», «Русское эхо», «Москва», «Волга – XXI век», «Сибирь», «Невский альманах», «Молодая гвардия», «Странник», «Простор». Автор книг статей о современной литературе «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды» (2011), «Сны о любви и верности» (2014). Живёт в Воронеже.

МАЛЬЦЕВ Ярослав Владимирович родился в Тюмени в 1985 году. Окончил институт истории политических наук ТюмГУ по специальности «История». Занимается историей (преподаёт), философией (сфера научных интересов) и поэзией (как разговор с бытием). Автор поэтических сборников «Я благодарен тебе» и «Одинокий корабль». Публиковался в газете «Тюменская правда», в альманахе «Врата Сибири». Является призёром конкурса «Лёгкое перо – 2017».

МИЗГУЛИН Дмитрий Александрович родился в 1961 году в Мурманске, окончил Ленинградский финансово-экономический институт и Литературный институт им. Горького. Долгое время возглавлял Ханты-Мансийский банк. Президент благотворительного фонда «Дорога жизни». Стихи печатались в различных литературных журналах России

и стран Европы. Автор большого количества поэтических сборников. Лауреат Международных и Всероссийских литературных премий, премии губернатора ХМАО-Югры, Большой литературной премии им. Б. Корнилова, лауреат премии правительства Российской Федерации (за просветительский проект в области литературы «Альманах «День поэзии – XXI век»). Победитель Первого Филофеевского литературного конкурса духовно-нравственной литературы, обладатель Золотой медали Международного конкурса «Золотой Орфей». Секретарь Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

МИТЮК Владимир Владимирович родился 2 мая 1950 года в г. Липецке. Прозаик, поэт, редактор. В 1972 году окончил факультет прикладной математики и процессов управления ЛГУ. Специалист в области автоматизации сложных систем. Имеет более 50 научных трудов и изобретений, работает в различных жанрах: литература для детей, любовные и остросюжетные романы, рассказы и очерки, детективы и фантастика. Публиковался во многих журналах, основатель и редактор альманаха «Двойной тариф». С 2019 года – главный редактор сборника «ПроФан», а также один из редакторов альманаха «Невская перспектива».

НИКОЛАЕВ Сергей Шамильевич родился в 1955 году в посёлке Штеровской государственной районной электростанции имени Феликса Дзержинского (Ворошиловградской) Луганской области на Украине. Работал помощником мастера ткацкого производства, затем в учреждениях культуры и образования своего города. Писать стихи начал в седьмом классе. Живёт в деревне Акульцево Ивановской области.

ОМЕЛЬЧУК Анатолий Константинович – писатель, член Союза журналистов РФ, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин Тюменской области. С 1966 года работал радиожурналистом в Нижневартовске, Дудинке, Салехарде, с 1987 по 2018 год возглавлял областной телерадиокомитет, затем ГТРК «Регион-Тюмень». Автор 50 книг и автор сценария 500 документальных фильмов. Член Российского географического общества, член правления Евразийской телеакадемии, президиума Международной Академии телевидения и радиовещания, действительный член Академии российской литературы, Академии российской науки и искусства. Живёт в Тюмени.

РЯБИЙ Михаил Михайлович родился 22 ноября 1954 года в городе Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края. Окончил филологический факультет Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института (1976). Кандидат филологических наук (1993). Автор более 160 публикаций, в их числе статьи о творчестве писателей, книги по литературоведению и критике. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийских литературных премий в номинации «Литературоведение». Награждён почётным знаком и медалью «За заслуги перед малочисленными народами». Работает преподавателем в Николо-Сольбинском монастыре.

СЕРГЕЕВ Дмитрий Алексеевич родился в 1956 году на Донбассе. Окончил исторический факультет Донецкого государственного уни-

верситета. Служил в Группе советских войск в Германии, был токарем, школьным учителем, работал в системе МВД, с 1988 года – в журналистике. Имеет около 200 литературно-художественных публикаций, автор нескольких сборников фантастики и реалистической прозы, шести сборников стихов. С 1994 года – член Союза журналистов России, с 2002-го – член Союза писателей России. В 2015 году переехал на постоянное место жительства в Тюмень.

СТАРИКОВА Лилия Ямилевна родилась в Приуралье, в городе Бугульме. Там же в 1978 году окончила среднюю физико-математическую школу. Образование продолжила в ЛАТУГА (Ленинградское авиационно-транспортное училище гражданской авиации). Автор шести книг стихов и прозы. Публиковалась в антологиях и коллективных сборниках, журналах «Невский альманах», «Под сенью лавры», «Окно» и др. Член Союза писателей России. Дипломант Всероссийской литературной премии им. Александра Невского. Живёт и работает в Санкт-Петербурге.

ТКАЧУК Леонид Владимирович родился в 1954 году в г. Ивдель Свердловской области. Окончил Тюменский государственный университет. Много лет работал журналистом газеты «Тюменская правда». Дипломант областных и городских фестивалей авторской песни. Автор сборника «Новолуние» (Тюмень, 2000), альбома «Там, где добрые кедры» (2005), участник магнитного альбома «Барды Тюмени» и нотного сборника тюменской поющей поэзии «Вместе» (2007). В 2013 году в Тюмени выпущен сборник стихотворений «Иван-чай» (стихи, поэма, фотографии). Член Союза писателей России. В настоящее время живёт в Израиле.

ТРОФИМОВА Ирина Николаевна родилась в 1960 году в Свердловской области. Окончила филологический факультет Тюменского университета, работала в школах Тюмени учителем, 7 лет – заведующей кабинетом музыки и мировой художественной культуры в областном институте повышения квалификации учителей. Переехала в Тобольск в 1993 году. Пишет стихи и песни. Работает редактором журнала «Град Тобольск». Публиковалась в местных СМИ, соавтор поэтического сборника «На зелёном холме».

ШАФРАН Яков Наумович – член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат Всероссийских литературных премий «Левша» имени Лескова и «Белуха» имени Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии имени Вениамина Блаженного. Заместитель главного редактора – ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег», входящего в инфраструктуру журнала «Приокские зори». Живёт в г. Туле.

ЯРКОВ Александр Павлович – кандидат культурологии, доктор исторических наук, профессор Тюменского госуниверситета, долгое время работал в Киргизии. Несколько лет заведовал региональной лабораторией изучения этноконфессиональных отношений и проведения социокультурных экспертиз Тюменского государственного университета. Занимается вопросами истории, межконфессиональных отношений. Его книги неоднократно выходили в финал конкурса «Книга года».

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках: работы тюменского художника Г.С. Райшева.

На обложке:

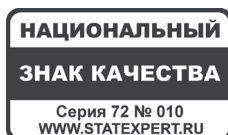
Г.С. Райшев. «Болотная баба», 1974, холст, масло.

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу –
Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издается при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.
Выходит два раза в год. Издается с 1999 года.

Адрес редакции:
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
тел./факс: (3452) 49-00-18
e-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, оф. 410
Директор-главный редактор Шестаков Сергей Александрович
тел. (3452) 49-00-18, e-mail: editor@tumentoday.ru

Подписано в печать 27.11.2021 г.
Дата выхода номера в свет 15.12.2021 г.
Формат 70х1081/16 Бумага ВХИ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 2732. Цена свободная.
Журнал отпечатан в типографии АО «ИИЦ «Красное знамя».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера: Дерябин Сергей Александрович.
Корректор: Рыжкова Елена Александровна.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л., публицистика – 3 а. л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.

Геннадий Степанович Райшев в мастерской

ВЕЧНОСТЬ ВРЕМЕНИ СЧАСТЬЯ ЖИВОПИСЦА РАЙШЕВА

«Югорская легенда», 1986 г.

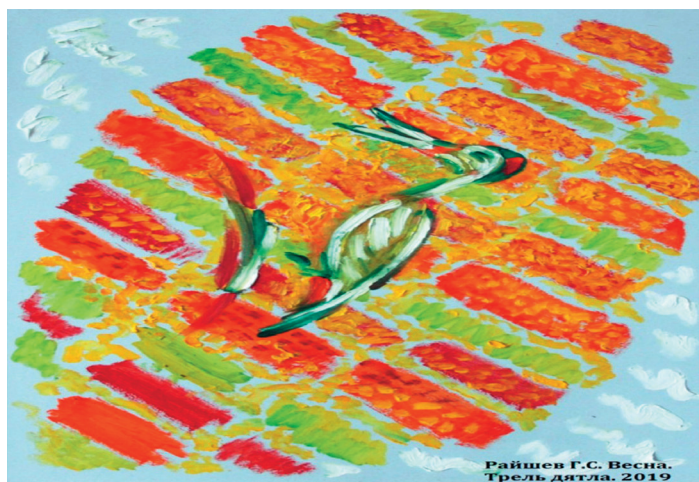
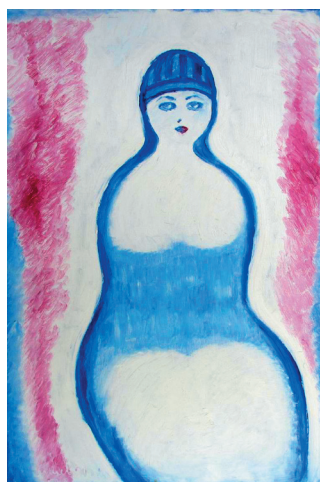
*«Миша Лемпин». Из серии «Мужички
салымские», 1974 г.*

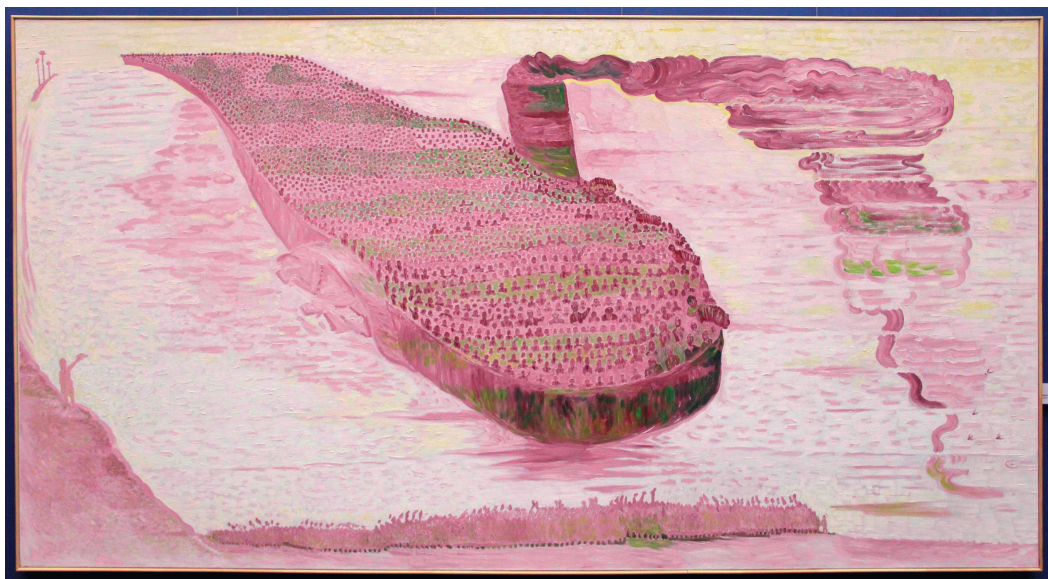

«Глухари», 1967 г.

«Чудо-юдо Рыба-кит».
Серия иллюстраций к сказке П.П. Ершова «Конек-Горбунок», 2006 г.

«Мой край», 1970 г.